1132
399

А. В. Лонгиновъ.

И132 399

МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ

РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ,

заключенные въ X вѣкѣ.

Историко-юридическое изслѣдованіе.

ОДЕССА.
«Экономическая» типографія, Почтовая, № 43.
1904

2 экз

Печатано по опредѣленію Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
Вице-Президентъ *А. Л. Бертье-Делагардъ.*
Секретарь *И. А. Линниченко.*

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
1067319

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава первая (стр. 1—36). Общая характеристика занесенныхъ въ лѣтопись договорныхъ грамотъ X вѣка. Религіозная основа мирныхъ договоровъ. Русскій національный элементъ договоровъ. Значеніе ихъ въ вопросѣ о возникновеніи и развитіи Русскаго государства. Сопоставленіе договорнаго матеріала съ лѣтописнымъ разсказомъ о призваніи чудско-славянскими племенами варяго-русскихъ князей и съ преданіями разныхъ народовъ. Оцѣнка свѣдѣній, сообщаемыхъ о руси императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ и арабскими писателями. Родство варяго-руссовъ съ рутенами Галліи. Вліяніе на Русь греко-римской культуры. Важность договорныхъ грамотъ, какъ памятниковъ литературныхъ. Взглядъ лѣтописца на договорную практику въ X в.. Процедура заключенія договоровъ русскихъ съ греками. Обозрѣніе текста договорныхъ актовъ. Причины разночтеній въ ихъ спискахъ.

Глава вторая (стр. 36—72). Исходные моменты дипломатическихъ сношеній русскихъ съ греками по ссылкамъ въ договорныхъ грамотахъ. Обновленіе договоромъ 912 г. ветхаго мира русскихъ съ греками. Первоначальный мирный договоръ между ними. Борьба Византіи за независимость. Событія, предшествовавшія походу Олега на грековъ и подготовившія почву договоровъ 907 и 912 г. Составъ и форма договора 907 г. Русскіе городскіе центры. Сношенія Игоря съ греками, приведшія къ договору 945 г. Участіе русскаго княжья и народа, чрезъ своихъ представителей, при заключеніи договоровъ. Поѣздка Ольги въ Царьградъ и подтвержденіе ею договора съ греками.

Глава третья (стр. 72—113). Постановленія договора 945 г. о Корсунской странѣ и черныхъ болгарахъ. Историческая связь договоровъ 907, 912 и 945 г. Смыслъ договорнаго выраженія: «равно другаго съвѣщанья» и древнерусскихъ терминовъ: «урядъ»,—«слово»,—«извѣщеніе». Мирные переговоры Святослава Храбраго съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ 971 г. Среда земли Русской. Записка готскаго топарха. Символическій обрядъ поцѣлуя. Статьи договора Святослава съ Цимисхіемъ. Значеніе грамоты Святослава. Языческая и христіанская клятва руссовъ при заклю-

ченіи договоровъ 907, 912, 945 и 971 г. Смерть Святослава. Подтвержденіе договора 971 г. Ярополкомъ. Мирныя сношенія Владиміра св. съ греческими царями.

Глава четвертая (стр. 114—161). Правда варяго-словенская, какъ первообразъ Правды договоровъ русскихъ съ греками. Система преступленій и наказаній договорной Правды греко-русской. Смертоубійство. Доказательства и условія наказуемости убійства. Раздѣлъ имущества убійцы между ближними убитаго и женою убійцы. Причиненіе побоевъ, ранъ, увѣчій и истязаній. Русскій законъ о послѣдствіяхъ несостоятельности виновнаго. Кража. Разбой. Грабежъ. Покушеніе на преступленіе и совершеніе преступленія. Вознагражденіе потерпѣвшихъ. Побѣгъ, похищеніе, продажа и укрывательство челядиновъ. Право наслѣдованія послѣ русскихъ, умершихъ въ Греціи безъ завѣщанія и по составленіи завѣщанія. Выкупъ плѣнныхъ. Челядинная цѣна. Выдача преступниковъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Внесенныя въ лѣтопись грамоты X вѣка по договорамъ между русскими и греками, направленнымъ преимущественно къ обезпеченію непрерывности и безопасности взаимныхъ торговыхъ сношеній, превосходятъ, своею важностью, всѣ остальные уцѣлѣвшіе отечественные памятники письменности домонгольскаго періода. Постановленія договоровъ, стремящіяся къ сочетанію русскихъ и византійскихъ интересовъ, предисловія и послѣсловія договорныхъ актовъ, представляютъ яркую картину древне-русской жизни, отражая въ себѣ ея государственный, общественный, семейный и экономическій строй, религіозный культъ и юридическіе обычаи. Среди многочисленныхъ, нерѣдко противорѣчивыхъ и запутанныхъ извѣстій о русскомъ населеніи до сближенія русскихъ съ греками и возникновеніи Русскаго государства, договоры X вѣка блестятъ путеводною звѣздою, облегчая раскрытіе тайны претворенія разрозненныхъ племенъ, усѣвшихся по бассейнамъ рѣкъ, близъ морей Балтійскаго (Варяжскаго), Чернаго (Русскаго), Азовскаго (Сурожскаго) и Каспійскаго (Хвалынскаго), въ одинъ народъ русскій, какъ гражданъ Русской земли, на славянской основѣ. Договоры освѣщаютъ исконныя, созданныя русскою жизнью, правовыя нормы до ихъ воплощенія, при Ярославѣ I, въ одинъ законодательный кодексъ русскій, подготовленный состоявшимся соглашеніемъ неладившихъ между собою сѣверныхъ чудскихъ и славянскихъ племенъ съ варягорусскими князьями о принятіи этихъ племенъ подъ свою власть для водворенія покоя и правомѣрнаго порядка. Договоры, знаменующіе весьма успѣшный опытъ состязанія русскаго народа, совокупными силами, на международной аренѣ, имѣли очень долго воспитательное вліяніе, какъ питомникъ, въ которомъ внѣдрилось и разросталось правовое сознаніе народа русскаго, въ которомъ національная государственная идея единовластія или единодержавія («прія власть Рюрикъ единъ»)[1]), при своемъ

[1]) Въ Ипат.: «всю власть». Ср.: «Всеволодъ пріимъ власть Русьскую всю» (Лавр. 197).

дальнѣйшемъ развитіи находила непоколебимую опору и въ которомъ наша дипломатія черпала образцовый матеріалъ въ сношеніяхъ съ другими государствами, съ конца XV вѣка охватившихъ почти всю Европу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, договорныя грамоты X вѣка обличаютъ варяжское происхожденіе первыхъ организаторовъ Русскаго государства—свѣтлыхъ князей и большинства пословъ «отъ рода русскаго». Туземное преданіе, соотвѣтственно скандинавскимъ сказаніямъ, приписываетъ правнуку Рюрика, внуку Игоря, сыну Святослава, Владиміру святому «отъ варягъ рожество,—сей бысть сынъ Святославль *отъ племени варяжска*» [1]), въ развитіе лѣтописнаго разсказа о *выбравшихся* изъ за-моря («избрашася») варяжскихъ князьяхъ и о занятіи или подчиненіи ими своей власти неза долго передъ тѣмъ свергнувшей съ себя ярмо чужестранцевъ всей сѣверно-русской земли («пояша по собѣ всю Русь») [2]). Внѣшняя оболочка дого воровъ русскихъ съ греками, гораздо ранѣе выкованная средневѣковымъ международнымъ молотомъ, дала окраску редакціи послѣдующихъ любовныхъ соглашеній русскихъ князей съ иностранными державами, чередо-

---

[1]) В. Срезневскій: Мусинъ-Пушк. Сб., стр. 18, 68, 74. Голубинскій: Ист. русск. церкви, т. I, ч. 1, стр. 195, 214.

[2]) Въ 1154 г. Вячеславъ и Изяславъ въ посланіи къ угорскому королю Белѣ Слѣпому употребили такое выраженіе: «...*ся по насъ яла* Русская земля вся и Черные Клобуци»... (Ипат. лѣтоп. 292). Вмѣсто «пояти по собѣ» нерѣдко писали: «заяти собѣ», «взяти за себя» или «за собою». Ярославъ въ 1017 г. «грады Червенскыя *зая собѣ*» Ярославъ... «ходилъ на землю Лифлянтскую ратью и плѣнивъ ихъ и въ свое имя градъ Юрьевъ поставилъ и тое землю *взялъ за себя*» (Оболенскій и Даниловичъ: Посольск. кн. вел. княж. Литов., т. II, № 72). Основаніе Ярославомъ Юрьева, послѣ побѣды надъ западною чудью, пріурочено лѣтописью къ 1030 г. «Отступися Волока... силою еси *взялъ за себя*» (подъ 1229 г.). Витовтъ «*взя* княженіе Смоленское *за себя*» (Воскрес. лѣтоп., т. VIII, 69)—«Которыя села были за княземъ Васильемъ за Шуйскимъ, и тѣ князь великій *за себя же взялъ*» (Соф. 2 лѣтоп., т. VI, 217). Подъ 1472 г.: Князь Венедійскій... хотя ити на Турскаго царя, что въ Царьградѣ сидитъ, *взявъ за собою* хрестьянскій градъ» (Соф. 196 и друг). Подобно сему: «перея за ся» (Воскрес., т. VIII, 63),—«поимъ за се» (Тверск., т. XV, 436), «поима» (Ипат. 558), и т. д. Выраженіе «пояти за ся» или «себя» часто примѣняется и къ брачному союзу: «Хощю ти *пояти* собѣ женѣ» (подъ 955 г.), «Миндовгъ восхотѣ пояти свесть свою за ся... поя ю за ся»... (Ипат. 568). Въ 1320 г. «женися князь Дмитрій Мих. Тверскій... приведе *за себя* изъ Литвы дщерь Гедимина князя». «Иматися, ятися» (по комъ) большею частью значитъ предаться, подчиниться: «Кіевляне *яшася по нь*», т. е. предались Игорю, «лестью» (Ипат. 229). По Гельмольду, норманны «primo omnium slavos, qui prae manibus erant, miserunt sub tributum» (Chron. slav.). По Ибрагиму ибнъ-Якубу, писавшему около 960 г., племена сѣвера завладѣли нѣкоторыми изъ славянскихъ странъ (Изв. Ал.-Бекри., 46). Патріархъ Фотій въ бесѣдахъ говоритъ о походѣ на грековъ *руси*, покорившей окрестныя племена (865—867).—Взять съ собою,—обыкновенно,—«пояти *съ собою*» (напр., Ник. т. X., 19). Возить за собою—возити *по собѣ*: «Святославъ возъ по собѣ не возяше». «По собѣ» значитъ иногда—послѣ себя, напр.: «оставлеша *по собѣ* славу послѣднему вѣку» (Ипат. 585).

вавшихся съ мироположеніями о волостяхъ въ домашнихъ спорахъ, для устроенья мира, и порядами русскихъ князей съ своими подданными. Нѣкоторыя формулы договоровъ X вѣка пережили въ Руси цѣлую вереницу столѣтій, постоянно повторяясь позднѣйшими мирными актами, жалованными и иными грамотами. Обѣщаніе вѣчной, неизмѣнной пріязни «дондеже солнце сьяетъ и весь миръ стоитъ»,—выраженіе двукратно повторяющееся въ договорѣ 945 г.,—передается въ латинскихъ актахъ фразой: «usque ad finem seculi» или «donec mundus steterit» (Tafel и Thomas: Font. rer. Austr. XII, LI, 116—120). Въ южно-славянскихъ памятникахъ, напр. въ грамотѣ бана Кулина 1189: «од века, одколе свѣть сталь». Въ грамотѣ кн. Мстислава Владиміровича Юрьеву монастырю: «донѣле же ся миръ стоить, молите Бога за мя» (Изв. Ак. Н., т. VIII, 339. Ср.: «докуды и міръ стоитъ», А. Юр., I, 82). Не менѣе часто помѣщается въ латинскихъ договорныхъ спискахъ угроза противодѣйствія поселяющей человѣческіе раздоры нечистой силѣ, попавшая въ договоръ Игоря 945 г.: «ненавидящаго добра враждолюбца дьявола разорити» – bonis adversans satan et pacis inimicus» (Atti di soc. Ligure di storia patria, vol. 28, стр. 459), или: «suggerente humani generis inimico» (Jirecek: Cod. dipl. Bohem., № 62). Въ договорѣ русскихъ съ Казиміромъ Польскимъ, около 1339 г., трактуется о водвореніи взаимнаго согласія и устраненіи вражды, посѣянной дьявольскимъ навожденіемъ: «discordiam a dyabolica suggestione seminatam» (Voigt.: Cod. dipl. Prus. III, № 61). Проникающая все мирное *строеніе* (ср.: «по Божью *строю*» въ Лавр. 116) взаимная любовь двухъ великихъ народовъ покоится на божественной поддержкѣ; другими словами, миръ, скрѣпленный клятвеннымъ увѣреніемъ державныхъ сторонъ, зиждется на божественномъ основаніи и нарушеніе мира навлекаетъ на виновныхъ справедливый гнѣвъ Бога Вседержителя, лишающаго ихъ своего покровительства: «Богъ любы есть, пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываеть, и Богъ въ немь пребытаеть» (лѣтоп. подъ 1078 г.). Въ договорѣ 912 г.: «Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи вѣрѣ [1]) (варіантъ—мирѣ) и любви (въ лат. грам. «pax et treuga Dei») главы таковы.... Хотяще о Бозѣ удержати... Мы же кляхомся, иже отъ Бога суще, яко Божье *зданіе*, не преступати отъ уставленыхъ главъ мира и любви.... иже преступятъ, да имуть месть отъ Бога Вседержителя.... и да не имуть помощи отъ Бога». Подъ договорной грамотой 912 г. выставлено «лѣто *создания* миру», совпадающее съ годомъ *отъ* сотворенія міра. Миръ всегда считался у

---

[1]) Ср. «приходящимъ (съ) *вѣрою* и любовью» (Лавр. 134). Грамотою Стефана Родослава отъ 1234 г., утверждается миръ «по *вѣрѣ и любви* и клетвѣ» (F. Miklosich: Monum. Serb. № 23). Въ грам. 1240 г., «да ви «*любе* и да ви хране одь зла сь правомъ *вѣромъ*» (Ib. № 32).

насъ дѣломъ богоугоднымъ и спасительнымъ: «Бога ради всхощете мира,—смиритеся Бога ради», и т. под. Кто «соблюдалъ землю Русскую», тотъ стремился къ миру. Междоусобную рать не только договорные акты, но и русскіе лѣтописцы, и церковные проповѣдники, и Владиміръ Мономахъ, въ духовной, приписываютъ наущеніямъ, уловкамъ или сѣтямъ дьявола, который, по ея выраженію,—«не хочетъ добра роду человѣческому, сваживаетъ ны». Іоаннъ Цимпсхій говорилъ Святославу, упрекая князя въ нарушеніи прежняго мира съ греками, что самъ Спаситель былъ посредникомъ при его заключеніи (Левъ Діаконъ).

Возвѣщенное договорами X вѣка господство *русскаго* національнаго элемента на огромномъ протяженіи Русской земли раскрываетъ широкій горизонтъ для обозрѣнія того зачаточнаго процесса, посредствомъ котораго было вызвано къ жизни и произрастанію Русское государство. Изслѣдователь договоровъ не можетъ ограничиться безмолвнымъ созерцаніемъ этого явленія, какъ бы взглядъ его ни расходился со взглядами историковъ болѣе его искусныхъ, свѣдущихъ и проницательныхъ. По разсказу лѣтописца,—чудь, словѣне и кривичи, вытѣснивъ варяговъ, имъ почему-то ненавистныхъ, и извѣдавъ неудобства и бѣдствія, сопряженныя съ политическимъ разъединеніемъ племенъ, ихъ неустройствомъ (отсутствіемъ «наряда») и одинаковой для нихъ Правды, при своей обособленности, ведшей къ выгоднымъ для внѣшнихъ враговъ племеннымъ раздорамъ и къ тому, что каждое племя «само творило себѣ законъ», стали искать себѣ князя. «Рѣша:—сами въ себѣ, поищемъ собѣ князя» (Лавр.) [1]), т. е. мы сами въ собственной волѣ или въ своей власти ...отъ насъ зависитъ... Въ 1176 г. володимерцы выражались: «мы есмы *волная* князя прияли къ собѣ» (Лавр., Ипат.). Въ призваніи варягоруссовъ участвовали вмѣстѣ съ славянскими племенами и нѣкоторыя, примкнувшія къ союзу съ ними чудскія племена—меря, весь, мурома, вѣроятно принадлежавшія нѣкогда къ кругу тѣхъ народностей, которыя назывались kylfing'ами—колбягами въ Гардарикѣ уже при первомъ извѣстномъ ея князѣ Радбардѣ (Ратиборѣ), жившемъ приблизительно, по скандинавскимъ сагамъ, въ началѣ VIII вѣка (Ant. russes. т. I, стр. 487 и т. II, стр. 249 и др.). «Рѣша *русь*—чудь, словѣни, кривичи (и) *вся*... (Лавр., Ипат.)... *земля* наша велика и обилна... [2]), а наряда въ ней нѣтъ»... и т. д. Если принять чтеніе позд-

[1]) Въ Ипат.: «Поищемъ сами въ собѣ князя». Ср.: «намъ самимъ о собѣ поискати» (ib. 222). «Искати *въ собѣ* тятя» (Русск. Правда). Предпочитаю чтеніе Лавр. списка. Князя *искалъ не у себя*. Въ 1229 г. новгородцы требовали отъ Ярослава Всеволодовича, чтобы онъ присягнулъ «на всей ихъ волѣ и на грамотахъ Ярославлихъ»; иначе, грозили они ему: «ты—себѣ, а мы—себѣ» (Новг., Тв.).

[2]) Подъ обильемъ понимаю *богатство* вообще. Ср. слова Рюрика Ростиславовича, сказанныя Всеволоду, которому волость далъ лѣпьшую не отъ *обилья*, т. е. изобилья волостей (Ипат. 470).

нѣйшихъ списковъ «и вси», то дѣло не измѣняется:—«Первіи насельницы въ Новѣгородѣ словѣне, Полотьстѣ кривичи, въ Ростовѣ меря, въ Бѣлѣозерѣ весь, въ Муромѣ мурома, и тѣми *всѣми* обладаше Рюрикъ», сдѣлавшись единодержавнымъ по смерти двухъ братьевъ, послѣдовавшей спустя будто-бы два года. Приведенныя слова «русь... вся» обнимаютъ собою все то чудское и славянское народонаселеніе Русской земли, которое «поняша по собѣ» варягорусскіе князья. Внося въ свой разсказъ имя государственное и этнографическое—Руси и руси, въ смыслѣ, сложившемся послѣ призванія варягоруссовъ, но до дѣйствительнаго распространенія этого имени, лѣтописецъ естественно находился подъ вліяніемъ современнаго ему положенія вещей (ср. «нынѣ зовомая русь»). Тѣмъ не менѣе, свивая прошлое съ настоящимъ, лѣтописецъ дробитъ новгородскую Русь на составныя этническія группы. Союзныя финнскія племена еще ранѣе помѣщаются лѣтописью въ Аѳетовой части... гдѣ «*сѣдятъ русь*—чудь и *вси языци*», т. е. славянскіе и разновидности чуди, въ Новгородской области. Между подробно перечисленными здѣсь чудскими племенами названа первою меря, платившая дань изгнаннымъ варягамъ: «Имаху дань варязи на чюди и на словѣнехъ,—на *мери* и на всѣхъ кривичѣхъ» (859 г.). Упомянутые «вси языци» раздѣляются, въ предѣлахъ разросшагося Русскаго государства, на славянскіе и инородческіе: Се бо токмо словѣнескъ языкъ *въ Руси*: поляне, деревляне, *новгородьци*»... и т. д. «А се суть *иніи языци* иже дань даютъ *руси*»... Среди иноязычниковъ, платившихъ, во время составленія лѣтописи, дань руси,—на первомъ планѣ *чудь* (меря, весь, мурома и др.)... Въ войскѣ Олега при движеніи къ Смоленску упоминаются «чудь—меря, весь». Въ 882 г. «поиде Олегъ, поимъ воя многи: варяги, чудь, словѣни, мерю, весь, кривичи». Въ 980 г. «Володимеръ собра вои многи: варяги и словѣни, чудь и кривичи, и попде на Рогъволода», княжившаго въ Полоцкѣ. Разсказывая объ устройствѣ Олегомъ городовъ и установленіи дани варягамъ, лѣтописецъ упоминаетъ словенъ, кривичей и мерю, безъ обозначенія ея чудской національности. Въ походѣ на грековъ 907 г. Олегъ беретъ съ собою, между прочимъ, чудь... и мерю. Въ вознагражденіе мерянъ за участіе въ походѣ городъ ихъ Ростовъ, какъ и Полоцкъ, предоставленные Рюрикомъ въ управленіе его мужамъ, получилъ «укладъ». Неоднократно указывая чудское происхожденіе мери и веси, отъ которыхъ при Владимірѣ св. нарубались лучшіе мужи для заселенія городовъ вмѣстѣ съ словенами и кривичами, лѣтописецъ, быть можетъ, имѣлъ намѣреніе предотвратить смѣшеніе читателемъ союзныхъ съ словенами и кривичами финнскихъ племенъ съ племенами чудскими, враждебными руси и ею покореннымъ впослѣдствіи. По словамъ новгородца Гуряты Роговича, занесеннымъ въ лѣтопись и подтвержденнымъ многочисленными документальными свѣдѣніями о новгородскихъ волостяхъ, *пече-*

ряне платили дань Новгороду наравнѣ съ другими отраслями заволоцкой чуди: пермью, ямью, угрою. Слѣдовательно, коль скоро, по свидѣтельству того же лѣтописца, они дань давали *руси*, то, очевидно, Новгородская область съ прибытіемъ «находниковъ» обратилась *въ русскую*. Нашъ лѣтописецъ положительно удостовѣряетъ такую перемѣну:— «Отъ тѣхъ [1]) (варягоруссовъ) прозвася *Русская земля новогородци-ти*», т. е. народонаселеніе Ильменской страны (Holmgard, Nogardia, Ostrogard) [2]). Оно получило съ той поры смѣшанный характеръ: «Суть людье новгородьци отъ рода варяжьска, преже бо бѣша (исключительно) словѣни... [3]) первіи насельницы въ Новѣгородѣ». Къ туземному населенію привился элементъ пришлый— варягорусскій, продолжавшій приливать въ Новгородскую область еще при Ярославѣ I и удержавшійся преимущественно въ *городахъ*, какъ показываютъ нѣкоторые списки Русской Правды, замѣняющіе изгоевъ горожанами, а словенъ сельчанами, и самая лѣтопись: «и по тѣмъ *городомъ* суть находници варязи»... По сообщенію Ибрагима ибнъ-Якуба, племя сѣверное *руссы* смѣшались съ славянами и говорятъ пославянски» (Изв. Ал-Бекри, 54). Лѣтопись Переяславля-Суздальскаго (XIII в.) помѣщаетъ и Новгородъ въ перечнѣ городовъ русскихъ, получившихъ, по договорамъ съ греками, «уклады» (ст. 9). Градація привиллегированныхъ городовъ, по ихъ старшинству, идетъ, за изъятіемъ одного Любеча, отъ южныхъ къ сѣвернымъ (Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ). Изъ предпослѣднихъ двухъ первенство присвоено кривичскому городу Полоцку предъ мерянскимъ Ростовомъ. Подъ 898 г. лѣтописецъ, разсуждая о славянскомъ происхожденіи туземной руси и почти буквально повторяя сказанное имъ о новгородскихъ аборигенахъ («отъ варягъ бо *прозвашася русью*»), утверждаетъ, что и поляне днѣпровскіе—«нынѣ зовомая русь»—получили наименованіе руси отъ варягоруссовъ. Въ Софіевской и Воскресенской лѣтописяхъ, подъ 941 г., при описаніи похода Игоря на грековъ, сказано: «Послаша болгаре вѣсть къ царю, яко идуть русь на Цареградъ, людей 10 тысящь, глаголемы *отъ рода варяжьска* сущимъ». Когда Олегъ вокняжился въ Кіевѣ, смѣнивъ Аскольда и Дира, совокупившихъ тамъ многихъ варяговъ и владѣвшихъ полянскою землею, «бѣша у него *словѣни* и варязи и *прочи*, *прозвашася русью*». Это значитъ, что имя руси, не бывшее искони домашнимъ у полянъ, покрыло всѣ туземныя племена, сосредоточенныя подъ державой Олега по занятіи имъ Кіева, включая кривичей, ко-

---

[1]) Въ Инат. прибавлено «варягъ»; въ Лавр. просто «отъ тѣхъ». Ср. о тиверцахъ: «си вси звахуться *отъ грекъ* Великая Скуѳь».

[2]) Одинъ изъ лѣтописцевъ XV в. нарицаетъ Ильменъ «не яко озеромъ, но моремъ *русьскымъ*» (Соф. т. VI, 18).

[3]) Ср.: «и по тѣмъ городомъ (Полоцкъ, Ростовъ, Бѣлоозеро) *суть* находници варязи».

торые также помогали ему завладѣть Смоленскомъ, Любечемъ и Кіевомъ: «И бѣ обладая Олегъ полянми», ранѣе состоявшими данниками козаръ [1]) и покоренныхъ Аскольдомъ и Диромъ,— «и деревляны, и сѣверяны и радимичи». Олегу при этомъ благопріятствовали мирныя отношенія между полянами, деревлянами, сѣверянами, радимичами, вятичами и бѣлохорватами. Въ извѣстіи 944 г. пояснено, какія славянскія племена подъ именемъ руси участвовали въ походѣ на грековъ: «Игорь же, совокупивъ вои многи: (а) варяги, (б) *русь*— и поляны, и словѣни, и кривичи, и тиверцѣ»... При дальнѣйшемъ разсказѣ племена эти опять объединяются подъ именемъ руси. Въ 980 г. «Володимиръ собра вои многы, варягы, и словѣны, и чудь, и *кривичи*». Въ 1018 г. Ярославъ «совокупивъ *русь* и варягы, и *словѣны*, поиде противъ Болеславу и Святополку» (Лавр.). Словене здѣсь имѣютъ видовое по отношенію къ руси значеніе, какъ наприм. въ лѣтописномъ разсказѣ подъ 1213 г.: «Мстиславъ бѣ со всѣми князьми *Рускыми* и *Черниговскыми*» (Ипат. 490). По Новгородской и Тверской лѣтописямъ, Ярославъ, снаряжая въ 1043 г. сына своего Владиміра въ походъ на Царьградъ, далъ ему «воя многы—варягы, *русь*». Племенныя черты постепенно стушевываются [2]) и уступаютъ мѣсто административно-территоріальному дѣленію Руси по княжествамъ, или городскимъ округамъ съ тяготѣвшими къ нимъ землями. Перемѣна эта отразилась на изложеніи начальной лѣтописи и ея продолжателей... Въ составъ словенскаго языка (народонаселенія) въ Руси вводятся, между прочимъ, *волынцы* (съ тяготѣвшими къ г. Велыню землями) и *новгородцы* (съ подчиненными Новгороду славянскими землями). Въ 1170 г. на Великій Новгородъ поднялись смоляне, торопчане, муромцы, рязанцы, полочане, переяславци, ростовцы съ своими князьями, и *вся земля Русская*» (Тверск. лѣтоп. т. XV, 244, 245). Въ описаніи Липецкой битвы 1216 г., ...*вся Русская земля*.. и Галичская, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и *Новгородская*, и Рязанская. Въ 1228 г. Володимеръ Кіевскій «со всими князи, и куряны, и пиняны, и новогородци, и туровци, объсѣдоша Каменѣць» (Ипат. 503). Въ договорѣ съ греками 907 г. и сѣверные, и южные *города* одинаково

---

[1]) По словамъ Ибнъ-Фадлана, писавшаго въ первой половинѣ X в., еще въ то время языческіе руссы пополняли войско хозарскаго царя, состоя у него на жалованьи, но не были подвластны царю, образуя великій народъ. Козиры, хозары—akatziri, katziri (Географъ Равеннскій) пришли изъ средней Азіи, гдѣ сохранили наименованіе кангаръ, по Конст. Порфир.—храбрѣйшая вѣтвь хозаръ (De adm. imp., гл. 38, ср. Hammer Purgstall: Gesch. d. goldn. Horde).

[2]) Проф. Ключевскій, въ Боярск. Думѣ др. Руси, проводитъ мысль, что Древлянская земля не составляла политическаго *цѣлаго*, ибо преданіе говоритъ о *многихъ* князьяхъ, которые ее распасли. Это—недоразумѣніе; лѣтопись вовсе не указываетъ на *одновременное* существованіе въ Древлянской землѣ князей равносильныхъ Малу.

считаются *русскими*, принадлежащими къ территоріи *Русскаго государства*. По договору 912 г. греки обязывались охранять потерпѣвшую крушеніе лодью *русскую*, съ какимъ бы ни было племеннымъ составомъ ея морского экипажа, и провожать ее въ *Русскую землю*... По договору 945 г. русскіе осенью должны были возвращаться «въ домы своя *въ Русь*». Въ договорахъ 912 и 945 гг. *законъ русскій* есть законъ общій *для всѣхъ* племенъ, обитавшихъ въ предѣлахъ Русскаго государства и состоявшихъ въ подданствѣ у великаго князя русскаго. Послы и гости играли роль представителей отъ всѣхъ людій *Русскія земли*, а всѣ граждане ея—*русины* или русскіе [1]), въ какомъ бы округѣ они ни проживали. Тоже самое въ Русской Правдѣ и позднѣйшихъ договорныхъ актахъ, напр., Казиміра Ягановича съ Псковомъ, *русинъ*—полочанинъ [2]) витблянинъ, смолнянинъ», и т. д. Оффиціальные акты хотя отличаютъ иногда человѣка «русскаго» отъ «новгородскаго» (Собр. Гос. Гр. и Дог. № 3), но отличіе это имѣетъ искусственный, условный характеръ, какъ и лѣтописное противоположеніе Кіевской Руси другимъ русскимъ княжествамъ, напр., «посла князь Всеволодъ Гюргевичъ тивуна своего... *въ Русь* (подъ 1195 г.); водиша ко кресту Романа (кіевскаго) *въ Руси*» (подъ 1204 г.), и т. д.

Государственное имя Руси, по прибытіи Рюрика съ братьями, проникнувъ изъ Ильменской области въ Приднѣпровье, упрочилось за Кіево-Переяславской и Черниговской землями. До исхода по крайней мѣрѣ X вѣка оно постоянно обнимало собою и Новгородскую область. Наприм., въ 976 г. Ярополкъ, назначивъ посадниковъ *въ Новгородѣ*, «бѣ володѣлъ единъ *въ Руси*». Постепенно оно стало примѣняться къ Новгородской области рѣже лѣтописью и оффиціальными актами. Впрочемъ, лѣтописецъ говоритъ, что *изъ Руси* (по Волгѣ) можно идти въ Болгары и Хвалисы... а по Двинѣ въ Варяги»,—подъ 1060 г. зоветъ *русью* псковичей и новгородцевъ, участвовавшихъ въ сѣчѣ съ сусолою, а подъ 1206 г. влагаетъ въ уста Всеволода, при посылкѣ имъ сына Константина въ Новгородъ на княженіе, слѣдующія слова: «Новгородъ Великый старѣйшинство имать княженью *во всей Русской земли*» (Лавр. 401). Чудско-славянскія племена, ввѣряя владычество надъ ними варягорусскимъ князьямъ, выговорили себѣ важныя льготы въ *мѣстномъ* управленіи: Новгородцы, «издавна свобоженые (Лавр. подъ 1173 г.), напередъ, *какъ и земля ихъ стала*, никотораго князя *государемъ себѣ* не зывали, но *господиномъ* звали» (Соф. П. 204). Потому новгородцы слыли за «дикихъ» (свободныхъ) мужей, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ подъ 1205 г., что удержали за собою право произволь-

---

[1]) «Володѣютъ козары (т. е. козарами) *русьскіе* и до днешнего дне» (Лавр).

[2]) Въ грамотѣ Герденя XIII в.: «што Руская земля словетъ Полочькая» (К. Наперскій—Русск. Лив. акты).

наго избранія князя и нераздѣльные съ такимъ правомъ порядки,—«по обычаю своему изстариннному» (Новг. и Никонов. лѣтоп. подъ 1304 г.). Такой же эпитетъ «дикіе» примѣняетъ лѣтопись къ *независимымъ* половцамъ въ отличіе отъ половцевъ *русскихъ* (Лавр. 480).

Единая территорія Русской земли, задолго до раздѣла ея по Днѣпръ между Ярославомъ и Мстиславомъ въ 1026 г. широко раскинувшаяся на востокѣ и западѣ, занимала, по своему географическому положенію, Верхъ и Низъ. Въ 997 г. «Володимеру шедшю Новугороду по *верховьнии* воѣ»... Въ 1148 г. Ростиславъ далъ дары Изяславу «отъ *верхнихъ* земель и отъ варягъ», Изяславъ же далъ дары Ростиславу отъ Русской земли и отъ всѣхъ царскихъ земель» [1])—«Всеволодъ сбирашеть, изъ Корачева, отъ *верхнихъ* земль вои» (Ипат. 442). Въ 1196 г. «Ярославъ, княжилъ на Торжку, дани поима по всему *Верху*». (Новг. I, 23). Олегъ изъ Смоленска пошелъ въ *Низъ*. Земля *Низовская* (напр., Соф. п. 1252 г.) называется иногда, въ противоположность Верху, и Понизьемъ. Императоръ Константинъ Порфирородный также дѣлитъ русь на сѣверную (внѣшнюю) и южную, которую онъ, по ея русскому населенію, протягиваетъ отъ Херсонеса Таврическаго до истоковъ Днѣпра [2]). Господствующею надъ отдѣльными славянскими племенами русью онъ признаетъ русь, прилегающую къ среднему и южному теченію Днѣпра, различая языкъ русскій отъ славянскаго. Племена

---

[1]) Царскія земли—греческія, откуда получалась между прочимъ паволока. Въ 1146 г. Георгій одарилъ Святослава «*палолокою* и скорою» (Ипат. 240). Въ 1164 году «присла царь (греческій) дары многи Ростиславу—оксамиты и *паволоки* и вся узорочь разноличная» (Ib. 357). Въ 1204 г. Ярославъ молвилъ на вѣчѣ въ Новгородѣ: «взялъ есьмъ въ корабляхъ дары—*паволоки* и овощь, а они меня абезчествовали». (Никон. и др.).

[2]) Внѣшняя Русь складывается у него изъ Смоленской, Полоцкой, Луцкой и окрестныхъ земель и связывается съ княженіемъ въ Новгородѣ Святослава. Онъ описываетъ заготовленіе кривичами, лучанами и другими подчиненными южноруссамъ славянскими племенами лѣсного матеріала и постройку, «на горахъ» (гиры), спускавшихся изъ ближайшихъ озеръ по Днѣпру судовъ—однодеревокъ. Подъ гирами разумѣются сухопутья, а не округа, какъ толковалъ Неволинъ. Въ Тверской лѣтописи подъ 1203 г. сказано: «Придоша варязи *горою* на миръ». Въ грамотѣ Андрея Александровича 1301 г. изложено: «....дахомъ имъ (нѣмцамъ) три пути *горніи* по своей волости и четвертый *въ рѣчкахъ*» (Напорскій: Руск. Лив. акты, 25). Въ договорѣ 1522 г. царя Василія съ нѣмцами постановлено: «Посламъ царскимъ *горою* и *водою* путь чистъ» (Оболенскій и Даниловичъ: Кн. посольск. вел. кн. Литов. т. II, № 62). «Отъ Ругодива *горою* къ Колывани купцамъ дороги не дадутъ» (Русск. Ист. Библ. т. XV, стр. 70). Императоръ Константинъ знаетъ и другое, нѣсколько испорченное славянское слово «перекладъ (перекладіумъ) у Селины, южнѣе Кіліи, древняго Licostonium'а, «qui alias Kilia dicitur» (Hurmuzaki: Doc. Rom. v. II, № 354), по объясненію Венелина,—перекладка товаровъ (Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1874, № 6, 43), но можетъ быть и прохлада въ смыслѣ отдыха: «ловы творяше... приходя, *прохлаждашеся*» (Тверск. лѣт. 251).

славянскія продавали *руссамъ* суда; руссы посѣщали Византію, Хазарію, Черную Болгарію и иныя сосѣднія страны. Константинъ Порфирородный, говоря о князѣ *русскомъ*, княгинѣ *русской*, соединявшихъ подъ своею рукою многія племена, перечисленныя почти согласно съ нашею лѣтописью въ соч. «De administrando imperio» (гл. 9, 37, 42), въ концѣ главы, 9 понятіе о южнорусской народности ограничиваетъ сферою *правительственною*: Русскіе князья *со всѣми руссами*, въ ноябрѣ, отправляются *на полюдье*», въ отечественныхъ княжескихъ грамотахъ называемое «осеннимъ», но оно продолжалось и зимою:... «февраля въ 25 день... сущю великому князю Ростовѣ *въ полюдьи*, ...февраля въ 8 день... сущю князю великому въ Переяславли *въ полюдьи*» (подъ 1190 г.). Несомнѣнно, императоръ ведетъ рѣчь о *княжескихъ дружинахъ* съ большою примѣсью *варягорусскою*, повліявшею на обособленіе имъ русскаго языка отъ славянскаго или славянорусскаго.

При сопоставленіи преданій нашей лѣтописи о возникновеніи Русскаго государства («какъ Русская земля стала есть») и племенномъ его составѣ, а также договорныхъ грамотъ X в., въ которыхъ многія именаословъ и гостей—не славянскія, съ извѣстіями западныхъ писателей о норманнизмѣ руси, напр. Ліудпранда («Inger rex russorum seu nortmannorum»), епископа Пруденція, Венеціанской хроникой Іоанна Діакона, и т. под. съ признаками обособленія императоромъ Константиномъ отъ славянской массы населенія правительственнаго слоя русскаго народа, необходимо варягоруссовъ выдѣлить изъ славянорусскаго міра въ эпоху образованія Русскаго государства, какъ отпрыскъ норманнскій, но выросшій изъ одного и того же корня по своей *первобытной* національности [1]). Норманнскія черты варягоруссовъ можно наблюдать въ прозвищахъ Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Порфироднаго. Первый изъ упомянутыхъ имъ, вѣроятно, Будиловскій—Esoupy, одинаковаго значенія у русскихъ и славянъ «не спи», и нынѣ по-англійски значитъ то же (не зѣвай), что у славянъ «не спи». «Струкунъ или Струнунъ, по славянски Напрези, не менѣе легко объяснить формами англійскаго языка (глаголы

[1]) О смѣшеніи норманнской крови съ славянскою въ правящихъ сферахъ свидѣтельствуютъ исландскія и скандинавскія саги. Достаточно припомнить, что Рагнаръ Лодброкъ, король Даніи и Швеціи (+794) былъ внукомъ *Голмгардскаго* правителя Радбарда—Ратибора, женатаго на дочери Ивара Видфадна Одрѣ. Отъ Рагнара Лодброка идутъ двѣ нисходящіяся линіи: одна королей датскихъ (черезъ Сигурда+820), другая королей Швеціи черезъ Сигурдова брата Біорна, къ потомству котораго принадлежитъ супруга Ярослава I Ингигерда—Ирина (см. сагу Sögubrat и генеалогич. табл. въ Ant. Russes). Замѣчательно, что норцами («норци» или «нарци еже суть словѣне») назывались и норвежцы—«Norici» въ древн. актахъ. Норцевъ или нарцевъ можно отождествить съ Тацитовыми нарисками (Narisci).

strik и striv), на которомъ говорили варяги въ Византіи (Кодинъ и др.). Норманнскій типъ варягоруссовъ и попытки ихъ сломить упорство древлянъ, отстаивавшихъ свою независимость, вѣроятно, и внушили Льву Діакону мысль о гибели Игоря въ *Германіи*[1]), хотя способъ казни великаго князя, повѣшеннаго будто-бы между двумя *деревьями* и разорваннаго пополамъ, есть, кажется, *символическое* изображеніе убійства его *деревлянами*. Тотъ же Левъ Діаконъ приводитъ *русское* слово «comment», имѣющее у англичанъ одинаковое значеніе съ нашимъ *вѣчемъ* (ср. слова *кметь*, *кметье*, подъ 1075 г., и *кметьство* въ Новг. I. 14).

Для рѣшенія вопроса—откуда судьба занесла руссовъ на дальній сѣверъ, еще не обнаружено достаточно непреложныхъ данныхъ. Полагаю, однако, что въ этомъ вопросѣ весьма цѣнны раннія и вполнѣ достовѣрныя историческія свидѣтельства, указывающія гнѣздо *рутеновъ*—руссовъ въ приморской Галліи, на югѣ нынѣшней Франціи (Плиній и Юлій Цезарь). Рутены, составлявшіе нѣкогда населеніе провинціи *Нарбоннской*, граничили съ авернами, на истокахъ Гароны (нынѣ Aveyron), и санктонами (нынѣ округъ Saintonge) «Eorum regio *Russia* vocatur» (Schwandtner: Script. rer. Hungar. III, XIX. 240[2]). Можетъ быть, славянскіе послы, *высокаго роста*, прибывшіе, послѣ 15 мѣсячнаго скитанія, въ VI вѣкѣ, съ отдаленнѣйшихъ окраинъ *западнаго океана*, по поводу требованія вспомогательнаго войска противъ грековъ, но вслѣдствіе причиненныхъ имъ притѣсненій, ушедшіе затѣмъ во Фракію къ грекамъ искать защиты и получившіе отъ греческаго царя средства къ возвращенію въ отечество, вышли изъ Нарбоннской Галліи. По словамъ этихъ лицъ, народъ ихъ велъ жизнь безмятежную, предаваясь игрѣ на гуслнхъ. Какая-то связь между южными рутенами и норманнами существовала въ концѣ VIII вѣка. Въ 782 г. прибыли въ Нарбоннскую Галлію Nortmanni exploratores, которыхъ Карлъ объявилъ отъявленными врагами (Pertz. II. 195 и 768). Симонъ Логоѳетъ и вообще продолжатели Феофана и Амартола именуютъ русь дромитами изъ рода *франковъ* По Ибнъ-Фадлану руссы носили *франкскіе* мечи. Южнѣе авернонъ и г. Нарбонна, на с.-в. склонѣ Пиренеевъ и раскинулся примыкающій къ морю обширный округъ Руссильонъ (Rous-

---

[1]) Тацитъ германцевъ отдѣляетъ отъ даковъ и сарматовъ (славянъ) горами, очевидно Карпатскими. По Страбону (Geogr. lib. VII) Германія простиралась до Каспійскаго моря, что повторено въ хроникѣ Регинона подъ 889 г. Скандинавскія преданія юговосточную Русь называютъ Великой Свеоніей, родиной царей скандинавскихъ (Heimskringla). Названіе Руси Германіей обязано, кажется, своимъ происхожденіемъ Германариху, обладавшему всей южной Русью, куда во II вѣкѣ проникли готы съ береговъ Балтики: «Veneti, Antes, Sclavi, omnes Ermanici imperii serviebant» (Iordan, c. 23).

[2]) Въ грамотѣ князя Юрія II, данной г. Саноку въ 1339 году, западная Русь—«Ruthenia».

sillion), называвшійся при Каролингахъ «Ruscillionum» на югѣ отъ гг. «Ruthenis, Rutenica» существовшихъ при Меровингахъ и Каролингахъ, на востокѣ отъ Roscidavallis, не говоря уже о с. Roscinos или Ruscino на р. Орлиной, впадающій въ заливъ Rosas, у г. Rosas. Горы, тянущіяся отъ Арильяка до Валенса, назывались *Rutheni* (Дройзена историч. карты древн. Европы; Меркаторъ, и друг.).

Преданія сѣверныхъ и западныхъ народовъ представляютъ много сходнаго съ разсказомъ нашей лѣтописи о призваніи варягорусскихъ князей. Въ описаніи путешествія Отара и Улфстейна Восточное Балтійское побережье (Ostland) есть «*великая земля*... меда и рыбы тамъ большое *обиліе*... многіе между жителями происходятъ раздоры»... (Ant. russes, II). Въ хроникѣ Видукинда приглашеніе бриттами саксовъ владычествовать надъ ними передается почти одинаковыми съ русскою лѣтописью выраженіями (Mon. Germ. hist. scr. III. 419). Въ вопросѣ о происхожденіи Руси весьма, по моему убѣжденію, важенъ связанный съ преданіями о происхожденіи *венетичей* разсказъ Константина Порфиророднаго о переходѣ лонгобардовъ (длиннобородыхъ), въ началѣ VII в., изъ Панноніи въ Италію по приглашенію греческаго патрикія Нарзеса: «*Придите*», говорилъ онъ, «*сюда въ страну изобильную*, текущую млекомъ и медомъ, и поселитесь въ ней»... Прибывъ, *съ родами своими*, къ Беневенту и встрѣтивъ противодѣйствіе тамошнихъ жителей, они построили *Новгородъ*—Civitas nova. Подчинивъ себѣ окрестности Беневента, затѣмъ завоевавъ Лонгобардскую территорію, кромѣ нѣкоторыхъ округовъ, въ томъ числѣ *Русіаны*, Неаполя и пр., въ 749 г. раздѣлили Лонгобардію на герцогства. Власть была ввѣрена *двумъ братьямъ*—Сакону и Сикарду... *Венетичи* (Βενετιχοί)[1]), сосѣди лонгобардовъ, до заселенія острововъ назывались *енетами* (вѣроятно, *антами*)... Въ древности Венетія была пустынна и болотиста. Венеты были *франки изъ Аквилеи и другихъ мѣстъ Франціи* и жили на материкѣ противъ Венетіи. Спасаясь отъ вторженія Атиллы, обезлюдившаго и опустошившаго всю Францію, франки изъ Аквилеи и др. городовъ своихъ, спасаясь бѣгствомъ, приходили къ низменнымъ островамъ Венетіи, обстроились тамъ и избрали себѣ вождя. Пипинъ, съ тремя братьями, которые стояли во главѣ надъ всѣми франками и *славянами*, сказалъ венетамъ: «Вы подъ моею рукою и подъ моимъ попеченіемъ, ибо вышли изъ моей области»... Венеты заключили, около 810 г., съ королемъ Пипиномъ мирный договоръ, обѣщая уплачивать ему большую дань... (De adm. imp. гл. 27 и 28). Отрасль рутеновъ Галліи (Gallia romana—Francia romana), на которыхъ, вмѣстѣ съ другими приморскими альпійскими народами, Неронъ

[1]) Ср. «венедичи» въ Словѣ о полку Игоревѣ.

распространилъ латинское право (Тацитъ—Annal., кн. XV), быть можетъ, Тацитовы Cauci или Chauci (кавки), Kaukoen-sioi Птоломея, вошли въ составъ Галицкой Руси и Галицкаго княжества въ горахъ Кавкасійскихъ (Угорскихъ или Карпатскихъ), по сосѣдству съ древней Дакіей, дѣлившейся на двѣ половины лѣвымъ притокомъ Дуная, рѣкой Алютой (Ptolom. Georg. III, cap. 8) [1]). Въ Протогеновой надписи III вѣка, именно —декретѣ въ честь Протогена, упоминаются *галаты*, по моему мнѣнію, *галльскаго* происхожденія, угрожающіе Ольвіи въ союзѣ со скирами (Латышевъ: Inscriptiones... o. s. Pont. Eux. v. 1). Галицкіе рутены разселились до р. Топли, гдѣ анонимный, во многомъ увлекавшійся баснословными сказаніями, венгерскій лѣтописецъ кладетъ границу между уграми, рутенами (ruthenos) и поляками, приводя преданіе о соглашеніи русскихъ вождей, прибывшихъ въ Паннонію, принадлежавшую нѣкогда Атиллѣ, съ отцомъ Арпада Альмомъ (конецъ IX в.), который будто бы уступилъ имъ во владѣніе Галицкую землю [2]). Часть Паннонiи—Rugiland, издавна считалась русскимъ отечествомъ «russorum patria» (Павелъ Діаконъ). Въ хроникѣ Адемара «Alba Ungria», населенная и по нашей лѣтописи бѣлыми уграми задолго до прохожденія (при Олегѣ) мимо Кіева черныхъ угровъ, отличается отъ «Ungriae Nigrae..... quae dicitur *Russia*» (Pertz: Monum. Germ. IV, 129). Съ X вѣка, по указанію самого Петрушевича, сомнѣвающагося въ славянизмѣ руговъ, Rugia означала то же, что Russia (Наук. Сб. III, 177). Обитатели ея назывались то russani, то ruzzi, какъ и въ скандинавскихъ грамотахъ новгородскіе руссы—ruźar, ruzos. Они до 900 года повиновались моравскимъ государямъ [3]).

На побережьи Балтійскаго моря, гдѣ нашъ лѣтописецъ помѣщаетъ варяжскую вѣтвь или колѣно руси, между готами и агнянами (т. е. англянами), образовались, по близости Angeln'a, области *Rosen-gau*, жители которой, въ 803 г., переведены были Карломъ Великимъ въ другія мѣста за постоянныя стачки съ норманнами (Annal. Mois. Pertz., II, 258), и

---

[1]) Вытекающая изъ восточныхъ Бескидъ р. Алюта, по надписи временъ Траяна, сближается съ горами Кавкасійскими: «Alutum flumen secus mont. Caucasi» (И. Шараневичъ: Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten-Völker, 51). —Геродотъ въ описаніи страны, по которой проходило войско Ксеркса на пути къ Греціи, упоминаетъ область *Галлапуку* (Ib. 53). По Іорнанду, жилища *антовъ* простирались до р. Алюты. Велесовъ внукъ Боянъ, видно, не безъ основанія превращаетъ руссовъ въ быстроногихъ *галицъ* (галка—на малорусскомъ нарѣчіи кавка, а самъ авторъ Слова о полку Игоревѣ облекаетъ русскихъ князей въ *латинскіе* шеломы.

[2]) Endlicher: Monum. Arpad. p. 8—13. Schwandtner, III, 14. Подробн. разб. у К. Грота: Моровія и Мадьяры, 203.

[3]) Это признаютъ какъ наши, напр. Ѳ. Мерошкинъ: Истор. крит. изслѣдов. о руссахъ и славянахъ, такъ и иностранные ученые.

Rustringen, подаренныя Людвигомъ Благочестивымъ крестному сыну своему Геріольду (Einhard, подъ 826 г.). Послѣдняя область находилась во Фризіи, по обѣимъ берегамъ р. Яды, неподалеку Вагріи, гдѣ протекаетъ р. Травна (Гельмольдъ), на югъ отъ Галлскихъ острововъ, и была подчинена князьямъ Ольденбургскимъ. Жители Рустрингіи—рустры или рустринги обрабатывали «*обширнѣйшія и плодороднѣйшія поля*». Море прорвало защищавшія ихъ земли плотины и хлынувшимъ наводненіемъ они были крайне стѣснены и обездолены (Chron. Oldenb.). Не потому-ли призывавшіе варягорусскихъ князей чудско-славянскія племена сулили имъ *свою великую и обильную землю*, предлагая переселиться (съ родами) на эту землю?.. Сѣверныхъ ругіанъ нерѣдко смѣшивали съ рустрами, повидимому распространяя географическіе предѣлы Ругіи причисленіемъ ругіанъ къ рутенамъ. У Эббо, Герборта и нѣкоторыхъ иныхъ хронистовъ руяне—ругіане, коимъ было подготовлено занятіе въ 911 году Нейстрійской Нормандіи знаменитымъ Роллономъ, водворились тамъ сперва въ Руянскомъ округѣ. Гельмольдъ, жившій въ Вагріи и слѣдовательно хорошо знавшій окрестныя племена, не отличаетъ руянъ отъ ранъ, въ его время занимавшихъ и островъ Рюгенъ:—«rani, qui et rugiani, сильнѣйшій народъ изъ славянъ»... (lib. 1). Населявшихъ островъ Рюгенъ ругіанъ Іорнандъ именуетъ Holm-rug'ами или ульме-ругами. Когда Оттонъ Бамбергскій собирался, для проповѣди христіанства, въ страну *руянъ* и находился въ Волинѣ, то на предложеніе епископа, обращенное къ близко знакомымъ съ мѣстностью и нравами ихъ штетинцамъ, они разсказали ему «de origine *Ruthene* gentis», о свирѣпости ихъ натуры, непостоянствѣ вѣры и грубомъ ихъ языкѣ..., не умолчали даже о томъ, что они должны бы быть подвѣдомственны архіепископу датскому (Herb. III, 30). Отозванный Лотаромъ, Оттонъ вынужденъ былъ отказаться отъ подвига озарить свѣтомъ христіанства *коренную страну славянскаго язычества* (1127 г.). Вскорѣ послѣ причиненія *рустрами* жестокой обиды епископу Гарольду въ 1155 г., *ругіане*, наиболѣе упорные въ язычествѣ, приняли христіанскую вѣру, по почину князя ихъ Яроміра, въ 1168 г. (Chron. Slav., lib 1, cap. 72, lib. II, cap. XII).

Названіе «Ругія» переносилось западными писателями и на Кіевскую Русь: «Olga regina Rugorum» (Ламбертъ Ашафенб. и друг.). Въ Сборникѣ законовъ Эдуарда Исповѣдника сказано: «Эдмундъ, сынъ Эдуарда, бѣжалъ «ad regnum *dagorum*», по иной редакціи—*rugorum*, quod nos melius vocamus Russiam» (Kunik: Beruf. d. sheved. Ruodsen II, 34). Глубокіе слѣды пребыванія руссовъ на Балтійскомъ побережьи, между Эльбой и Одрой, запечатлѣлись въ географической номенклатурѣ. Какъ у греческихъ авторовъ руссы являются *дромитами*, такъ у западныхъ они

превращаются въ *быстрыхъ* или удалыхъ дановъ. Напр., по словамъ Равеннскаго географа, отрасли *быстроходныхъ* дановъ населяли древній полуостровъ Кимврійскій Данію (Anon. Raven. IV, cap. 13), а по Дитмару, большинство населенія Кіева, гдѣ, по нашей лѣтописи, собиралась, для торговли, «латина», состояло «ex *velocibus* danis». Наиболѣе удалыми считались даны, перебравшіеся за Двину--«juxta Dina fluvium», протекавшую «черезъ царство *гардовъ*» (Hervar- saga въ Ant. russes, т. I), а тамъ-то, у обычнаго пути «изъ Руси въ Варягы» и образовались особыя, долго боровшіяся съ нѣмцами въ XIII в. русскія княжества Герсике и Куконойсъ, состоявшія подъ рукою полоцкаго князя. Національныя туземныя прозванія сѣверныхъ народовъ, обитавшихъ на побережьяхъ Балтійскаго моря и въ Скандинавіи, сглаживались огульной характеристикой ихъ, какъ *людей*, жившихъ въ *полуночныхъ* краяхъ—Nordmanni. Въ Лобьенскихъ анналахъ за 780 г. норманны названы сѣверными людьми—Nordleudi (Pertz.: Monum. Germ. II, 195), въ грамотѣ Карла Великаго того же года—*Nordleute*. По качеству или достоинству тѣла греки называли русскихъ *россами* (Лиудпрандъ), такъ же какъ и сами себя они называли на своемъ *родномъ* языкѣ (Левъ Діаконъ). Качество это заключалось въ высокомъ *ростѣ*, по показанію нѣкоторыхъ греческихъ и многихъ арабскихъ писателей.

Аль-Массуди, вводя въ составъ Руси многіе народы, дробящіеся на племенныя группы, останавливается на *многочисленнѣйшемъ* племени руссовъ —*лудаѣ* или лудаіѣ. По моему мнѣнію, это ничто иное, какъ средній и низшій *классы* русскаго народа—*людины*, у еврейскихъ писателей *лудимъ*, противополагаемые въ договорахъ X вѣка боярамъ—«вси *людье* рустіи» (ср.: «ходиша ротѣ *люди* Игоревы»), а въ Русской Правдѣ княжимъ мужамъ: «аще будетъ *людинъ*...» [1]). Людины, въ глазахъ арабовъ, поглощали сравнительно малочисленной высшій классъ, состоявшій сначала преимущественно изъ норманновъ, въ битвахъ русскихъ князей становившихся «посредѣ дружины» княжеской (Лавр. 147), по славянорусской національности людиновъ, къ которой лишь примкнулъ элементъ варяжскій: «*людье* новгородци... преже бѣша словѣне»... Подъ классъ людиновъ подводились и купцы русскіе при описаніи ихъ путешествій въ Испанію, Италію

[1]) Ольга множество *людей* г. Искоростена предала работѣ мужамъ своимъ». Она молилась «за сына и за *люди* землѣ Русскія». Ярославъ въ 1034 году *людемъ* написа грамоту» (Соф.)—«Боляры, посадники, старѣйшины и *люди* (Лавр. 122). Князья «уставливали *людей*» (Ипат. 233), «творили *людемъ* нарядъ» (Лавр. 359). «Вставше *людье*, избиша бояре своя» (подъ 1030 годъ). — «Начаша тиуни грабити, *людий* продавати» (1093 г.).—«Боярѣ и *людье* добрии».—«Всѣ мои *людье* и бояре» (Ипат. 563 и 583). Въ 1305 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ «избиша *черные люди* бояръ князь-Андрѣевыхъ ...», «князь изби всѣхъ *вѣчьниковъ*, иже избиша бояръ» (Никон. т. X, 176). Въ западнорусскихъ актахъ простолюдины русскіе—*людъ* (Арх. Юз. Вил. Ком. т. I, 19). Иногда, въ видѣ исключенія, подъ людьми лѣтопись разумѣетъ всѣхъ гражданъ.

Византію, Хазарію и восточныя страны съ коммерческою цѣлью.—Арабскіе авторы сообщаютъ нѣсколько туманныя, но драгоцѣнныя свѣдѣнія о руссахъ, заурядъ развѣтвляя ихъ на три отрасли. Ибнъ-Хаукаль различаетъ русскія народности: центральную кіевскую, словенскую или новгородскую, обитавшую на нездоровомъ и болотистомъ островѣ (Holmgardia исландскихъ и скандинавскихъ сагъ, ибо holm—островъ), и *Артанскую*, съ царской резиденціей въ Артѣ, составляющую камень преткновенія для ученыхъ. Абульфеда въ гл. VII своей географіи (по изд. Рено) поясняетъ, что русская Арта простирается до владѣній греческихъ на сѣверѣ отъ нихъ. Аль-Истархи тоже придвигаетъ Артанію къ границамъ румскихъ, т. е. греческихъ владѣній. По словамъ Аль-Массуди, руссы живутъ по берегу Чернаго моря, въ Хозарской странѣ, не повинуясь (ея) царю, простираясь отъ востока на западъ, и имѣютъ въ своей землѣ серебряный рудникъ, подобный находящемуся въ горѣ Панджгиръ (вѣроятно Пятигорье). Сопоставленіе всѣхъ извѣстій объ Артаніи склоняетъ меня къ заключенію, что Арту слѣдуетъ искать на сѣверѣ отъ малоазійскихъ греческихъ владѣній, гдѣ на югъ отъ Батума, между моремъ и р. Чорокомъ, есть Арта [1]). Вѣроятно, эти руссы способствовали образованію Тмутороканскаго княжества, или государства, по выраженію Абульфеды, уже подчиненнаго Кіеву въ ту пору, когда писалъ Массуди. Простиралось оно отъ Дона, слывшаго то славянскою, то русскою рѣкою, до Зихіи, отдѣляясь отъ нея р. Укрухомъ (Конст. Порфир.) и захватывая часть Кавказскаго побережья и Таманскій полуостровъ съ городомъ Матархой, матерью мѣстныхъ городовъ, какою, по Страбону, называлась и Пантикапея. Обычай почитать старѣйшій городъ матерью младшихъ союзныхъ городовъ существовалъ и у прибалтійскихъ славянъ. Такъ древнѣйшій изъ городовъ земли Померанской Штетинъ слылъ матерью окрестныхъ городовъ—«mater civitatum (Vita Otton. Bamb.). Послѣ того какъ Кіевъ наименовался матерью городовъ *русскихъ* при Олегѣ и по его иниціативѣ, Тмуторакань стала утрачивать свою политическую самостоятельность. Въ сосѣдствѣ съ Матархой, у Азовскаго моря (Меотіи), по Димешки, Едризи и Магреби (Frähn, Ibn. Fozl. u and. arab. Berichte), издревле обитали торговавшіе съ Востокомъ Aorsi или арсіиты, между Дономъ и Волгой до Меотійскаго и Сурожскаго морей, богатый и «ходившій въ золотѣ народъ» Спадинъ (господинъ) царь аорсовъ посылалъ однажды Босфорскому царю Фарнаку въ помощь многочисленную конницу (Страбонъ, кн. XI). Тамъ,

[1]) Обыкновенно, по ошибкѣ, полагаютъ, что Артанія примыкала къ Волжскому бассейну (племя Эрза, г. Арзамасъ и т. под.); тамъ была не Артанія, но *Арса* (въ нынѣшн. Казанск. губерн. г. Арскъ). Князья ея назывались *арскими* (Воскрес. т. VIII 276 и друг.).

кажется, поблизости нынѣшняго Ростова на Дону, находился упоминаемый еще въ актахъ исхода XII в. городъ *Русія* [1]).

Договорныя грамоты X вѣка, подлинность коихъ, заподозрѣнная нѣкогда А. Шлецеромъ, никто нынѣ не дерзаетъ отвергать, особенно послѣ авторитетнаго замѣчанія Ф. Миклосича въ его изданіи Несторовой хроники, раскрываютъ истинныя свойства зачаточнаго государственнаго строя Русской земли, слагавшагося подъ верховною властью единодержавнаго князя, при звонѣ вѣчевыхъ колоколовъ, собиравшихъ «жителей земли на сонмища» (лѣтоп. подъ 980 г.) для обсужденія и рѣшенія, нерѣдко по волѣ великаго князя, и важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Въ процессѣ продолжительнаго броженія славянорусской и варяжской или варягорусской стихіи первая взяла перевѣсъ, поглотивъ послѣднюю, благодаря подавляющему численному превосходству. «*Словѣнску языку* (народу) учитель есть Павелъ, *отъ него же языки мы есьмы русь*». Въ одной изъ бесѣдъ патріархъ Фотій замѣчаетъ, что русскій народъ былъ причисленъ къ *рабамъ*, т. е. къ *славянамъ*, по присвоенному имъ названію «sclavi, sclavini, servi» [2]) у западныхъ, «саклабы и сакалибы» у арабскихъ и еврейскихъ писателей, указавъ такимъ образомъ на *національность* руси, униженную по зависимому нѣкогда положенію словенороссовъ [3]). Сближеніе Руси съ греко-римскимъ міромъ оказало огромное вліяніе на весь ея патріархальный бытъ. Давно считается въ наукѣ непререкаемой истиной, что соревнованіе съ высокоцивилизованной Византійской имперіей подготовило Русь къ воспринятію выдвинутыхъ греко-римской культурой юридическихъ нормъ и къ сочетанію ихъ съ обычнымъ славянорусскимъ правомъ. Такое соревнованіе Русь могла выдержать, при національной самобытности

---

[1]) Въ 1169 году греческій царь Мануилъ дозволилъ генуэзцамъ свободное плаваніе, для торговли, во всѣхъ городахъ или земляхъ «praeter *Russiam* et Matracham» (варіантъ—«absque Rossia et Matracha»), если не получатъ особое разрѣшеніе подлежащаго правительства. То же повторено въ грамотѣ Исаака Ангела 1192 г. (Atti d. soc. Ligure di stor. patr. vol, 28, p. 352 364. Ср.: Acta et dipl. Graeca, изд. Миклосича и Миллера).—Аорсовъ надо отличать отъ *роксалановъ* или *роксолановъ*, народа *кочевавшаго* въ войлочныхъ кибиткахъ и питавшагося кобыльимъ молокомъ (Страбонъ). Въ Словѣ о полку Игоревѣ кочевники—кощеи уподобляются *сорокамъ*, быть можетъ примѣнительно къ названію сосѣднихъ съ аорсами *сираковъ*, упоминаемыхъ Тацитомъ и др.

[2]) Въ актахъ Людовика Благочестиваго и Лотара, напр. 828 г., «servi vel sclavi». По словамъ Констант. Порфир. servi—рабы (De adm. imp. гл. 31).

[3]) Въ западной Россіи цѣлое сословіе мелкопомѣстныхъ бояръ впослѣдствіи обратилось въ рабовъ, подъ названіемъ *путныхъ*, отъ слова *путы* (въ Словѣ о полку Игоревѣ «путы желѣзныя»): «cum *servis*, alias *putlnetty*» (Грам. Сигизмунда I отъ 1529 года, въ Опис. арх. Виленск. библ., № 97).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

въ языкѣ, нравахъ и земскомъ строѣ, только съ примѣсью упругаго варяжскаго элемента, способствовавшаго охлажденію племенной вражды, а вмѣстѣ съ тѣмъ—политическому объединенію родственныхъ по происхожденію, а также сосѣднихъ инородческихъ племенъ, усовершенствованію ихъ исконныхъ порядковъ и развитію творческаго духа «рода русскаго». Встрѣтивъ достойныхъ по отвагѣ, закаленныхъ въ бояхъ, свѣдущихъ въ законахъ и непреклонныхъ по гордому характеру соперниковъ въ варяжскихъ князьяхъ, посѣвшихъ среди подвластнаго населенія выработанныя высшей цивилизаціей правовыя понятія, Греція въ X вѣкѣ стала обращаться къ Руси какъ къ равносильному ей [1]) и *справедливому* государству. Съ той поры греки упрочили за Русью титулъ государства *правового*, соотвѣтственно средневѣковому идеалу, и постепенно, съ принятіемъ и распространеніемъ христіанства [2]), она перенесла на свою почву византійскія представленія о царской власти. Начало этого усвоенія слѣдуетъ отнести къ X вѣку, когда русскіе дипломаты обращались къ греческимъ императорамъ какъ къ «великимъ о Бозѣ самодержцамъ» (912 г.), «христолюбивымъ владыкамъ» (945 г.), «богодохновеннымъ» (971 г.), какъ хранителямъ божественнаго права, словомъ, такими, какими ихъ изображаетъ Эпанагога, составленная, вѣроятно, при непосредственномъ участіи патріарха Фотія. Анналистъ Саксонъ уподобляетъ столичный городъ русскаго Острогарда—Кіевъ царственному городу, великолѣпному украшенію Греціи, Константинополю, которому, по выраженію Адама Бременскаго, онъ соревновалъ («aemula sceptri Constantinopolitani»). Изъ Житія преп. Ѳеодосія Печерскаго XI в. видно, что столичный князь кіевскій поминался въ ектеніяхъ какъ «христолюбивый владыка» наравнѣ съ греческими императорами. Въ XII в. Наславъ списывалъ евангеліе *царю* Мстиславу, желая «обрѣсти милость отъ своего *царя*». По Изяславѣ Мстиславичѣ,

---

[1]) Нѣкоторые ученые придерживаются ошибочнаго мнѣнія, будто греческіе императоры относились къ русскимъ великимъ князьямъ, какъ къ рабамъ, напр. бар. М. Таубе (Принципы мира и права). Ф. Успенскій основательно замѣтилъ, что Византія находила возможнымъ вступать съ Русью въ международныя сношенія, какъ съ государствомъ *правильно* организованнымъ (Русь и Византія X в.).

[2]) Сближенію русскихъ съ греками содѣйствовало частое посѣщеніе первыми св. Аѳонской Горы. На ней очень рано возникъ монастырь *русскій* св. Пантелеймона, гдѣ постриженъ былъ Сава (Никон., т. X, подъ 1204 г.). «Изъ-старины тотъ монастырь св. Пантелеймона въ святой Горѣ строеніе бѣаше первыхъ великихъ князей русскихъ» (Воскрес., т. VIII, 233). На шлемахъ русскихъ князей, напр. Изяслава Мстиславича, красовалось изображеніе св. Пантелеймона (Ипат., 303). Монастырь Пантелеймонскій уступленъ русскимъ 1169 г. Первоначально поселились русскіе въ Ксилургійской обители. Монахи св. Горы изъ этого монастыря часто приходили къ московскимъ царямъ за милостыней (Воскр., т. VIII, 247 и 263).

котораго дружинники чтили «яко *царя* и князя своего» и которому говорили — «ты сѣди *царствуя* Кіевѣ», плакали всѣ подданные «яко по *цари* и господинѣ своемъ» (Ипат. подъ 1151 и 1164 г.); рука Андрея Боголюбскаго—рука *царская* (Лавр. 338); отецъ Даніила Галицкаго Романъ «бѣ *царь* въ Русской земли» (Ib. 536). Царемъ свѣтлымъ звали великаго князя и арабскіе писатели, присоединяя иногда домашній титулъ кагана.

Драгоцѣнны договорные акты X вѣка и въ качествѣ памятниковъ литературныхъ, какъ бы ни были они первоначально написаны—глаголицей (И. Срезневскій) [1]), или кириллицей, незадолго до ихъ появленія изобрѣтенной. Дѣловой языкъ договоровъ, несмотря на шероховатости, не имѣющій приписываемаго ему подобія съ младенческимъ лепетомъ, подвергался тщательнымъ изслѣдованіямъ филологовъ, привлекая ихъ вниманіе, между прочимъ, своеобразною смѣсью элемента церковнославянскаго съ русскимъ простонароднымъ, выхваченными изъ живой рѣчи словами и выраженіями. Первый беретъ сильный перевѣсъ надъ послѣднимъ въ договорахъ, редактированныхъ въ Византіи и на югѣ Россіи, гдѣ, по замѣчанію И. Ягича,— благодаря сношеніямъ съ южными славянами, «господство чистаго славянскаго языка продолжало быть сильнѣе и сознательнѣе, чѣмъ на далекомъ сѣверѣ, завязавшемъ очень рано сношенія съ западнымъ иноземствомъ» (Критич. замѣт. по истор. русск. яз.). Отличая, подобно императору Константину и Ибрагиму ибнъ-Якубу, славянскій языкъ отъ русскаго, какъ напр. Житіе Антонія римлянина, который «не навычь *словенску* и *русску*» обычаю и языку, отечественные памятники и преданія имѣютъ въ виду грамоту церковнославянскую кирилломефодіевскую,— «яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ»,—и живой языкъ просторусскій или просторѣчіе, противополагаемое книжному изложенію (Ипат. подъ 1090 г.). Начальная лѣтопись не дѣлаетъ радикальнаго отличія между славянскимъ и русскимъ языками: «а словѣнескъ языкъ и русскый—одинъ», повторяя слова Прокопія о языкѣ антовъ и славянъ: «una est utrisque antis et slavis lingua»... Въ Паннонскомъ житіи св. Кирилла также отождествляются славянскій и русскій языки: «Пришедъ Войтѣхъ въ Мораву и въ Чехы и въ Ляхы, разруши вѣру правую и *русскую* грамоту отверже и латынскую вѣру и грамоту постави». Въ надписи на Реймскомъ евангеліи XI в.: «*русское* письмо, вѣра *русскаго* закона». Сомнѣніе могла бы возбудить извѣстная, приведенная анналистомъ Саксономъ и Козьмою Пражскимъ грамота 971 г. папы Іоанна XIII объ учрежденіи пражскаго епископства, но сомнѣніе исчезаетъ при болѣе внимательномъ ея чтеніи: «Verum tamen non

[1]) См. объ изобрѣтеніи Меѳодіемъ якобы *готическихъ* буквъ (Erben.: Regesta, подъ 1069 г.).

secundum *ritus aut sectam* (обряду или исповѣданію) Bulgariae gentis [1]), vel (либо) *ruziae aut* (или) *sclavonicae linguae*, sed unum potiorem totius ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum *latinis adprime literis* [2]) eruditum»... и т. д. Владиміръ св. ввелъ «ученіе книжное» (лѣтоп. подъ 988 г.). Греческіе книги и сборники, какъ Фотіевъ Номоканонъ, переводились, по приказанію Ярослава, на церковнославянскій языкъ: «прѣкладаше отъ грекъ на *словеньскый* языкъ и писмя» (подъ 1036). Неоспоримо вліяніе и византинизма на договорные акты X вѣка въ ихъ формѣ и складѣ, отчасти въ отдѣльныхъ рѣченіяхъ, но далеко не такое подавляющее, какое предполагалъ Н. Лавровскій, не отрицавшій, впрочемъ, наличности въ договорахъ нѣкоторыхъ свойственныхъ русскому языку особенностей, напр. тавтологіи — «ущитятся щиты», «въспятять опять» и т. п.

Текстъ договорныхъ грамотъ X вѣка дошелъ до насъ нѣсколько поврежденнымъ; однако, поврежденія, выразившіяся то въ сокращеніяхъ, то въ прибавкахъ, то въ замѣнахъ и перестановкахъ, то въ опискахъ («на день» вмѣсто «на дань» и т. под.), къ счастью, не затемнили смысла договорныхъ грамотъ, хотя и очень затруднили ихъ возстановленіе. Переписчики лѣтописей, «книжные списатели», копируя ихъ, нерѣдко для князей, какъ монахъ Лаврентій—для князя Дмитрія Константиновича, по благословенію епископа Діонисія Суздальскаго, Новгородскаго и Городского, благоговѣйно вникали въ замысловатый слогъ договоровъ, дорожили ими, какъ драгоцѣннымъ, великимъ памятникомъ и блестящимъ украшеніемъ лѣтописи, а потому, въ большинствѣ, несмотря иногда на вѣтхость, неразборчивость и слитность письма, дѣлали снимки съ нихъ весьма старательно и осторожно. Такъ монахъ Лаврентій подъ 945 годомъ написалъ «почаеть пакость», вмѣсто «по(ус)чаеть» «пакост(ит)ь странѣ его», а въ ст. о выкупѣ плѣнныхъ написалъ «не купятъ» вмѣсто «искупятъ», только единственно потому, что «умъ молодъ не дошелъ». Сильно пострадали отъ измѣненія лишь кое-какіе списки болѣе поздняго происхожденія, напр. Воскресенскій, Тверской. На нѣкоторыхъ спискахъ договоровъ 912 и 945 гг., по образцу быть можетъ существовавшихъ подлинныхъ заголовковъ, напр.: «О Корсуньстѣй странѣ», съ теченіемъ времени приставлены новые, отвѣчающіе содержанію статей заголовки: «О лодіи съ товаромъ»;—«О головной татьбѣ» и друг. Если Археографическая

---

[1]) Многіе, въ томъ числѣ Петрушевичъ, Голубинскій и Регель неправильно читаютъ: «Bulgariae gentis vel Ruziae» (gentis).

[2]) Письменамъ латинскимъ въ грамотѣ Іоанна VIII отъ 880 г. противополагается выраженіе ...«*literas slaviniscas*, a Constantino quondam philosopho repertas»... Въ постановленіи Сплитскаго собора 925 г., ст. 10: «ut nullus episcopus audeat... *sclavonica lingua* promoveri»... (Cod. dipl. r. Croat., Dalm. et. Slav.).

Коммиссія не поняла нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи за XIII вѣкъ [1]), то еще гораздо труднѣе разоблачить ошибки въ принятомъ чтеніи договорныхъ актовъ, появившихся нѣсколькими столѣтіями ранѣе [2]). Первоисточникъ лѣтописныхъ свѣдѣній о дипломатическихъ переговорахъ русскихъ съ греками и текстѣ договорныхъ актовъ заключался, по моему мнѣнію, не въ какой либо утраченной византійской хроникѣ (Строевъ и др.), но въ архивныхъ сборникахъ документовъ по сношеніямъ русскихъ великихъ князей съ византійскими императорами, вѣрительныхъ грамотахъ или наказныхъ памятяхъ («повелѣніе» и «заповѣдь» въ догов. Олега и Игоря), содержавшихъ въ себѣ завѣты или инструкціи посламъ, съ «рѣчами» [3]) договорныхъ посольскихъ записяхъ, протоколахъ или меморіалахъ посольскихъ совѣщаній, посольскихъ отчетахъ [4]) и утвердительныхъ грамотахъ съ черновыми ихъ отпусками [5]). Подобные документы, снабженные переводами договорныхъ грамотъ, хранились нѣкогда въ Кіевѣ,—гдѣ еще въ 1147 году находились столь древнія святыни, какъ привезенная Владиміромъ св. изъ Корсуня глава св. Климента (Похвала мон. Іакова и Ипат. лѣт. 241), почему Титмаръ Мерзебургскій и даетъ Десятинной церкви, гдѣ она была положена, названіе церкви св. Климента (Chron, lib. VII), и были доступны автору кіевской лѣтописи, но погибли отъ военныхъ погромовъ и пожаровъ, какъ и истребленныя огнемъ грамоты, лежавшія, по словамъ Симона Логофета, въ Софіевской церкви Царьграда, а въ 1204 г. разграбленныя крестоносцами. Одинаковая участь постигла позднѣйшія многочисленныя грамоты. Кіевъ, Новгородъ и другіе русскіе города неоднократно подвергались опустошеніямъ и отъ случайныхъ причинъ, и отъ междо-

---

[1]) Напр. напечатано: «въ томъ же *тонъше* Львъ събоденъ бысть... бѣ бо храбръ и во велицѣ чьсти умертъ» (Ипат. лѣтоп. 2 изд., подъ 1231 г., стр. 509) вмѣсто, какъ бы надлежало: въ томъ же «*тонъ Шельвѣ* събоденъ бысть, бѣ бо храбръ и во велицѣ чьсти *умер(ѣ) тѣ*» (ср. на 502 стр.: «а Стегутъ убьенъ бысть *Шелвовѣ*»);—«супротивъ *Кострузъ*» (Ib., стр. 556) вмѣсто ...«супротивъ, *ко Струзъ*» – острову близъ р. Стыря (А. Ю. З. Рос., т. VI, стр. 2).

[2]) Такъ Археогр. Коммиссія вводитъ читателя въ заблужденіе, предлагая въ примѣч. подъ догов. 945 г., въ 3-мъ изд. Лавр. лѣтоп., подставить «по нь ѹже» вмѣсто «поне же». Ср.: «аще хощете *поне* къ съвѣту възрѣти ми», ... то *поне* до единныя молитвы» (Измарагдъ, изд. Яковлева, 81 и 83).—«Аще еси въ животѣ не далъ милостыни, *поне* по смерти дай» (А. Ист., т. I, № 6), и т. д.

[3]) «Ать мой посолъ молвить *рѣчь* мою къ нимъ», т. е. къ кіянамъ (Ипат. 245). «Послаша (галичане) *въ рѣчехъ*» (Ib. 501).

[4]). Напр. Отчеты по русско-крымск. отнош. 1474–1505 гг., въ 41 т. Сб. Русск. Истор. Общ.

[5]) «И тому приговору списокъ *черной*, а грамота у государя» (А. Арх. Эксп. I, № 279. Опис. царск. арх. XVI в.).

усобій и частыхъ на югѣ нашествій кочевниковъ. Такъ въ 1017 г. «погорѣша церкви» (въ Кіевѣ); въ 1046 г. сгорѣлъ храмъ Софіевскій въ Новгородѣ, который позднѣе до тла спалилъ Всеславъ полоцкій; 23 и 24 Іюня 1124 г. «бысть пожаръ великъ въ Кіевѣ, яко погорѣвшю ему мало не всему, яко церквій единѣхъ погорѣло близъ 600». Жестоко пострадали кіевскія церкви отъ разгрома въ 1202 г. Въ Московскій пожаръ 1454 г. сгорѣлъ весь Кремль, церквей 13, и т. д. Въ духовной 1431 г. митрополитъ Кіевскій Фотій горько скорбитъ, что въ Кіевѣ отъ пожара «грамоты вси церковныи погорѣли» (Соф. лѣтоп., т. VI, 148). Въ 1185 г. сгорѣли во Владимірѣ 32 церкви и соборная св. Богородицы; изъ терема (ризницы) выбрасывали на дворъ «и книгы», но «все огнь взя безъ утеча» (Лавр., Ипат. и др.). Н. Ламбинъ основательно предполагаетъ, что въ кіевской соборной церкви св. Иліи, еще существовавшей въ XII в., когда составлялась начальная лѣтопись («еже есть»—подъ 945 г.), сберегались копіи донесеній византійской миссіи, послужившія матеріаломъ и для правдивыхъ повѣствованій императора Константина Порфиророднаго о Русской землѣ и народахъ въ ней обитавшихъ, и подспорьемъ для перваго нашего лѣтописца (Славяне на сѣв. Черноморьи, Ж. М. Н. Пр., 1879). Впрочемъ, съ конца X в., дипломатическіе акты могли храниться и у самихъ князей (Соловьевъ), и въ сооруженномъ при Владимірѣ, греческими мастерами, соборной каменной церкви св. Богородицы, въ которой положенъ имъ Уставъ о десятинахъ, данныхъ ей отъ его имѣній и городовъ (подъ 996 г.), и въ другихъ древнѣйшихъ русскихъ церквахъ, преимущественно соборныхъ, гдѣ велись *синодики* (лѣтоп. подъ 1106 г.) и метрики, а затѣмъ въ Софіевской церкви Ярославомъ положены переведенныя съ греческаго на славянскій языкъ книги (подъ 1037 г.). Мы знаемъ, напр., что въ 1175 г., послѣ убійства Андрея Боголюбскаго, была положена въ церкви св. Богородицы во Владимірѣ Клязменскомъ «порядная грамота» между князьями (Лавр., изд. 3, 354). Даже письменныя сдѣлки частныхъ лицъ, торговыя рядницы, межевые акты и т. под. документы складывались, для сбереженія и повѣрки на случай споровъ, въ церковные лари (ст. 32 и 38 Псковск. судн. грам.[1]). Туда же прятались крестныя грамоты перемирныя. Со дня вклада исчислялся условный срокъ перемирія (Догов. Казим. Ягел. съ Псковомъ 1440 г.). Уловить историческую связь договоровъ X в. лѣтописецъ дѣйствительно могъ не только по рус-

[1]) Когда вошло въ обычай строить каменные придѣлы *банные* при церквахъ, съ колокольней, то церковные книги и акты туда прятались: «dzwonek do *bani* cerkvi Siemionowskey»... (А. Вил. Ком., т. VI, 565). Ефремъ митрополитъ къ церкви св. Михаила въ Переславѣ «пристрою велику створи... строенна *баня каменна*, сего же не бысть въ Руси» (Ипат. подъ 1090 г.).

скимъ, но и по разнымъ греческимъ сочиненіямъ, напр. сочиненію Георгія «О посольствахъ греческихъ императоровъ къ иностраннымъ народамъ» («De legationibus romanorum imperatorum ad exteros»), о которомъ упоминаетъ Левъ Аллацій (Розенкампфъ: Обозр. Кормчей кн., прим. 1). Недостатки письменнаго матеріала восполнялись былевыми героическими повѣствованіями, придававшими пищу стеченію событій поэтическій колоритъ, и туземными устными преданіями. Таковы поэтическія подробности повѣствованія о походѣ 907 г., гдѣ въ Лавр. и Ипат. спискахъ встрѣчается *отрицательное уподобленіе* «...не даны суть словѣномъ прѣ...» [1]) (кровинные, которые будто-бы разорвало вѣтромъ), разсказъ объ оляднемъ огнѣ, который греки пущали трубами, о жестокой расправѣ русскихъ съ греческими плѣнниками при поясненіи «елико же ратнии творятъ», почти буквально повторенномъ въ описаніи похода 941 г., и т. под. Походныя пѣсни руссовъ, которыми пользовался лѣтописецъ, имѣли форму историческаго повѣствованія, какъ и пѣсни готовъ, по характеристикѣ Іорнанда, сдѣланной въ разсказѣ о передвиженіи ихъ изъ Скандинавіи къ Черному морю чрезъ землю спаловъ (полянъ). Точные противни договорныхъ актовъ, то въ проектированныхъ наброскахъ, то въ окончательной обработкѣ, съ осколками дипломатической переписки, должны были находиться также въ Черниговѣ, Переяславѣ русскомъ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Любечѣ, получившихъ наравнѣ съ матерью городовъ русскихъ Кіевомъ, по выраженію Константина Порфиророднаго *самымъ вятшимъ*—Σαμβατας, «яко то то есть *старый* въ землѣ», отъ грековъ, по договору 907 г., *уклады*, и въ иныхъ городахъ, гдѣ проживали подчиненные Олегу князья, съ участіемъ коихъ заключался договоръ и откуда исходили «слы и гостье» (945 г.). Въ практическомъ примѣненіи позднѣйшихъ договоровъ Руси съ Греціей встрѣчалась необходимость обращаться къ предшедшимъ съ нею договорамъ, въ виду общихъ или спеціальныхъ на нихъ ссылокъ позднѣйшихъ договоровъ, или возникавшихъ между державными сторонами недоразумѣній.

Помѣщенныя въ лѣтописи условія договора 907 г. обыкновенно принимаютъ за его *отрывокъ*. Однако, допущенныя въ немъ сокращенія (вступленіе, послѣсловіе и пр.) не позволяютъ думать, чтобы лѣтописцу былъ чуждъ полный, болѣе или менѣе, свитокъ дипломатической переписки того времени. Лѣтописецъ могъ удовольствоваться извлеченіемъ изъ нея лишь казавшимся ему болѣе важнымъ и любопытнымъ по ходу описываемыхъ событій. И драгоцѣнную грамоту папы Адріана II отъ 869 г., извѣстную

[1]) Ср. въ Словѣ о полку Игоревѣ поэтич. изображеніе творчества Бояна, и въ Задонщинѣ: «аки орлы слетались. . то ти были не орли слетающася»; притекали сѣрые волки, ...то ти были не сѣрые волцы»... Въ лѣтоп. подъ 1110 г.: «явися столпъ огненъ отъ земля до небеси... Се же бѣаше не огненный столпъ, но видъ ангелескъ». – Рамбо обратилъ вниманіе на «l'imagination des chantres slavo-russes» (l'Emp. Gr. 374).

на славянскомъ (Житіе св. Меѳодія), и на латинскомъ языкѣ (во многихъ сборникахъ), нашъ лѣтописецъ, очевидно, пользовавшійся славянскимъ текстомъ *всей* грамоты, которая содержитъ въ себѣ *четыре* пункта, приводитъ, подъ 898 г., *въ извлеченіи*, именно часть 3-го пункта и весь 4-й пунктъ,—отъ изрѣченія, отразившагося въ нашемъ основномъ законѣ о вѣротерпимости: «да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци»... И позднѣе заносились въ лѣтописи отрывки или отдѣльные, болѣе существенные моменты дипломатическихъ переговоровъ (Ипат., 307, 309, Никон., т. X, 128, 129, 222 и мн. др.). Обѣтъ угорскаго короля, посланный князю Роману Даниловичу,—сознается западнорусскій лѣтописецъ, приводящій изъ него отрывки,—«за множество *весь не списахомъ*» (Ипат., 545, подъ 1254 г.). Переписчикъ лѣтописи «отъ веси (села) ростовскихъ областей, хотя и люботруднѣ написахъ елико обрѣтохъ», но, тѣмъ не менѣе, сознается, что «множества ради *преминухъ*» (пропустилъ) Судебникъ Ярослава Владиміровича съ приложеніями (Тверск., т. XV, 142). Лишь избранныя грамоты, по усмотрѣнію лѣтописца, или по личному желанію князя, вносились въ лѣтопись цѣликомъ Такія грамоты рѣзко выдѣляются въ лѣтописномъ текстѣ. Одна изъ старѣйшихъ послѣ духовной и письма къ Олегу Святославичу Владиміра Мономаха, о наложеніи княземъ Мстиславомъ Даниловичемъ ловчей повинности на берестьянъ за ихъ крамолу, оглашенная для предостереженія склонныхъ къ смутамъ людей, во всеобщее свѣдѣніе, начинается словами: «Се *азъ*, князь Мстиславъ»... Въ концѣ пояснено: «А *вписалъ есмь* въ лѣтописецъ крамолу ихъ» (Ипат. 313). Вписалъ, чрезъ составителя лѣтописи, самъ князь, ибо лѣтописецъ *отъ себя* говоритъ, напр., такъ: «о Романѣ *вписахомъ* въ послѣдняя».

Посольскіе переговоры объ условіяхъ мира поглощали много времени на ихъ постатейное обсужденіе сторонами, группировку и редакціонную обработку договорнаго матеріала. Сложная процедура заключенія мира, составленія, шлифовки и обмѣна извѣстительныхъ грамотъ сопровождалась типичными обрядностями. Ходъ посольскихъ переговоровъ, а также письменная подготовка, постатейное исправленіе, усовершенствованіе слога, переводъ и облеченіе договоровъ въ ту форму, въ какой они получали ратификацію, были въ X вѣкѣ приблизительно таковы же, какими ихъ изображаютъ относящіеся къ Руси дипломатическіе акты XII—XVII вѣковъ. Въ вопросѣ о порядкѣ мирныхъ сношеній Руси съ Византіей нельзя обойтись безъ историческихъ справокъ о порядкѣ заключенія договоровъ варваровъ съ римлянами, грековъ и русскихъ съ другими народами. Уже въ первые вѣка замѣчается участіе народныхъ представителей въ мирныхъ договорахъ, причемъ наиболѣе вниманія обращалось на платежъ дани и возвращеніе плѣнныхъ. Для мирныхъ переговоровъ съ римскимъ правителемъ Паноніи Эліемъ Бассомъ князь маркоманновъ Балкомиръ

отправилъ 10 пословъ, по одному отъ каждаго изъ подвластныхъ ему племенъ. Миръ былъ скрѣпленъ ихъ клятвой (P. Patricii: Fragm. hist. graecorum, ed. Müller). Древнѣйшій изъ сохранившихся есть перепечатанный Эверсомъ договоръ между греками и персами 628 г. При заключеніи его было условлено, что результаты обоюдныхъ совѣщаній, по коимъ послѣдовало соглашеніе, излагаются на письмѣ и сообщаются отъ одной стороны другой въ равносильныхъ словахъ. Греческій текстъ переведенъ былъ на персидскій, а персидскій—на греческій языкъ. Зихъ (персидскій посолъ) передалъ Петру (греческому послу) мирныя доски, писанныя по персидски, а писанныя по гречески Петръ Зиху передалъ. Каждая сторона получила и другой, съ переводомъ, экземпляръ договора. Переводъ поручался толмачамъ, по шести съ каждой стороны. Подобныя же обрядности сопровождали заключеніе договоровъ Византіи съ Болгаріей (напр. 774 г.), когда обѣ стороны обмѣнивались мирными грамотами (Феофанъ), съ арабскими калифами [2]), съ Венеціей, Генуэй, Пизой (X—XII в. и позднѣе) и другихъ державъ между собою, а по традиціи продолжали соблюдаться въ международныхъ сношеніяхъ русскихъ князей съ иноземными державами. Отступленія отъ обычая излагать договорныя грамоты покрайней мѣрѣ на двухъ языкахъ порождали впослѣдствіи большія недоразумѣнія. Однажды Стефанъ Баторій писалъ царю Ивану Васильевичу: «...А посылаемъ тобе при семъ листе нашемъ (на русск. яз.) и препись того жъ листу нашого языкомъ латинскимъ, который мы знаемъ, кды жъ тежъ ты до насъ пишешъ языкомъ московскимъ (вѣроятно, безъ перевода), котораго мы не умеемъ ..» (Оболенскій и Даниловичъ: Кн. посольск. в. кн. Литов., т. II, № 74). И татары въ XIII в. посылали къ русскимъ князьямъ *толмачей*, разумѣющихъ русскій языкъ (Ипат. 563), которые иногда назывались толками: «съ послами и *толка*» (Псков. I. 225). Нерѣдко послы собирались изъ отдаленныхъ мѣстъ по нѣсколко разъ для конечнаго, сообща (communiter), мирнаго постановленія. Такъ между прочимъ, въ актѣ 1512 г. сказано, что когда царь Василій приказалъ новгородскому намѣстнику и окольничимъ и своей отчинѣ Великому Новгороду взять перемирье съ нѣмцами,—«тогды нѣмецкіе послы на конецъ перемирья не уложили, а взяли тому запись у царскаго намѣстника и окольничаго,

---

[1]) Этотъ договоръ, заключенный на 50 лѣтъ и содержащій 11 пунктовъ, помѣщенъ у Менандра почти въ полномъ объемѣ. Онъ довольно точно переведенъ С. Дестунисомъ (Византійскіе историки, изд. С.-П.-Б. Духовной Академіи, 10 томовъ).

[2]) Историки Византіи поминаютъ полученіе, въ исходѣ первой полов. X в., калифомъ отъ греческихъ императоровъ грамоты, писанной золотомъ, съ арабскимъ переводомъ серебряными буквами, предлагавшей миръ на условіи обмѣна плѣнныхъ.

какъ пригожъ перемирью быти, а ялись о томъ къ нимъ опять своихъ пословъ послати отъ 73 городовъ». (Русск. Истор. Библ. т. XV, № 6).

Процедура заключенія договоровъ *греками* съ Венеціей и Пизой вкратцѣ изложена С. Нейманомъ въ изслѣдованіи по исторіи византино-венеціанскихъ отношеній при Комненахъ. По его наблюденіямъ, она состояла въ слѣдующемъ. Когда завязывались сношенія чрезъ пословъ (legati, apocrisiarii, missatici), то имъ вручались два документа—одинъ для иноземнаго государства, другой въ видѣ вѣрительной инструкціи (commissio, mandata), на основѣ которой велись переговоры и которая содержала въ себѣ программу односторонних требованій (petitio). съ ограниченнымъ полномочіемъ на уступки. Окончивъ переговоры, послы возвращались обратно, въ сопровожденіи пословъ другого договаривающагося государства, но переговоры часто затягивались, при взаимномъ обмѣнѣ предложеній. Сношенія, успѣшный результатъ коихъ всегда обезпечивался и скрѣплялся клятвеннымъ обѣщаніемъ пословъ, завершался договорнымъ письменнымъ актомъ, съ помѣщеніемъ въ немъ содержанія обоюдныхъ условій (scripta conventio). Вполнѣ согласованныя условія, послѣ подтвержденія ихъ обоюдной присягой, облекались въ освященную обычаемъ форму, за подписью пословъ и приложеніемъ ихъ печатей Только тогда вручали греки иноземнымъ посламъ повторявшій и устанавливавшій договоръ царскій дипломъ съ золотою печатью въ знакъ ратификаціи договора царскимъ правительствомъ. С. Нейманъ, останавливаясь слегка на обрядѣ ратификаціи, приводитъ случаи выдѣленія, въ видѣ самостоятельнаго, по своей формѣ, документа, сопровождающаго заключеніе мирнаго договора, акта клятвеннаго обѣта подъ назв. promissio. (Byzantinische Zeitschrift 1892 г., изд. К. Крумбахеромъ). Опубликованныя недавно древне-генуэзскія договорныя грамоты послужили мнѣ надежнымъ пособіемъ для провѣрки комментарія С. Неймана. Онѣ бросаютъ много свѣта на обряды, неразлучные съ заключеніемъ международнаго договора и на дипломъ съ золотой буллой, нисколько, вопреки мнѣнію Неймана, не умаляющій правъ другой державы. Такъ въ одной грамотѣ Исаака Ангела 1191 г. сказано, что генуэзцы получили такой императорскій дипломъ *на все, чѣмъ императоръ и они удовольствовались, достигнувъ взаимнаго соглашенія* (Atti della societa Ligure di storia patria, vol. 28, f. II, № VIII). Наглядным образомъ измѣненія, дополненія или сокращенія проектированныхъ договорныхъ пунктовъ представляются сохранившіяся въ итальянскихъ архивахъ *меморіалы* или протоколы посольскихъ совѣщаній, напр., 1272 г. между посломъ греческимъ Огеріемъ и генуэзскими депутатами (Ib., стр. 505). На золотую печать греческихъ грамотъ обращаютъ вниманіе и наши лѣтописцы (грам. Іоанна Кантакузена 1354 г. въ Новг. IV, 62 и др.). Грамоты русскихъ царей также снабжались золотою

печатью. Златопечатная грамота (Воскр. т. VIII 57) названа «пинехрусой» въ договорномъ актѣ Святослава 971 г. Когда, въ 1491 г., послы короля римскаго Максимиліана привезли въ Москву докончальную грамоту за золотою печатью, то «великаго князя грамоту *за золотою же печатью* королю дали, да къ цѣлованью короля привели на тѣхъ грамотахъ» Въ 1514 г. вел. князь *печать свою золотую* приложилъ къ докончальной грамотѣ по заключеніи мира съ королемъ Максимиліаномъ (Воскрес., т. VIII, 222, 225, 254). Массивная золотая печать привѣшена къ договору 1562 г. Іоанна IV съ королемъ датскимъ Фридрихомъ (Снимк. съ древн. русск. печат., таблица 12. Москва 1882 г.). Золотыми печатями снабжались польскія и именуемыя шертными турецкія и татарскія грамоты. Состоявшійся международный договоръ получилъ у насъ издавна названіе *докончанія*—«миру докончанія», переносившееся книжниками и на договоры X в.; напр. въ Воскресенской лѣтописи помѣщенъ заголовокъ: «О докончаніи Ольговѣ съ греки» (т. VII, 273). При заключеніи упомянутыхъ договоровъ русскихъ съ греками не могли быть допущены отступленія отъ традиціоннаго международнаго церемоніала, служившаго залогомъ прочности мира. По недостаточному знанію русскими греческаго языка, который былъ вовсе не понятенъ и моравскимъ князьямъ Ростиславу, Святополку и Кецелу («не разумѣемъ ни греческу языку, ни латыньску» (лѣтоп. подъ 898 г.), и храброму Святославу, ведшему личные переговоры съ Цимисхіемъ о мирѣ чрезъ толмача (Левъ Діаконъ), приходилось нашимъ посольствамъ принимать большія предосторожности въ дѣлѣ изготовленія договоровъ, писавшихся «на двѣ хартіи». Договорныя грамоты 912 и 945 г. въ той окончательной редакціи, какую знаетъ лѣтопись, изготовлены несомнѣнно въ Греціи, какъ и договоръ 907 г. По своему составу онѣ имѣютъ сводный характеръ. Въ началѣ ихъ внесено предисловіе русскихъ уполномоченныхъ, касающееся ихъ роли, затѣмъ идутъ выработанныя совокупными силами дипломатовъ русскихъ и греческихъ *двусторонніе* условія. И заключительная часть, болѣе развитая въ договорной грамотѣ 945 г., почерпнута изъ сложнаго источника. Сперва подчеркивается *обоюдное* написаніе договора на двухъ хартіяхъ: «Мы же свѣщание все написахомъ (Лавр.), положихомъ (мног. сп.) на двою харатью» и, говорятъ греки, «едина харатья есть *у царства нашего*, на ней же есть крестъ и *имена наша* написана, а на другой—посли *ваши* и гостьи *ваши*». Лѣтописецъ также заявляетъ, что писались, по приказанію, «*обоихъ рѣчи* на харатью». Греческая хартія, конечно, съ переводомъ [1]), подлежала препро-

[1]) Списки договорныхъ актовъ и переводы ихъ, со славянскаго языка на иноземный и наоборотъ, излагались всегда *слово въ слово*, какъ видно изъ инструкцій посламъ (Пам. диплом. снош., I, 38—42 и др.) Порядокъ переписки и перевода договоровъ опредѣляется въ многочисленныхъ наказныхъ памятяхъ.

вожденію, чрезъ греческихъ пословъ, въ Кіевъ къ Игорю и людямъ его для выполненія клятвеннаго обряда. По возвращеніи съ греческими, Игоревы послы «повѣдаша вся рѣчи царя Романа»... Такое же выраженіе «на двою харатью» помѣщено въ договорѣ 912 г. и также точно «послы Олеговы приидоша ко Олгови и повѣдаша вся рѣчи обою царю». Потомъ въ договорѣ 945 г. говорятъ одни послы русскіе—христіане о принятой уже ими присягѣ: «Мы же кляхомся... харатьею сею»... Въ самомъ концѣ включено исходящее отъ грековъ настояніе о принятіи присяги некрещеными руссами. Лѣтописецъ удостовѣряетъ о принятіи въ Кіевѣ присяги Игоремъ, лично, вмѣстѣ съ некрещеными руссами, на холмѣ, предъ Перуномъ, а крещеными руссами въ церкви св. Ильи, съ посылкою извѣщенія греческимъ царямъ по изготовленіи утвердительной грамоты. Послѣдняя часть договорной грамоты 912 г. совпадаетъ, въ обрядовомъ отношеніи, съ заключительною частью договорной грамоты 945 г. Обѣ договорныя грамоты, начинаясь словами «равно другаго свѣщания», относятся ко времени ратификаціи мирныхъ договоровъ. Приписка къ грамотѣ 912 г. свидѣтельствуетъ, что она дана русскими послами («дахомъ») царскому величеству на утвержденіе мира. Клятва произносилась каждою стороною по тексту, изложенному въ особомъ актѣ роты (juramenti formula). У греческихъ царей находились, по свидѣтельству дошедшей до насъ грамоты 945 г., экземпляры двухъ хартій договора 945 г., одной домашней, съ изображеніемъ креста, предъ которымъ присяга произносилась царями («предлежащимъ честнымъ крестомъ», въ грамотѣ 912 г.), и именъ греческихъ пословъ: «одна есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана», другой (въ спискѣ), вполнѣ отвѣчающей помѣщенной въ лѣтописи, съ именами русскихъ пословъ и гостей. Надъ обѣими хартіями, предъ выѣздомъ русскихъ пословъ изъ Греціи въ сопровожденіи греческихъ—«лучшихъ бояръ», должны были присягнуть греческіе цари. Какъ и договорная грамота 912 г., написанная въ двухъ экземплярахъ ...*царя* вашего (греческаго)... и своею рукою, врученная царскому величеству «на утвержденіе», съ тѣмъ чтобы русскому князю дано было царское извѣстіе—«извѣстии дасть» [1]), договорная грамота 945 г. въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, приноровлена къ моменту, послѣдовавшему за царской присягой. Иначе трудно было бы объяснить отсутствіе въ той грамотѣ указанія на обязанности принятія присяги царскимъ величествомъ, о чемъ въ грамотѣ 912 г. ясно говорится, какъ о фактѣ совершившемся. Доставленію, греческимъ посольствомъ, изъ Царьграда къ русскому

---

[1]) Въ догов. 912 г.: «*вдасть* елико можетъ»;—«аще *вдасть* руцѣ»;—«*отдасть*»;—«аще ли искушенія сего не *дасть* створити». Въ догов. 945 г.: «и тъ запечатаетъ и *дасть* имъ»;—«да *вдасть* и цѣну его сугубо» и т. д.

князю въ Кіевъ подлежалъ снабженный соотвѣтственнымъ предисловіемъ грековъ харатейный дубликатъ греческаго экземпляра ратификаціонной грамоты съ переводомъ. Подлинникъ оставался у хранителя хартій — chartophylax'a. «А отходячи съ посломъ царства нашего, да попровадятъ къ вел. князю Игореви и къ людемъ его, и ти, приймающе харатью ...на ней же суть *написана имена наша*»... (Лавр., Ипат. и др.). Игорь съ людьми своими долженъ былъ также выполнить обрядъ роты надъ обоими экземплярами договорныхъ хартій—русскимъ и греческимъ и прислать царямъ свою утвердительную присяжную грамоту. Подлинникъ русскаго экземпляра грамотъ 912 и 945 г., по исходнымъ моментамъ тождественныхъ, съ именами русскихъ уполномоченныхъ, оставшійся въ обоихъ случаяхъ у русскихъ пословъ, сданъ ими, послѣ соблюденія всѣхъ формальностей, въ архивъ, откуда извлеченъ лѣтописцемъ съ разными относящимися къ договорамъ документами. Итакъ, при ратификаціи договора русскихъ съ греками каждая сторона предварительно, чрезъ пословъ, а окончательно въ лицѣ своего государя, произносила обычную клятву—роту, скрѣпленную затѣмъ обѣтною или *утвердительною* грамотою, передававшеюся одною стороною другой въ видѣ извѣстія или извѣщенія. Такова грамота Святослава отъ 971 г., заключающая въ лѣтописномъ текстѣ ея, связанныя съ сущностью договора слова *клятвы самого Святослава*, подтвердившей клятву, произнесенную русскими послами при заключеніи мирнаго договора съ греками, въ ознаменованіе *ратификаціи* имъ мира (см. главу III). Этимъ-то и отличается грамота Святослава отъ грамотъ Олега и Игоря. Выраженіе лѣтописца «*обѣщася* Игорь сице створити» (утвердить договоръ клятвой) намекаетъ и на послѣдующее изготовленіе утвердительной грамоты, на что прямо указываютъ слова: «Игорь утвердивъ миръ съ греки»... Подобный порядокъ, въ главныхъ чертахъ, соблюдался у насъ въ теченіе многихъ столѣтій. Въ дневникѣ литовскихъ пословъ 1556 г. замѣчено, что русскіе бояре сообщили имъ о согласіи царя заключить перемиріе. Изготовленныя послами, по взаимному уговору, перемирныя грамоты «показали князю великому *обѣ—двѣ*. Онъ, вземши тыи грамоты... положилъ на мисѣ, а на тыхъ грамотахъ положилъ крестъ и сказалъ... видьте и то, же я брату своему Жикгимонту Августу.. на томъ крестъ цалую, што въ сихъ перемирныхъ грамотахъ написано, то все маю выполнити и то крѣпко держати...; потомъ крестъ цѣловалъ; по цѣлованью одну, *свою* грамоту намъ далъ, а *нашу* въ себѣ заставилъ, поотдававши намъ (вѣрющіе) листы» (Сб. кн. Оболенскаго 1838 г. № 5). Въ наказной памяти посольства отъ царя Ивана Васильевича къ польскому королю Сигизмунду Августу 1571 г., между прочимъ, изложено: «...а *которую грамоту писали послы его* (короля) на Москвѣ и печати свои... привѣсили, а *ту грамоту привезли къ государю* нашему, и нынѣ и той гра-

мотѣ... пригоже быть у государя нашего *по прежнимъ обычаямъ*... Королю *грамота своя* велѣть *новая написати* и печать своя къ ней привѣсити, и крестъ цѣловати предъ нами... Да какъ напишутъ грамоту съ списка... и печать свою король къ той грамотѣ велитъ привѣсити и *крестъ на обѣихъ грамотахъ*, на *царя и в. князя словѣ*, *которая у короля*, и на *своемъ словѣ*, которую грамоту у нихъ напишутъ, король *крестъ цѣлуетъ*»... Обѣ грамоты, чрезъ князя Ивана съ товарищами, подлежали присылкѣ царю... «И *государь нашъ свое слово—грамоту утвердилъ крестнымъ цѣлованьемъ* и далъ ее въ руки твоимъ посламъ (королевскимъ), и твои послы за тебя, государя своего, передъ государемъ нашимъ, на грамотѣ, на *твоемъ словѣ*, *крестъ цѣловали*, и та грамота у насъ» (Сб. Русск. Ист. Общ., т. 71, стр. 770—771). При заключеніи мира королемъ польскимъ и в. княземъ московскимъ 1635 г., когда королю предстояло, въ присутствіи пословъ русскихъ, принести присягу въ главной варшавской церкви св. Іоанна, передъ распятіемъ, которое держалъ архіепископъ Гнѣзненскій и Львовскій, послы русскіе требовали раздѣленія клятвеннаго обѣщанія на двѣ части, съ тѣмъ чтобы въ одной были упомянуты *всѣ условія*, *на которыя изявлено общее согласіе* (М. Бутурлинъ: Бумаги Флорент. центр. арх.).

О нашей древнѣйшей посольской метрикѣ ближайшихъ свѣдѣній мы не имѣемъ, но, пользуясь договорными актами и лѣтописнымъ повѣствованіемъ, о дипломатическихъ переговорахъ, перепискѣ, изготовленіи, ратификаціи и обмѣнѣ хартій, при окончаніи мирныхъ договоровъ между русскими и грекамй, можемъ правильно судить по аналогіи съ позднѣйшими мирными договорами между Русью и разными государствами, а также съ чужеземными дипломатическими актами. Договорные тексты X вѣка устраняютъ мысль о недобросовѣстномъ отступленіи отъ оригиналовъ при внесеніи въ лѣтописи и перепискѣ послѣднихъ. Порчу слѣдуетъ объяснять областными діалектическими особенностями, недосмотрами, заблужденіемъ невѣжественныхъ переписчиковъ, неразборчивостью обвѣтшалыхъ актовъ [1]), причудливостью ихъ языка, малодоступностью для переписчиковъ древнерусской юридической терминологіи, или же излишнею спѣшностью, побуждавшею «борзописцевъ» пономарей и дьячковъ дѣлать перестановки въ текстѣ, подставлять взамѣнъ подлинныхъ словъ синонимичныя, или сходныя по звукамъ, напр. «слуги» въ Радзивил. спискѣ вмѣсто «Слуды» (ср. «Слудовы Дорогожичи»),—«Бѣловѣжу», въ Суздальск. спискѣ, вмѣсто «Бѣлобережья»,—«обряценіе», въ Ипатск. спискѣ, вмѣсто «обряженіе», «заповедѣлъ» (Радз.) вмѣсто «увѣдѣлъ» и т. д., и даже «множества ради» совсѣмъ выпускать договоры или какой либо изъ нихъ при утомительной

[1]) Когда договорные акты 907—971 гг. заносились въ лѣтопись, то рукописи оригинальныя были уже довольно ветхи.

переписке объемистаго лѣтописнаго фоліанта. Впрочемъ, съ разночтеніями необходимо обращаться крайне осмотрительно, ибо, благодаря скудости нашихъ свѣдѣній объ источникахъ начальной лѣтописи и механизмѣ ея составленія, не только нельзя ручаться, что въ нее не попали списки съ оригиналовъ *разныхъ редакцій*—подготовительной (проектированной) и окончательной, сокращенной и распространенной, односторонней и двусторонней, черновой и бѣловой, русской и греческой, но внимательное и болѣе глубокое изученіе разночтеній скорѣе должно убѣдить насъ въ безплодности попытки ученыхъ издателей и изслѣдователей подогнать разнокалиберный текстъ договорныхъ грамотъ непремѣнно подъ одну мѣрку. Въ семъ отношеніи весьма поучительна редакціонная разница въ спискахъ Смоленской торговой Правды 1229 г., дошедшей до насъ въ *восьми* экземплярахъ. Подвергнувъ списки кропотливому анализу, П. Голубовскій отмѣтилъ въ нихъ двѣ редакціи—древнѣйшую въ трехъ и позднѣйшую въ четырехъ экземплярахъ, причемъ сдѣлалъ свой выводъ о порядкѣ составленія договора и перевода договорныхъ статей съ латинскаго языка на нѣмецкій и на смоленское нарѣчіе (Ист. Смоленской земли, стр. 115, 125). Нельзя также не обратить вниманія на разночтенія во многихъ договорныхъ грамотахъ по сношеніямъ новгородцевъ съ нѣмцами, напр. въ актахъ 1269 и 1270 гг.—нѣмецкой и латинской редакціи, изъ копхъ первая считается основною (Андреевскій, Бережковъ, Куникъ—прилож. къ Ливонск. акт.). Внимательно сличая разночтенія въ текстѣ договорныхъ грамотъ X в. съ помощью синопсиса, начертаннаго Е. Тобіеномъ по спискамъ, бывшимъ въ обращеніи до 1845 г., и самыхъ лѣтописей, опубликованныхъ Академіей Наукъ, Археографическою Коммиссіею и частными лицами, я не замѣтилъ ни тѣхъ грубыхъ наслоеній въ отдѣльныхъ договорныхъ главахъ, которыя будтобы лишаютъ возможности возстановить смыслъ (В. Сергѣевичъ: Греч. и русск. право X. в., Ж. М. Н. Пр., 1882 г.), ни преднамѣреннаго искаженія договорныхъ текстовъ, разнообразныхъ, болѣе или менѣе, по лексическому свойству и отчасти по своему матеріальному составу. Вообще, замѣчаемыя отступленія отъ оригинальныхъ рукописей запечатлѣны наивною искренностью и добродушіемъ, а что наиболѣе достойно признательности, переписчики не погнушались сохранить неприкосновенными *языческія* черты договорныхъ актовъ. Только одна серія списковъ даетъ поводъ заподозрѣть поползновеніе книжниковъ, быть можетъ инстинктивное, нѣсколько сгустить христіанскій элементъ въ договорѣ 912 г., напр. замѣнить «извѣщеніе» освященіемъ. Если кое-гдѣ допущены кажущіяся произвольными глоссы, то иногда онѣ, не затемняя текста, поясняютъ его примѣнительно къ способу повѣствованія самихъ составителей договорныхъ грамотъ, и нерѣдко, по логическому смыслу, находятъ себѣ оправданіе, наводя на предположенія о пропускахъ или сокращеніяхъ въ дру-

ихъ спискахъ, либо объ особенности оригинала. Таково «имѣчное» въ Ипатск. спискѣ договора 945 г. (плата за переемъ[1]).

Попытки ученыхъ собственно по раздробленію договорнаго текста вообще и его разглавленію, не всѣми одинаково практикуемымъ, также какъ по разрѣшенію вопросовъ о порядкѣ совершенія договоровъ, ихъ взаимной связи, о системѣ правонарушеній и наказаній договорной Правды далеко не достигли желаемаго успѣха. Обнаруженіе искаженій, допущенныхъ переписчиками и происшедшихъ отъ неправильнаго чтенія текста, отъ пропусковъ и измѣненій, требуетъ весьма продолжительныхъ и кропотливыхъ повѣрочныхъ изысканій. Мучительнымъ сомнѣніямъ договорныя грамоты даютъ обильную пищу, вынуждая прибѣгать къ сопоставленіямъ по памятникамъ, изъ коихъ многіе не затронуты наукой. Трудность овладѣть языкомъ, юридическою техникою, вычерпать до дна содержаніе договорныхъ актовъ и уловить ихъ сцѣпленія, неблагодарность и малая плодотворность потраченныхъ на нихъ усилій повергли литературу ихъ въ жалкую нищету. Иностранцы, всегда поражавшіеся дивными сокровищами нашихъ старѣйшихъ договорныхъ памятниковъ, значительно помогли намъ разобраться въ нихъ, но договорный языкъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ оказался для иностранцевъ недоступнымъ. Напр., по разумѣнію Леклерка, въ договорныхъ грамотахъ послы – офицеры, гости—матросы, а по понятію В. Томсона, введеннаго въ заблужденіе Куникомъ и Гедеоновымъ [1]), послы заявляютъ въ договорахъ о своемъ русскомъ *происхожденіи*, что они *русскаго рода*—«declare themselves in the treaties to be of *russian birth*» (The relations between ancient Russia and Scandinavia), тогда какъ уполномоченные говорили: въ 912 г., что «они отъ рода (народа) русскаго *послани*»; въ 945 г., что они «отъ рода русскаго *сли и гостье*»... «посылаеми бываютъ *отъ нихъ* сли и гостье»... Въ 1278 г. «ятвязѣ прислаша послы своя къ Володимерови тако рекуче: ...пріѣхали есмя къ тобѣ *ото всихъ ятвязь*» (Ипат., 580). Договоры Полоцка съ нѣмцами начинались такъ: «Отъ намѣстника... и отъ всѣхъ мужъ отъ полочанъ.—Отъ князя... и ото всѣхъ мужъ полочанъ» Bunge: Urkundenbuch, т. VI, № 2931, 2981 и др.). Уполномоченнымъ русскимъ никакой не было надобности ставить на видъ свое *происхожденіе* [2]).—Политическое значеніе

---

[1]) См. сводъ мнѣній у W. Gutzeita: Erläuter. zur älter Gesch. Russlands, отд. 3: «Wir russishen Volkes».

[2]) Происхожденіе означается обыкновенно такими выраженіями: «*суть* или *сущимъ* отъ рода варяжьска»,—«*сущимъ* отъ рода словѣньска»; «*родомъ* – сынъ угорескъ, *родомъ*—гречинъ, *родомъ* – новгородецъ» (Лавр. 131, Ипат. 356, 359 и др.) Быть *кому отъ рода*—быть съ кѣмъ въ родствѣ. «Въ лѣто 6387 умершю же Рюрикови, предасть княженіе свое Олгови, *отъ рода ему суща* вдавъ ему на руцѣ *сына своего Игоря*» (Лавр.), т. е. въ 879 г.,

договоровъ недостаточно взвѣшено и оцѣнено. Съ точки зрѣнія средневѣковой культуры они являются плодомъ государственнаго созрѣванія Руси, пріобрѣвшей, по словамъ патріарха Фотія, громкую извѣстность впервыэ со времени похода на Царьграда во второй половинѣ IX вѣка, когда русская сила «внезапно, подобно огромной волнѣ, нахлынула на греческіе предѣлы», и упрочили ея могущество, созданное подвигами Аскольда и Дира, вѣщаго Олега, «стараго Игоря и славнаго Святослава... мужьствомъ и храбрьствомъ прослувшихъ въ странахъ многихъ» (Иларіонъ).—Подвиги эти тѣсно сопряжены съ Днѣпромъ Словутичемъ, впадающимъ «въ Понтьское море тремя жерелы, еже море словетъ Руськое» (начальная лѣтопись), пробившимъ каменныя горы и нѣжно лелѣявшимъ русскія суда до непріятельскихъ твердынь и полковъ (Слово о полку Игоревѣ). Превознося храбрость россовъ въ борьбѣ съ Цимисхіемъ, Левъ Діаконъ, въ кн. VIII, замѣтилъ, что они давно стяжали славу побѣдителей надъ окрестными народами. Роль провозвѣстника русской славы игралъ національный эпосъ героическій, вдохновлявшій русскаго лѣтописца и снабжавшій его такимъ блестящимъ и богатымъ содержаніемъ, какое не могло быть заимствовано у греческихъ авторовъ, обошедшихъ презрительнымъ молчаніемъ унизительный для Византіи походъ Олега на грековъ. Основываясь на похвальныхъ пѣсняхъ, лѣтописецъ нерѣдко даетъ широкій полетъ славѣ русскаго оружія, какъ напр. по поводу пораженія половцевъ Владиміромъ Мономахомъ при потокѣ Дегея въ 1111 г.—«*до грековъ*, угровъ, ляховъ, чеховъ и до самаго Рима». При воспоминаніи, подъ 1094 г., по поводу разгрома Русской земли половцами, прежней почетной славы Руси, обрѣтенной до крещенія Владиміромъ св., скорбное чувство лѣтописца усугубляется неблагодарностью русичей за лавры, которые они стяжали, очевидно, въ походахъ *на грековъ*... «*Прославлени бывше*, не прославихомъ (Творца), *почтени бывше*, не почтохомъ (Его), *освятившеся* (т. е. крестившись), не разумѣхомъ... Кого бо тако (Богъ) почелъ есть, яко же *ны прославилъ есть и возвеслъ*»? (Лавр. 218). Въ подобномъ же смыслѣ произнесъ рѣчь дружинамъ в. князь Изяславъ предъ битвой съ Владиміромъ Галицкимъ, въ 1152 г.: «Богъ *всегда* Рускы

въ которомъ умеръ Рюрикъ, онъ передалъ княженіе свое Олегу, съ родни ему (Олегу) приходившагося давъ ему (Олегу) на руки (или на попеченіе) сына своего Игоря (ср. Ипат. 212, 412, 502). По правилу 111-й ст. Русск. Правды Кар. сп.: «Оже ...*дѣти малы*. токмо *имъ ближний будетъ*, то тому дати на руцѣ». Опекуномъ назначался родственникъ малолѣтнихъ *дѣтей*. Въ нѣкоторыхъ хронографическихъ компиляціяхъ, основанныхъ, очевидно, на преданіи, Олегъ зовется *племянникомъ* Рюрика. Поэтому можно предположить, что Олегъ приходился сестричемъ или нетіемъ Рюрику и двоюроднымъ братомъ Игорю Рюриковичу по сестрѣ Рюрика, состоявшей въ бракѣ съ однимъ изъ туземныхъ *славянскихъ* князей. Двухъ нетіевъ самого Игоря знаетъ договоръ 945 г.

Землѣ и рускихъ сыновъ въ безчестьи не положилъ есть; *на всихъ мѣстѣхъ честь свою взимали суть*; нынѣ же, братье, *ревнуимы тому* вси у сихъ земляхъ и передъ чюжими языкы дай ны Богъ честь свою взяти» (Ипат. 310). Пораженіе въ битвѣ съ врагомъ считалось «великимъ безчестьемъ» (Ип. 582). Многое наводитъ меня на предположеніе, что пѣсенныя сказанія о походахъ Аскольда и Дира, Олега и особенно Игоря Рюриковича (въ Задонщинѣ Бирюковича) на грековъ послужили эпической предтечей Слова о походѣ Игоря Святославича на половцевъ въ исходѣ XII в., вмѣщавшей въ себѣ подробный пересказъ историческихъ фактовъ съ поэтическими прикрасами, получившими мѣткое названіе турусовъ («ту руссы») на колесахъ, о движеніи кораблей по сухому пути, о расшитыхъ парчею и шелкомъ парусахъ, и т. под. По возвращеніи отважныхъ князей, съ весельемъ и великою славою, изъ похода на грековъ, вѣроятно, воздавали имъ «похвалу велику, *пѣснь* славну пояху имъ», какъ позднѣе и въ случаяхъ выдающихся военныхъ подвиговъ, напр., послѣ побѣды, одержанной Александромъ Невскимъ подъ Псковомъ (Соф. и др.), по прибытіи Даніила и Василька Романовичей изъ удачныхъ походовъ на ляховъ, угровъ и ятвяговъ (Ипат. 540, 556). Замѣчательно, что въ 865 г. «св. Богородицы ризу съ пѣснями изнесше *въ рѣку омочиша*» [1]), а въ Словѣ о полку Игоревѣ Ярославна собиралась *омочить* бебрянъ рукавъ *въ рѣку* Каялу; добыча русичей въ битвѣ съ половцами такая же, какъ и Олега въ походѣ на Царьградъ: «паволоки и всякое узорочье». Славу Игоря Святославича воспѣвали и *греки*. Авторъ Задонщины славу русскихъ князей переноситъ *къ Царюграду*. Славная пѣснь, сочиненная о походѣ Игоря Рюриковича на грековъ, извѣстная Иларіону и популярная у «венедичей», дала, по моему мнѣнію, поводъ Венеціанской хроникѣ сказать, что Игорь возвратился «cum triumpho» (у Ліудпранда «cum confusione»).

Наиболѣе повредило успѣху въ дѣлѣ изслѣдованія договоровъ заблужденіе, искавшее всегда причину разночтеній въ изуродованіи текста переписчиками, тогда какъ ее надлежало относить въ большей степени къ подлиннымъ документамъ, по сравненіи съ сохранившимися международными документами итальянскихъ архивовъ X—XII вѣковъ и даже съ позднѣйшими сѣверныхъ архивовъ, хотя бы копенгагенскаго, кенигсбергскаго, митавско-ревельскаго [2]). Много сходныхъ текстовъ въ грамотахъ, осно-

---

[1]) Дьякъ Александръ, путешествовавшій въ Царьградъ 1395 г., разглагольствуетъ о чудотворной силѣ ризы св. Богородицы во Влахернѣ, объ омоченіи ея патріархомъ Сергіемъ, когда во время иконоборенія непріятель пришелъ и по морю и по сушѣ. (П. С. Л. IV. 357).

[2]) Тамъ хранятся посольскіе акты 1342—1767. Древніе акты ревельск. город. архива на русск. языкѣ помѣщены въ XV т. Русск. Ист. Библ.

ванныхъ на *одномъ и томъ же договорѣ*, можно найти и въ архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ. Н. Бентышъ-Каменскій, исполняя порученіе гр. Н. Румянцова по извлеченію изъ архива Коллегіи Иностр. Дѣлъ древнѣйшихъ договоровъ, писалъ: «*Ратификаціи* не разсудилъ я списывать, дабы не *повторять* содержанія трактатовъ» (Собр. Гос. Грам. и Дог. ч. V, стр. VIII). Варіанты списковъ одного и того же договора вызывали замѣшательство не только въ умахъ ученыхъ, но и въ сферѣ международной. Возьмемъ Орѣховскій договоръ 1323 г. между вел. княземъ Юріемъ Даниловичемъ и Магнусомъ Эриксомъ шведскимъ, вслѣдъ за занятіемъ упомянутымъ княземъ города на Орѣховомъ островѣ близъ истоковъ Невы, берега которой, доступные для русскихъ еще въ 1228 г., когда «новгородци стояша в[ъ] *Невѣ* нѣколико дний» (Лавр. 484), а затѣмъ въ силу договоровъ съ нѣмцами, Александра Невскаго 1242 г. (лѣтоп. Соф.) и позднѣйшихъ, напр., 1270 г. ст. I, по нашимъ лѣтописямъ, были утверждены за Русью княземъ Андреемъ Александровичемъ 1301—1302 г., съ разрушеніемъ построенной шведами у Финскаго залива Ландскроны, «городка нѣмечьскаго». Въ двухъ серіяхъ многихъ, хранящихся въ шведскихъ архивахъ списковъ того договора, въ томъ числѣ одномъ русскомъ (Прилож. къ XXI т. Зап. И. А. Н.), указаны двѣ разныхъ границы между русскими и шведскими владѣніями отъ р. Сестры и выставлены разныя даты—въ одной серіи пятница 12 августа, въ другой 6 сентября того же 1323 г.. К. Ленстремъ, въ монографіи о мирныхъ договорахъ между Россіей и Швеціей XIV стол. (Уч. Зап. Каз. Ун. 1885, кн. 2 [1]), предполагалъ здѣсь смѣшеніе договоровъ 1323 и 1338 г., придавая особое значеніе словамъ договора 1323 г.: «миръ *возобновляется* — pax reformatur» ... мы *возобновляемъ* вѣчный миръ—reformaveramus perpetuam pacem». Одинъ и тотъ же миръ, заключенный и подтвержденный *чрезъ нѣсколько недѣль*, говоритъ Ленстремъ, нельзя было назвать возобновленіемъ вѣчнаго мира. Но Ленстремъ не догадался, что возобновленный миръ есть старый миръ, заключенный якобы на 40 лѣтъ княземъ Андреемъ Александровичемъ во второй половинѣ XIII в. [2]), какъ сказано въ рукописаніи Магнуса Эриксона, взявшаго Орѣховецъ въ 1347 г. и въ томъ же

---

[1]) Ср.: Буткова: Три древн. догов. русскихъ съ шведами, Ж. М. Вн. Д. 1837 г. ч. 53; Antiquités russes и др.

[2]) Миръ былъ скоро нарушенъ. Въ 1300 г. «поставиша свѣи городъ надъ Невою, на устьи Охты рѣки, нарекоша его Вѣнецъ земли, посадивъ мужи нарочитыя съ посадою Свѣнемъ» (Новг., I и др.). Въ слѣдующемъ году Вѣнецъ отобранъ обратно кн. Андреемъ Александровичемъ.—Въ Новгор. переписныхъ книгахъ 1500 г. упоминаются нѣсколько погостовъ по рѣкамъ Невѣ, Охтѣ и Мойкѣ: Погостъ Спасскій-Гроденскій, въ немъ 91 деревня, изъ коихъ 39 деревень расположены по Невѣ и одна на Ѳоминѣ островѣ, при впаденіи Невы въ море: прочіе—по Охтѣ, Мойкѣ и др.

году вынужденнаго возвратить его новгородцамъ (Подр. въ Ник.,т.X,220—224). «Пріѣхавше послы велики отъ свейского короля (въ заложенный Юріемъ Данилови ѣмъ Орѣшекъ) и докончаше миръ вѣчный съ княземъ и Новымъ городомъ по старой пошлинѣ» (Новг., I, 73), въ другихъ лѣтописяхъ: «по старинѣ (Ник., т. X, 189, Воскрес., т. VII, 199). Разницу границъ и чиселъ въ договорныхъ спискахъ, датированныхъ 1323 г., только и можно объяснить нѣкоторою разницею ихъ оригинальныхъ источниковъ, зависѣвшею отъ размежеванія, по соглашенію сторонъ, спорной территоріи. Орѣховскій договоръ подтвержденъ 1339 г. въ Мурманской землѣ, въ г. Людовлѣ, по старымъ грамотамъ (Новг., I, 78, 79), уже послѣ уступки Наримунту-Глѣбу Гедиминовичу, *по правому слову*, пригородовъ новгородскихъ Ладоги (Aldejgoburg) и Орѣхового городка (нынѣ Шлиссельбургъ) съ окрестностями, а сынъ его Александръ посаженъ въ Орѣховѣ (Воскр. VII, подъ 1331, 1333, 1338 г.). Договоръ новгородцевъ съ норвежцами 1326 г., заключенный на 10 лѣтъ тоже *попрежнему* («sicut prius fuerat»), сохранился, какъ и Орѣховскій, въ нѣсколькихъ спискахъ, помѣченныхъ —одни, на нѣмецкомъ языкѣ, 3 іюня, другіе, на латинскомъ, 11 іюня. Такъ какъ послѣдній, по содержанію, есть утвердительная грамота со стороны короля Магнуса Гакона, хотя граница по *древнимъ рубежамъ* подлежала возстановленію впослѣдствіи, то первый, содержащій лишь краткій перечень мирныхъ условій, слѣдуетъ признать предварительнымъ договорнымъ протоколомъ (Собр. Гос. Гр. и Дог., т. V,№ 103, Щербачевъ: Датскій арх., № 1).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Договоры русскихъ съ греками X в., для надлежащаго ихъ уразумѣнія, требуютъ послѣдовательнаго и сравнительнаго ихъ разсмотрѣнія, а также соображенія помѣщенныхъ въ нихъ ссылокъ на принятыя основанія въ связи съ лѣтописнымъ фактами, болѣе или менѣе близкой къ договорамъ, по времени, международной практики и параллельныхъ правовыхъ воззрѣній другихъ народовъ. Общія и статейныя ссылки въ текстѣ договорныхъ грамотъ раскрываютъ намъ двѣ исходныхъ точки, два различныхъ момента дипломатическихъ сношеній русскихъ съ греками: 1, прежніе, самостоятельные или отдѣльные мирные договоры, нѣкогда между ними заключенные, и 2, обоюдные посольскіе переговоры о каждомъ отдѣльномъ мирѣ, завершающіеся его заключеніемъ или докончаніемъ по исполненіи цѣлаго ряда дипломатическихъ обрядовъ, до утвержденія договора торжественной присягой самихъ верховныхъ вождей обоихъ государствъ и обмѣна договорныхъ грамотъ. Первая группа ссылокъ либо охватываетъ прежніе договоры въ полномъ ихъ объемѣ, либо повторяетъ, то почти буквально, то въ переработкѣ, детальныя положенія или установленія ранѣе существо-

вавшихъ греко-русскихъ договоровъ, вторая—выражается въ «съвѣщаніи», характеризующемся совмѣстнымъ обсужденіемъ, согласованіемъ, и начертаніемъ мирныхъ условій послами договаривающихся сторонъ. Центральною осью, вокругъ которой вращаются наши познанія о возникновеніи мирныхъ договоровъ русскихъ съ греками, служитъ договоръ Олега 912 г., ошибочно относимый изслѣдователями къ 911 г. [1]) и содержащій въ себѣ весьма важную ссылку на прежній договоръ, которую издатели лѣтописи считаютъ «Ивановымъ писаніемъ», а Кругъ, Раковецкій, Погодинъ и Лавровскій—«киноварнымъ».

Въ договорной грамотѣ 912 г. за изложеніемъ главъ, принятыхъ, по взаимному соглашенію, на посольскомъ собраніи, включено заявленіе русскихъ пословъ: «На утверженье же и неподвиженіе быти, межи вами, хрестьяны, и русью бывшій миръ *сотворихомъ* [2]) и *ва новымъ* написаніемъ *на двою харатью*, царя *вашего* и *своею* рукою»..., т. е.: А для подтвержденія и не зыблемости, между вами, христіанами, и русью бывшій миръ совершили *мы* и *вы* новымъ написаніемъ *на двухъ хартіяхъ*—царя *вашего* и *своею* рукою [3]). Въ древнѣйшихъ договорныхъ грамотахъ русскихъ имена писцовъ не оглашались (ср. подъ 971 г. о грам. Святослава: «нача писець писати»). Въ договорахъ грековъ съ другими державами рѣдко въ текстѣ выставлялось имя переписчика; обыкновенно имя писца, какъ въ позднѣйшихъ русскихъ грамотахъ, ставилось въ концѣ, послѣ всѣхъ подписей, напр., въ грамотѣ Федора Ростиславича 1284 г. «а Федорко писець княжь Федоровъ псалъ» (Собр. Гос. Гр. и Догов. II, № 3), съ означеніемъ иногда его должности или званія Договоръ Игоря съ греками 945 г. также сопровождался написаніемъ грамотъ каждою стороною—одной русскими, другой греками: «*Мы* же съвѣщанье все *написахомъ*»... *на двою харатью*», что лучше всего свидѣтельствуетъ о сомнительности написанія грамоты 912 г. Иваномъ, — особливо *русскаго* харатейнаго экземпляра, текстъ котораго

---

[1]) Грамота русскихъ пословъ, написанная въ сентябрѣ 912 г., какъ видно изъ даты подъ нею, основана на договорномъ соглашеніи, достигнутомъ въ томъ же году. Царь Левъ скончался 11 мая 912 г., слѣдовательно соглашеніе состоялось не позднѣе начала мая, а грамота русскихъ пословъ хотя изготовлена *по смерти Льва*, но не могла подорвать дѣйствительности соглашенія. Царь Левъ, вѣроятно, самъ не успѣлъ *утвердить* миръ, и русскимъ посламъ ничего не оставалось, какъ по передачѣ Олегу утвердительной грамоты двухъ наличныхъ греческихъ царей, вручить утвердительную грамоту вел. князя царю Александру, умершему, судя по доказательствамъ Круга, 6 іюня не 912, а 913 г.

[2]) Ср. форму: «поѣдемы»,—съ нимъ ся биемы»; «въ обидѣ всѣ-мъ (мы) остахомъ (Ипат. 286 и 605).

[3]) Въ Готландск. редакціи Смоленск. догов. 1229 г. «то правда есть межи *насъ съ вами*. Правда есть промежи *васъ и насъ*».

воспроизведенъ лѣтописью. Хотя въ ту эпоху появляется въ Греціи правителемъ какой-то Іоаннъ, прирокомъ Лазарь, изъ духовнаго сословія, выдвинутый Александромъ, братомъ Льва Премудраго и опекуномъ Константина Порфиророднаго, предъ смертью Льва облеченный особыми правами вмѣстѣ съ патріархомъ Николаемъ и другими, но, по невозможности привлечь этого сановника и, вообще, какого бы то нибыло Ивана къ написанію договора, остается намъ отвергнуть рутинное чтеніе, замѣнивъ его болѣе отвѣчающимъ порядку заключенія договора и грамматически правильнымъ. «Ва» есть старая церковнославянская форма мѣстоимѣнія *вы* двойств. числа 2 лица. Форма «ва» употреблена потому, что миръ съ русскимъ великимъ княземъ въ 912 г. заключали два царя греческихъ Левъ и Александръ, какъ и въ 907 г.: «Царь Леонъ съ Александромъ миръ сотвориста со Олгомъ». Въ концѣ грамоты 912 г. послы русскіе говорятъ совсѣмъ не то, что разумѣлъ Лавровскій (О визант. элем. въ из. догов., 118—121), а то, что въ обмѣнъ одинъ экземпляръ хартіи дали («дахомъ» — дали мы) *царства вашего* (греческаго) на утвержденіе «*обоему*»... Лѣтописецъ поясняетъ, что послы русскіе сообщили Олегу рѣчи *обоихъ* царей («повѣдаша вся рѣчи обою царю»), какъ сотворили миръ и урядъ положили между Греческою землею и Русскою. Первенствующую роль при заключеніи мира игралъ *одинъ* царь, которому поклялись русскіе послы («мы же кляхомся ко *царю* вашему»), послами котораго произносилась клятва, руководилось написаніе договорнаго протокола («царя вашего и своею рукою») и который удостоилъ русскихъ пословъ дарами, показалъ имъ церковныя достопримѣчательности Царьграда и отпустилъ ихъ въ свою землю съ честью великою. Въ статьѣ договора о военной помощи сказано: «сіи (русскіе, приходящіе въ Грецію съ куплею, или въ солбу ко цареви вашему) хотятъ почтить царя вашего... хотятъ остати у царя вашего» [1]). Въ началѣ договорной грамоты 912 г. послы русскіе обращаются къ *тремъ* царямъ: «Мы... иже послани отъ Олга... къ вамъ, Львови и Александру и Констянтину». Короновавному своимъ отцомъ Львомъ, по свидѣтельству Кедрина и др., Константину Порфирородному было тогда около шести лѣтъ. «Поча царствовати Костянтинъ, сынъ Леоновъ (Лавр., Ипат. подъ 913 г.). По Никонов. лѣтоп., Константинъ Порфир. «царствова *лѣта*

---

[1]) Со времени Василія I одинъ императоръ правилъ государствомъ, располагалъ арміей, флотомъ, финансами; другіе, совмѣстно царствовавшіе, носили лишь императорскій титулъ и пользовались императорскими почестями (A. Rambaud: L'empire Grec au X siècle, 32). Современникъ Романа Лакапина раввинъ Хаздаи, въ извѣстномъ письмѣ донося царю хозарскому о принужденіи царемъ греческимъ Армануусомъ, т. е. Романомъ, въ 943—944 г., живущихъ въ его государствѣ евреевъ къ принятію христіанской вѣры, упоминаетъ о *соправителѣ* Армануса.

седьми. Со Александромъ (дядей своимъ) царствова лѣто едино, и остася единъ, юнъ сый, *седми лѣтъ* точью»... (Собр. лѣтоп. т. IX, стр. XX и 25); а Александръ умеръ въ іюнѣ 913 г. (Ph. Krug: Chronol. d. Byzantier 81—93, 108—128). Въ Россіи малолѣтніе княжичи также участвовали въ дипломатическихъ актахъ ранѣе достиженія 12 лѣтняго возраста. При малолѣтствѣ Игоря въ 882 г. Олегъ, чрезъ уполномоченныхъ, велъ переговоры съ Аскольдомъ и Диромъ отъ своего имени и отъ имени *княжича*. Если въ договорной *великаго князя* Олега грамотѣ 912 г. личность вельми возмужавшаго Игоря, начавшаго княжить съ 913 г., стушевывается, сливаясь съ *другими князьями*—«всякимъ княжьемъ», то быть можетъ, потому, что его наслѣдственное право на великокняжескій столъ въ ту пору еще не вполнѣ упрочилось, или поколебалось. Въ договорной грамотѣ 945 г. помѣщенъ и посолъ трехлѣтняго Святослава Игоревича (см. гл. II), состоявшаго на воспитаніи дядьки Асмуда (Asmund). Въ слѣдующемъ году княгиня Ольга говорила древлянамъ, покушавшимся расправиться посвоему съ сыномъ ея Святославомъ: «се уже покорилися мнѣ и моему *дѣтяти*». Подъ 1177 г. имѣемъ извѣстіе о цѣлованіи креста князю и «на дѣтяхъ его» (Лавр. 360). Даніилъ Романовичъ былъ посаженъ на столѣ отца своего въ Галичѣ «тако младу сущу, яко и матери своей не позна» (Ип. 486). Въ 1213 г, когда западнорусскіе княжичи Даніилъ и Василько Романовичи состояли еще подъ опекой матери—«княжаста съ матерью своею,—прислаша князи литовьскии къ великой княгини Романовѣ и (къ) *Даніилови и Василкови* миръ дающе» (Ипат. 488, 492). При совершеннолѣтіи Даніила и Василька (подъ 1238 г.) Михаилъ черниговскій велъ съ ними переговоры о мирѣ, обращаясь къ обоимъ. «Прислаша бо Михаилъ слы Данилу и Василку река: многократы согрѣшихъ(ъ) о *ва* (относительно васъ) и многократы пакости творяхъ(ъ)-ти; что-ти обѣщахъ и того не створихъ»... «*Даніилъ же и Василко* не помянуста зла»... (Ипат. 521 по моему исправл. чтенію). Въ 945 г. для заключенія мира послы русскіе были отряжены также къ тремъ царямъ—Роману, Константину и Стефану, *сообща* номинально отряжавшихъ греческихъ пословъ къ Игорю, но, по разсказу лѣтописца, въ дѣйствительности заключалъ миръ Романъ, и Игорь спросилъ пришедшихъ къ нему греческихъ пословъ: «глаголите, что вы казалъ (т. е. наказалъ) *царь*. И рѣша *сли цареви*: се посла ны *царь*»... Лѣтописные списки отчасти разнорѣчатъ; по однимъ, въ 912 г. греческіе послы сказали князю: «твои сли водили суть *царь* наши ротѣ», — согласно съ описаніемъ цѣлованія креста обоими царями въ 907 г., — тогда какъ по Радзивил. и сходнымъ съ нимъ спискамъ... «*царя* нашего». Кажущееся противорѣчіе въ *текстѣ* грамоты 912 г. (направленіе посольства къ *тремъ* царямъ, руководительство въ написаніи обѣтной грамоты *однимъ* царемъ, утвержденіе мира *двумя* царями — «на утвержение обоему») могло проп-

зойти, независимо малолѣтства Константинова, исключавшаго *активное* участіе его въ заключеніи договора, только потому, что Левъ умеръ въ промежуткѣ времени состоявшагося соглашенія по договору «при Львѣ и Александрѣ» и его полной ратификаціи. Тѣмъ не менѣе лѣтописецъ соединяетъ съ именемъ царя Льва отпускъ русскихъ пословъ «въ свою землю съ честью великою», какъ значится и въ Никоновскомъ сводѣ, правильно относящемъ и мирную грамоту, и смерть Льва къ 912 году [1]).

Въ предлагаемомъ мною чтеніи (вмѣсто «Ивановымъ») выраженіе «новымъ написаніемъ» знаменуетъ *обновленіе* сторонами писанныхъ условій *стараго* мира, съ сохраненіемъ силы договора 907 г. Такъ обновленъ старый миръ и при Игорѣ: «Присла Романъ и Константинъ и Стефанъ слы къ Игореви построити мира *первого*», т. е. прежній... «*обновити* ветъхій миръ *отъ многъ* (*или многихъ*) *лѣтъ*». Такъ напр., по Кедрину, Петръ, царь болгарскій, по смерти Симеона, возобновилъ миръ съ императорами Василіемъ II и Константиномъ, заключивъ союзъ съ ними. Для сравненія приведу выдержки изъ договорныхъ грамотъ Еммануила Комнена съ венеціанами 1148 г. и Исаака Ангела съ генуэзцами 1192 г.: «Necessarium ergo ambosque (грамоты отца и дѣда) ut habeant ipsis dictionibus presente imperii nostri sermonem nunc *renovare*»... (Tafel и Thomas: Font. rer. austr. XII, I, LI). «Nos, beati civitatis et regionis Genuae, unionem... *renovaremus* ... nihil amplius *veteris nostrae concordiae* existere innuit»... Договоръ, на который генуэзцы ссылались, заключенъ 1155 г.; въ немъ утверждаются «capitula, quae tractata sunt in *aliis* conventionibus» (Atti d. soc. Ligure vol. 28, стр. 347, 424—426). Терминъ «обновленіе» свойственъ и послѣдующимъ конвенціямъ. Договоръ 1334 г. Владиміръ-Волынскаго князя Юрія II имѣетъ цѣлью «renovare» прежнія мирныя отношенія къ тевтонскому ордену (J Voigt.: Cod. dipl. Prus. I., № 145). Въ грамотѣ 1335 г. того же князя о мирѣ съ орденомъ прежніе договоры также обновлялись: «*innovamus*, approbamus, ratificamus»... Подобныя выраженія находятся, между прочимъ: а, въ докончаньи царя великія орды Девлетъ-Гирея съ Сигизмундомъ Августомъ 1549 г.:—«хотячи *слово* свое полнити... мы тежъ *поновляючи* то, абы было паньство ведлугъ *першого* звычаю и

---

[1]) Смѣшавъ моментъ подписанія докончальной грамоты съ моментомъ состоявшагося договора, Вилкенъ замѣтилъ, что Левъ «wenige Monate vor dem Abschlusse des Vertrages starb». По расчету С. Соловьева, русскіе послы отправились въ Грецію 911 г., а вернулись въ 912 г. (Ист. Рос., т. I, гл. 5), но отправка пословъ имѣла мѣсто, по лѣтописи, въ 912 г. Возвратившись изъ греческаго похода 907 г., а не 906, какъ у М. Погодина въ Ист. Рос. до монгольск. ига, Олегъ на *пятое* лѣто помянулъ своего коня, да и самъ Соловьевъ говоритъ, что *черезъ четыре года* Олегъ послалъ мужей своихъ въ Царьградъ

слова заховано, дали есмо листъ нашъ, золотомъ написанный, подъ золотыми нашими печатьми, брату нашому вел. королю Жигимонту Августу» (Оболенскій и Даниловичъ: Кн. посольск. в. княж. Литов. т. I, № 40); б, въ договорѣ шведскаго короля Карла IX съ послами русскими 1609 г. о подтвержденіи мира 1595 г.—«тому мирному постановленію... никогда и въ вѣки на вѣки не превратити и не разрывати, но всегда межъ обоихъ государей и ихъ дѣтей и наслѣдниковъ... и ихъ подданнымъ симъ *обновити* и укрѣпити, и утвердити... безо всякія хитрости нерушимо твердо держати» (А. Ист. III, № 159). Предшествовавшіе мирные договоры пересматривались вступавшими въ новый договоръ и, въ случаѣ надобности, исправлялись, измѣнялись или дополнялись сообразно текущимъ потребностямъ и обстоятельствамъ. Обновленіе мира подъ вліяніемъ хода событій не всегда допускало полное и буквальное возстановленіе прежняго мирнаго договора, имѣя задачей, по терминологіи латинскихъ грамотъ, принятой и Орѣховскимъ договоромъ. «pacis reformatio»,—ob reformandam pacem et conventionem» (Taf. и Thom.: Font. rer. Austr., t. XII, № 15, pactum Justinop. 977 г.). Большею частью прежніе мирные договоры грековъ съ другими державами подтверждались безъ измѣненія. Такъ въ 1187 г. венеціане получили отъ греческаго императора Исаака Ангела хрисовулъ, подтверждавшій мирныя грамоты его предковъ. Императоръ оставилъ въ силѣ, безъ малѣйшаго измѣненія, хрисовулъ прадѣда своего Алексѣя Комнена и стрыя (patrui), Іоанна Комнена «absque ulla diminutione» (Ib. № LXX). Безъ всякихъ нерѣдко измѣненій подтверждались старыя докончанія русскихъ съ печенѣгами, половцами, нѣмцами, уграми, поляками, камскими болгарами (1184 г.), норвежцами, шведами, литовцами и иными народами, то съ повтореніемъ прежнихъ условій, то просто съ оговоркою —«попрежнему», напр., въ договорѣ норвежцевъ съ русскими 1326 г.: «sicut prius fuerat inter predecessores nostros» (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 108). Въ Новгородской области подтвержденіе мирныхъ соглашеній съ дружественнымъ сосѣднимъ народомъ было обычнымъ при поставленіи новаго князя. Въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами конца XII в. сказано: «А кого Богъ поставить князя, а съ тѣмъ мира потвердить, любо ли земля безъ мироу станеть». Въ 1408 г. кн. Василій Дмитріевичъ и Витовтъ «взяша миръ промежь собою *по давному*» (Воскр. т. VIII. 82). Иногда назначался особый *срокъ*, по истеченіи коего договоръ считался утратившимъ силу, не будучи возстановленъ цѣликомъ или съ оговорками. Примѣромъ существенныхъ измѣненій и отмѣны нѣкоторыхъ статей прежнихъ мироположеній можетъ служить договоръ Свидригайла съ нѣмецкимъ орденомъ 1402 г., заключенный *независимо* отъ прежнихъ договоровъ и оставляющій въ силѣ мирный договоръ между двоюроднымъ братомъ Свидригайлы Александромъ-Витольдомъ и орденомъ, кромѣ двухъ статей—одной измѣнен-

ной, въ томъ смыслѣ, чтобы никто безъ дозволенія гросмейстера не поселялся въ гросмейстерскихъ владѣніяхъ, и одной отмѣненной — о земляхъ псковскихъ (А. Коцебу: Свидригайло в. кн. Литов., Прилож.).

Въ предисловіи договора 912 г. послы русскіе опираются на свое полномочіе поддержать и возвѣстить («на удержаніе и извѣщеніе») отъ многихъ лѣтъ межи крестьяны и русью *бывшую любовь*». Далѣе читаемъ въ рѣчи русскихъ пословъ: «Наша свѣтлость (т. е. наши князья Олегъ и прочіе, ему подручные) болѣ *инѣхъ* хотяще еже о Бозѣ (ради Бога) удержати и извѣстити такую *любовь* [1]), *бывшую* межи хрестьяны и русью... *бывшій* миръ сотворихомъ». Въ выраженіи «болѣ инѣхъ» вижу намекъ на русскихъ *предшественниковъ* Олега, заключавшихъ мирные договоры съ греками, ибо подобное выраженіе помѣщено въ договорахъ XIV в. западнорусскаго князя Юрія II съ тевтонскимъ орденомъ. Разница та, что въ послѣднихъ предшественниками Юрія II являются предки его по восходящей линіи родства («progenitores, въ грам. 1334 г. «predecessores»), о родствѣ же столь близкомъ Олега съ его предшественниками, вступавшими въ миролюбивыя сношенія съ греками, не можетъ быть рѣчи. Въ грамотѣ 1327 г. князь Юрій II, подражая своимъ предкамъ («progenitorum»), поименованнымъ въ другихъ его грамотахъ (Романъ, Даніилъ [2]), Левъ, Юрій I и Андрей), изъявляетъ намѣреніе не умалить, но болѣе укрѣпить и упрочить миръ и любовь съ орденомъ: «potius volentes abundantius adaugere... non

---

[1]) Ср.: «да умиримся, да *любимъ* другъ друга».—Царскіе послы сказали посламъ Игоря: «Царь хощетъ миръ имѣти съ княземъ рускимъ и *любве*».—«Не преступати отъ уставленныхъ главъ мира и *любви*». Въ догов. 945 г.: «заповѣдано утвердити *любовь* межи греки и русью».—«Послаша ны створити *любовь*».—«Увѣдять ины страны каку *любовь* имѣютъ грьци съ русью». Цимисхій послалъ объявить Святославу: «хочу имѣти съ тобою миръ и *любовь*». Въ грам. Святослава 971 г.: хочю имѣти миръ и свершену *любовь*»... Между Владиміромъ св. и окольными князьями «бѣ миръ и *любовь*» (лѣтоп. подъ 996 г.). Въ 992 г. «пріидоша послы отъ Андриха Чешскаго съ *любовію* къ Владиміру» (Никон.).—«Сойтись въ *любовь*» (Новг. I. 38, 77). «Цѣловаша на всей *любви* крестъ» (Ипат. 227). Въ 1213 г. Мстиславъ Мстислав. говорилъ Даніилу: «сыну, за первую *любовь* не могу на нь (Лешка) востати» (Ib. 489). «Король Андрей не забы *любви* своея первыя, иже имѣще къ Романовой» (Ib. 486). Многіе договоры русскихъ князей начинаются словами: «А межи собою будучи *въ любви* (XIV—XVI в.), и въ нихъ постоянно дѣлаются ссылки на любовь. Въ посланіи Вас. Вас. къ греч. импер. 1438 г.: *любовь* имѣти съ святымъ ти царствомъ» (Соф. II, т. VI, 167) и т. д. Въ литовскорусск. грамотахъ миръ обыкновенно называется *слюбомъ*.—Посольство правилось *о любви*, о дружбѣ и *любви*—о миру, *о любви* и о вѣчномъ доканчаніи (Воскр. т. VIII, 23[6], 241, 249).

[2]) О сношеніяхъ Даніила Романов. съ нѣмецкимъ орденомъ въ половинѣ XIII в. есть свѣдѣнія въ Ипат. лѣтоп. (стр. 342).

minuentes, sed potius augentes... ut... pacisque et concordie tranquillitas possit eo ferventius augmentari». Въ упомянутой выше грамотѣ 1334 г. тотъ же князь обновляетъ и подтверждаетъ миръ, заключенный съ орденомъ предшественниками его, русскими князьями и имъ самимъ, согласно съ тѣмъ, какъ значится въ ихъ и его собственныхъ грамотахъ, ради *вящшей* крѣпости—«maiori firmitatis». Въ южнославянскихъ договорахъ проглядываетъ неменьшее усердіе правителей превзойти державныхъ своихъ предшественниковъ въ миролюбіи. Напр., договорная грамота Боснійскаго бана Тверка съ Дубровникомъ 1387 г. гласитъ: «Господинъ Стефанъ краль *више и боле всѣхъ своихъ прѣнихъ* есть *любилъ* града Дубровника» (F. Miklosich: Monum. Serb. 210).—Если въ 912 г. возобновлялся миръ очень давній, то, кромѣ договора 907 г., почти не повтореннаго, въ подробностяхъ, договоромъ 912 г., но давшаго обильный матеріалъ договору 945 г., который въ свою очередь вспоминаетъ «ветъхій миръ... отъ многъ (или многихъ) лѣтъ», то, несомнѣнно, существовали между греками и русью еще болѣе отдаленныя по времени, чѣмъ договоръ 907 г., докончанія. Нападеніе руссовъ на Византію подъ предводительствомъ Аскольда и Дира, по однимъ въ 860 или 861 г., по другимъ въ 864 или 865 г.[1]), изображаемое плодомъ нарушенія мирнаго договора, ранѣе процвѣтавшаго между греками и русью и открывавшаго русскимъ гостямъ свободный доступъ въ Византію, съ платежемъ десятины (Ибнъ-Хордадбе), имѣли, по словамъ патріарха Фотія, цѣлью отмщеніе руссами за порабощеніе и убійство служившихъ въ Византіи своихъ соплеменниковъ и неудовлетвореніе греками требованія руссовъ подвергнуть виновныхъ подобающей карѣ. Греческіе лѣтописцы сообщаютъ о склоненіи затѣмъ руссовъ къ миру императоромъ посредствомъ щедрыхъ подарковъ. Въ окружномъ посланіи епископамъ Фотій оговаривается, что по принятіи христіанства руссы стали обращаться съ греками почтительно и *дружески*. Предшедшій «ветхій» договоръ можно, кажется, пріурочить именно къ тому моменту, первичный же договоръ позволительно отодвинуть къ тридцатымъ годамъ IX в., нѣсколько предшествовавшимъ описанному Ахметомъ-эль-Катабомъ и др. вторженію норманновъ—*россовъ*[2]) въ Севилью и Португалію 844 г.). Въ 839 г., по свидѣтельству епископа Пруденція, приходили къ греческому императору Феофилу нѣкія лица, выдававшія себя за *росскихъ пословъ* своего ка-

---

[1]) Никита Пафлагонскій, Симеонъ Логоѳетъ, письмо папы Николая къ императору Михаилу, бесѣды патріарха Фотія, Слово Георгія Хартофилакса, Венеціанская хроника Іоанна Діакона и пр.

[2]) См. между проч. W Gutzeit'a: Erläuter. z. ält. Gesch. Russl. Отд. 5 «Achmed-al Kateb Rus v. 844».

гана [1]), отправленныхъ ради дружбы—«amicitiae causa». Императоръ старался обезпечить имъ безопасное возвращеніе дальнимъ путемъ, въ обходъ варваровъ, чрезъ владѣнія франкскаго короля и отправилъ ихъ къ нему съ своимъ посольствомъ. Людовикъ Благочестивый, дознавъ, по изслѣдованіи *причины ихъ прибытія*, что они—gentis esse sveonum *exploratores*»... и т. д. (Monum. Germ. Hist. I, 434). Сжатый разсказъ Пруденція толкуютъ различно. Повидимому, лица, направленныя къ Людовику въ Ингельгеймъ греческимъ императоромъ и выдававшія себя *предъ послѣднимъ представителями русскаго народа* - qui se, id est *gentem* suam, Rhos vocari dicebant», были сами національности *норманнской*. Къ императору Феофилу уполномоченные варяжскаго происхожденія прибыли, объясняя, что они «отъ *рода* русскаго», какъ и уполномоченные варяжскаго происхожденія въ дипломатическихъ актахъ при Олегѣ и Игорѣ. Людовикъ, интересовавшійся не столько національностью пословъ, сколько *поводомъ* ихъ прибытія—«quorum *adventus causam*... diligentius investigans» убѣдился, что они суть развѣдчики изъ народа свеонскаго скорѣе, нежели искатели дружбы, такіе же, прибавлю отъ себя, какими были *норманны*, явившіеся въ 782 г. въ Нарбонскую Галлію (см. 1 главу). Незадолго до описаннаго Бертинскою лѣтописью событія 839 г., въ 826 г. Геріольдъ II съ братомъ пріѣзжалъ въ Ингельгеймъ для торжественнаго принятія св. крещенія, послѣ чего щедро былъ одаренъ Карломъ, получивъ отъ него округъ Рустрингенъ (Hriustri) во Фризіи, чрезъ которую лежалъ имъ путь (Einhard). Подъ свеоновъ западные анналисты подводятъ многія полуночныя племена. По словамъ Эингарда, «Dani siquidem et Sveones, которыхъ зовемъ норманнами, занимаютъ сѣверный берегъ (Ютландіи) и всѣ его острова». Адамъ Бременскій (XI в.) упоминаетъ о пути изъ Свеоніи въ Грецію. Этотъ путь принято сопоставлять съ путемъ «изъ варягъ въ грекы», перехваченнымъ на югѣ Россіи, въ половинѣ XII в., половцами. Уже Ф. Кругъ, согласно съ Ф. Краузе, разобравшимъ древнѣйшія папскія буллы 846, 913 и др., гдѣ упоминается о народахъ «*Sveonum* (sujonorum) *sive Danorum nec non Slavorum*», справедливо замѣтилъ, что варягоруссовъ нельзя огуломъ выводить изъ Швеціи; Бертинскою лѣтописью разумѣется одна изъ странъ, которую занимали свеоны, а не исключительно Швеція—Suecia (Forsch. in der ält. Gesch. Russl. ч. I). Несмотря на признаки очень давняго пребыванія руссовъ въ Швеціи (Rosslagen), несмотря на то, что свеи и впослѣдствіи,

---

[1]) Русскіе, по Ибнъ-Даста, имѣли князя—кагана. Въ письмѣ Людовика къ греч императору Василію 871 г. говорится, что греки примѣняютъ титулъ *chaganus* къ царямъ аваровъ, хозаръ и *норманновъ* (Monum. Germ. III. 523). Титулъ «каганъ», связанный Иларіономъ съ княженіемъ Владиміра св., жилъ въ устахъ русскаго народа еще во второй половинѣ XI в., при Всеволодѣ Ярославичѣ (Слово о п. Игоревѣ).

особенно съ XII в., простирали свои притязанія на сѣверную Русь, нельзя принимать ихъ за варягоруссовъ. Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ, какъ и лѣтописная космографія, дѣлитъ чужестранную силу варяжскую—скандинавскую (у грековъ Варангія) на *свеевъ* и *мурманъ* или нурманъ, позднѣе означавшихъ собственно норвежцевъ[1]), оставившихъ по себѣ память въ Мурманскомъ берегѣ, Мурманскомъ морѣ и т. под. Скандинавскія саги и руны заключаютъ въ себѣ кое-какіе намеки на весьма отдаленную связь Россіи съ свеонами скандинавскими, со временъ потомка *Трояна* или Тора Одина, основавшаго будто бы, по завоеваніи Гардарики, Датское и Шведское государства, согласуясь съ загадочными воспоминаніями въ Житіи Кирилла о *фульскомъ языкѣ* (вѣроятно, готскомъ) близъ Таврики, подъ которымъ разумѣютъ народъ крайняго сѣвера, преимущественно Скандинавіи (Thule, Tili). Однако, въ ходѣ событій даже такіе крупные факты, какъ бракъ Ярослава I съ дочерью шведскаго короля Олафа Ингигердой—Ириной, не даютъ, по крайней мѣрѣ въ вопросѣ о норманнизмѣ руси, перевѣса научнымъ выводамъ, какіе сдѣланы были о связи владычества варяговъ въ Новгородской землѣ и сосѣднихъ съ нею земляхъ съ приключеніями отважнаго Галфданова сына *Рорика* (хотя, по справедливому замѣчанію М. Погодина, едва ли нашего Рюрика), соединившаго, по франкскимъ лѣтописямъ, въ своихъ рукахъ всю Фризію, а по свидѣтельству саги Sögubrat, покоевавшему всю Швецію, Ютландію (Jotiam) и часть Англіи и оставившему двухъ сыновей *Рюрика* и *Тройда* (Ant. Russes I), съ наплывомъ въ Кіевъ проворныхъ *дановъ*, составлявшихъ, по Дитмару, большинство его (свободнаго) населенія, и многими другими. Матеріалъ, кроющійся въ географической номенклатурѣ, можетъ, до нѣкоторой степени, служить путеводителемъ къ отысканію слѣдовъ пребыванія пришлыхъ заморскихъ *норманновъ* среди туземнаго чудскославянскаго населенія—колбяговъ Русской Правды (см. главу IV). Таковъ, между прочимъ, *Гараль-*

---

[1]) Nörig или Noriki въ документахъ X в., Norici въ договорѣ 3 іюня 1326 г. норвежцевъ съ русскими (лѣтописные *норци*) издревле жили также на истокахъ Дуная, Дравы и Савы и дали названіе Паннонской *Норикѣ* (ср. Werenher: De admir. Hung. aquis, у Швандтнера, Sript. rer. Hung.). Старѣйшее норвежское поселеніе въ Лапландіи, на Мурманскомъ берегу, есть *Варіавъ*. Державецъ варгавскій посылалъ за данью въ Біармію—Bermeland. Въ извѣщеніи датскимъ посламъ 1598 г. границей между Россіей и Норвегіей полагалась р. Ивгей. Варгавъ подлежалъ срытію, какъ поставленный на царской землѣ: «За Варгавомъ царевой вотчины 1000 верстъ». И по грамотѣ Мих. Федор. Варгавъ—на русской территоріи (Щербачевъ: Датскій арх. № 533 и 696). По норвежскимъ актамъ XIV в., крайняя граница Норвегіи на Востокѣ — Triarema (три острова, Орловъ мысъ, на берегу Бѣлаго моря, до Велеага, гдѣ жили semi-корелы и semi-финны (Ant. russes, т. II, 494).

довъ вымолъ въ пріобщенномъ къ Ярославовому сборнику законовъ Уставѣ о мостовыхъ, прописанный наряду съ поселеніями сосѣднихъ *изгоевъ* (выходцевъ), напоминающій и брата пресловутаго датскаго героя Рорика—Югландскаго князя Геріольда II, крестившагося въ 826 г. въ Ингельгеймѣ и умершаго около 847 г., и прославленнаго мужа дочери Ярослава I Елисаветы, героя Гаральда (Heimskringla). При Карлѣ Великомъ, большая часть Ютландіи, примыкавшей къ древней Англіи (Angeln), населенной «агнянами»—англянами, носила названіе Rosen-gau, жители которой въ 803 г. за враждебныя въ союзѣ съ норманнами дѣйствія, были разселены имъ по окрестнымъ странамъ, съ передачей ихъ земель оботритамъ (Pertz, II. 258).

Извѣстіе Пруденція сходится съ ядромъ распространеннаго Никоновскимъ сводомъ полянскаго преданія («якоже сказаютъ») объ экспедиціи Кія къ Царьграду, съ войсками, сопровождавшейся заложеніемъ Кіевца на Дунаѣ (кажется, «Kewe» Туроча), о возвращеніи его оттуда съ великою честью и о *мирномъ* съ греками житіи. Этимъ объяснить можно, во 1-хъ, нахожденіе тавроскифовъ (руссовъ) на службѣ въ войскѣ греческаго императора около 854 г. (писатель X вѣка Генесій), во 2-хъ, безпрепятственное построеніе хозарамъ, по ихъ просьбѣ, около 833—837 г., крѣпости Саркела (Бѣловѣжа) на Дону, важнаго стратегическаго и торговаго пункта, по распоряженію императора Феофила, зятемъ его Петроною Каматиромъ (Const. porph. De adm. imp. гл. 42), когда черноморскіе и азовскіе руссы, жившіе около сѣвернаго Тавра (Кедринъ), еще зависѣли отъ власти хозарскаго кагана, которой подпали приблизительно съ половины VII и въ началѣ VIII в., съ занятіемъ хозарами Херсонеса Таврическаго, большей части Крымскаго полуострова и Фанагоріи [1]). Въ томъ же Никоновскомъ сводѣ помѣщено, подъ 876 г., положительное свидѣтельство, заимствованное изъ греческихъ манускриптовъ, что Василій Македонянинъ, вступившій на царство въ 867 г.,—«сътвори мирное устроеніе съ русы» (Собр. лѣтоп. т. IX, 13), совпадая съ извѣстіями греческихъ авторовъ, подробно пере-

[1]) Въ Житіи Кирилла говорится, что каганъ хозарскій при Михаилѣ III изъявилъ готовность *служить* царю греческому, возвративъ ему греческихъ плѣнниковъ (Чет. Мин Дм. Рост.). Сообщеніе гармонируетъ съ фактами, изложенными въ письмахъ патріарха Николая Мистика объ учрежденіи епископства въ Хозаріи (Migne: Patrologia Graeca, ч. III) Хозары, повидимому, долго продолжали пользоваться покровительствомъ греческихъ царей, являясь въ тоже время сторонниками то тѣхъ, то иныхъ русскихъ князей, и играя важную роль въ судьбахъ Тмутороканскаго княжества (ср. главу догов. X в. о Корсунской странѣ). Пріязнь грековъ къ хозарамъ упрочилась въ VIII в. брачными узами. Кагану хозарскому греки присвоивали титулъ «благороднѣйшаго и славнѣйшаго» (Конст. Порф.).

численныхъ Вилкеномъ [1]), съ повѣствованіемъ о нападеніи *росскаго* пгемона и свирѣпыхъ его сподвижниковъ въ 865 г. на Пропонтиду и разграбленіи Амастриды (Житіе Георгія Амастридск.), Венеціанской хроникой Іоанна Діакона о нападеніи на Византію руссовъ, называемыхъ норманнами» на 360 судахъ, осадѣ Царьграда, опустошеніи окрестностей и возвращеніи ихъ домой cum triumpho» (Monum Germ. hist. VII, 18) или «cum glorio» (Muratori: Rer Ital. scr. XII, 181), что не противорѣчитъ и нашей лѣтописи о походѣ Аскольда и Дира, хотя потерпѣвшихъ неудачу, не столько отъ грековъ, сколько отъ бури, но наведшихъ на нихъ паническій трепетъ, наконецъ съ извѣстіемъ персидскихъ источниковъ о походѣ руссовъ на Табаристанъ около 870 г. (Мельгуновъ, Дорнъ и др.). Продолжатель хроники Феофана и Кедринъ свидѣтельствуютъ, что вскорѣ по удаленіи руссовъ изъ-подъ Царьграда явились туда ихъ послы съ просьбою о заключеніи мира. О договорѣ царя Василія съ руссами вспоминаетъ Копыстенскій, по Іоанну Зонарѣ:—«Царь Василій (Македонянинъ) съ народомъ роскимъ *примире учинивши*, справилъ, абы онъ въ признане вѣры христіанской пришолъ и гды ся крестити обѣцовался, архіерея имъ послалъ Михаила митрополита». (Полиподія, ч. 3, разд. 1, Русск. Ист. Библ. т. IV, кн. 1). Къ переговорамъ о мирѣ руссы были привлечены золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами. По заключеніи мира Василій склонилъ ихъ принять крещеніе и патріархъ послалъ имъ архіепископа (Жизнеоп. Василія) по имени Анастасія (Banduri. Imp. orient. II). Существованіе дипломатическихъ сношеній русскихъ съ греками во второй половинѣ IX в. подтверждается предполагаемой мною связью съ договорными статьями о Корсунской странѣ, съ нападеніемъ руссовъ на греческія владѣнія въ Корсунской странѣ (Житіе Стефана Сурожскаго), случившимся въ началѣ того вѣка (Макарій, Соловьевъ, Голубинскій, Васильевскій и др.), причемъ было взято русскимъ княземъ въ плѣнъ на протяженіи отъ Корсуня до Керчи множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей, впослѣдствіи отпущенныхъ на свободу, окружнымъ посланіемъ Фотія къ епископамъ въ 867 г., которое удостовѣряетъ, что русь, принявъ епископа, примкнула *съ любовью* къ кругу преданныхъ грекамъ друзей, рѣчью 882 г. пословъ Олега Аскольду и Диру въ Кіевѣ: «яко гости есмы («гость есть» въ Лавр.), идемъ въ грекы отъ Олга и отъ Игоря княжича», освѣщающею оживленіе торговыхъ сношеній русскихъ съ греками, согласно съ показаніемъ Ибнъ-Хордадбе о привозѣ русскими купцами изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Румскому морю, при кесарѣ Василіѣ (Македонянинѣ), около 870 г., мѣховъ и мечей и о платежѣ десятины—«decimarum solutis» въ договорѣ грековъ съ персами,

[1]) Über die Verhältnisse der Russen zum Byzantinischen Reiche. IX–XII Jahrhundert, въ Зап. Берлинск. Акад. Наукъ, т. XIII, 1829 г.

(А. Гаркави, 47) и участіемъ русскихъ (700 человѣкъ) въ критскомъ походѣ грековъ 902 г. Персидскій писатель Мухаммедъ аль-Ауфи говоритъ, что *по принятіи христіанства*,—островитяне руссы, вложили мечи въ ножны, относя, впрочемъ, послѣдній фактъ къ 300 году гиджры, т. е. 912 г. (Зап. Вост. отд. II. Арх. Общ., т. IX, сообщ. Бартольда). Въ приведенномъ выше извѣстіи Бертинской лѣтописи довольно важны, на мой взглядъ, заботы императора Феофила о *безопасномъ* возвращеніи прибывшихъ, съ дружественною цѣлью, пословъ русскихъ восвояси, вѣроятно на основаніи состоявшагося незадолго передъ тѣмъ договора его съ русью; ибо въ договорѣ 945 г. условлено объ отходящей изъ Греціи руси: «да возвращаются *съ спасеніемъ* въ страну свою (въ нѣкотор. списк. и въ догов. 912 г. «поздорову»), причемъ обыкновенно выдавалась охранная грамота [1]), «опасъ» —salvamentum, salvagardia, sauf conduit, а термины дружба и любовь, какъ знаменія мира, употребляются часто безразлично. «Данила посла Лестъко во Угры и съ нимъ послалъ посолъ свой Вячеслава Лысого, рекы королеви: «язъ не помянухъ свады Романовы, тобѣ бо *другъ* бѣ, клялася бо бѣста, яко оставшю въ животѣ, племени его *любовь* имѣти» (Ипат. 482 подъ 1203 г.). Въ грамотѣ Матіаса Корвина къ Іоанну III Васильевичу сказано: «о *любви* жъ, вѣрѣ и *дружествѣ* твоему радуемся»... (Соб. Гос Гр. и Дог., ч. V, № 9). Въ договорномъ актѣ 1489 г. между султаномъ Баязетомъ и Казиміромъ «... ad confirmandam *amicitiam* et pacem... orator (посолъ) fecit verba... ac confirmavit *amicitiam*... litterae scriptae sunt in fidem et certitudinem (Hurmuzaki Docum. pr. la istoria Românilor, vol. II, № 280). Посольство правилось *о дружбѣ* и любви (Воскр. лѣтоп., т. VIII, 241 и др.).

Походъ Олега на грековъ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить какъ нарушеніемъ ими прежняго договора съ русскими. Почетному для Руси миру 907 г. Олегъ былъ обязанъ не только своей доблести, или же вѣщему своему дару, но и невыгодному для Византіи стеченію событій, постепенно омрачавшемуся съ VI вѣка, несмотря на свѣтлые промежутки, приписываемые историками упругости ея военной организаціи, искусству и находчивости многихъ ея талантливыхъ правителей и полководцевъ. Въ первой половинѣ VI вѣка гуннскія племена, захватившія, между прочимъ, часть земель между Херсонесомъ и Босфоромъ (Прокопій), въ нѣсколько

---

[1]) Подобная опасная грамота дана была, напримѣръ, въ 1521 г. в. кн. Василіемъ Іоанновичемъ царевичу Сайдатъ-Гирею, дабы онъ «пріѣхалъ и отъѣхалъ *«безъ опасу»*. «А сія тебѣ наша грамота и *опасная*» (С. Г. Гр. и Дог. ч. V, № 94). Объ опасной грам. см. также Русск. Ист. Библ. т. 15, въ актѣ № 24 за 1523 г. Иногда опасная грамота называлась *подорожною*.—Великій князь спрашивалъ пословъ: «сами есте *по здорову* ли дорогою ѣхали? Они отвѣчали: «*здорово* есмы ѣхали». (Сб. Русск. Ист. Общ. т. 59, № 9—II).

пріемовъ опустошили азіятскія владѣнія Византіи—Анатолію, Каппадокію и союзныя области. Не успѣло пасть могущество родственныхъ гуннамъ, бросавшихся на Византію съ княземъ своимъ Забергапомъ въ 559 г., взимавшихъ огромную дань съ грековъ кутургуровъ (болгарская вѣтвь), по мирному договору пріобрѣвшихъ часть Фракіи, съ правомъ пользоваться *банями* (Прокопій), какъ затѣмъ принялись тревожить Византію засѣвшіе въ Паннонiи и получавшіе отъ грековъ большую ежегодную дань кочевые авары. Съ послѣдними Византія вела войны, дорого ей стоившія, особенно въ 514 г., когда варвары осадили Царьградъ подъ предводительствомъ Виталіана, и въ 626 г., при императорѣ Ираклiѣ, когда авары, по наущенію персидскаго царя Хозроя, купно съ славянами, со временя Юстиніана I участвовавшими въ раззореніи греческихъ владѣній, сожгли предмѣстья Царьграда. Въ соединенномъ вражескомъ войскѣ находились и тавроскифы—руссы (Никифоръ, Феофанъ, Манассія и др.) [1]. Едвали не наиболѣе чувствительный ударъ нанесенъ былъ грекамъ славянами въ 578 г. при вторженіи ихъ во Фракію и сосѣднія области, въ количествѣ около 100.000 человѣкъ. Византія напрягала всѣ свои усилія къ отвращенію бѣдъ, грозившихъ ей отъ многихъ народовъ, преимущественно же отъ западныхъ болгаръ и арабовъ, отнявшихъ у нея въ VII в. Сирію и Египетъ, а въ половинѣ VIII в.—значительную часть Италіи, и осаждавшихъ Царьградъ въ 717 г. (при императорѣ Львѣ Исаврiанинѣ [2]), а также лонгобардовъ, угровъ и хозаръ, которые, пользуясь турецкими завоеваніями, распространили свое владычество на берега Чернаго моря. Съ наступленіемъ эпохи иконоборства при Львѣ III въ началѣ VIII в., съ развитіемъ внутреннихъ междоусобій и придворныхъ интригъ [3]), положеніе Византіи все болѣе и болѣе ухудшалось. Источники упоминаютъ о заключеніи греками нѣсколькихъ договоровъ съ аварами, окончательно доведенными Карломъ Великимъ до такого ничтожества, что, по словамъ нашего лѣтописца, отъ нихъ не сохранилось «ни племени, ни наслѣдка». Въ силу договоровъ, греки оставляли за собою свободу вторженія въ земли склавиновъ, чѣмъ и пользовались греческіе цари, особенно Юстиніанъ II по отношенію къ славянамъ македонскимъ, и Константинъ Копронимъ. Славяне, однако же, оказывали такое стойкое сопротивленіе византійскому господству, что тому же

---

[1]) «Князья неистовыхъ тавроскифовъ», за которыми, по Прокопію, лежали Херсонъ и Босфоръ, «покрыли все море лодьями». Ср.: «покрыли суть море корабли». О покрытіи моря кораблями говорится, при описаніи морского похода, въ сагѣ Sögubrat.

[2]) Осада была неудачна благодаря изобрѣтенному инженеромъ Каллиникомъ греческому огню.

[3]) Онѣ служили причиной лишенія царственныхъ особъ или носа, или глазъ, или цѣлой головы.

Копрониму, въ 769 г., пришлось выкупать плѣнныхъ грековъ за 25.000 штукъ шелковыхъ матерій (Никифоръ). Для огражденія терявшей одну за другой свои обширныя и богатыя провинціи имперіи со стороны сарацынъ арабовъ и персовъ, греки, подчинившіе себѣ издавна нѣкоторые народы Кавказа, вступали, по договорамъ, въ оборонительные и наступательные союзы, напр., съ грузинскими царями (De adm. imp. гл. 45 [1]). По заключеніи греками мира съ аварами въ 677 г., на смѣну аварамъ являются болгаре, переселившіеся съ береговъ Волги и занявшіе при Константинѣ Погонатѣ, въ 678—679 г., заселенныя славянами земли греческія между Чернымъ моремъ и Дунаемъ и горами Родопскими и Емскими — Балканскими, покоривъ семь славянскихъ племенъ, жившихъ въ Мизіи. По почину отважнаго своего вождя Аспаруха болгаре вовлекли Византію въ чрезвычайно упорную съ ними борьбу, длившуюся, съ перемѣннымъ счастьемъ, почти безпрерывно, нѣсколько столѣтій. Преемники Аспаруха заключили съ греками цѣлый рядъ мирныхъ договоровъ: въ 678 г. [2]), подтвержд. 686 г., въ 715 при Кормезіѣ, далѣе въ 764, 774 или 775 при князѣ Тервелiѣ (Телерикъ, Пеллеригъ), въ 812 г., послѣ пораженія Никифора близъ Никополя при Крумѣ, затѣмъ въ 816—817 г. (Муртаго съ Львомъ Арменіномъ), въ 850, 858—860 г., послѣ пораженія и крещенія болгаръ царемъ Михаиломъ въ 864 г., подтв. въ 870 г., послѣдующіе при царѣ Симеонѣ († 927 г.), въ 889, 893, 913—915 гг., послѣ пораженія грековъ при Анхіалѣ 917 г. и взятія фракійскаго города Визы [3]), въ 924 или 925 г. Между тѣмъ возраставшая сила франковъ въ свою очередь значительно повліяла на ослабленіе Византійской имперіи. Потерявъ въ 810—812 г. почти на полстолѣтіе, по Ахенскому миру съ Карломъ Великимъ, Хорватію, едва удержавъ за собою Далматію, вынужденная навсегда отказаться отъ притязаній на Римъ и среднюю Италію, она отвсюду была окружена тѣснившими ее врагами и тяжко страдала отъ внутреннихъ неурядицъ и раздоровъ, сопровождавшихся частыми дворцовыми переворотами, отъ праздности и нерадѣнія византійскихъ императоровъ, какъ говорится въ гл. 29 De adm. imp. Примѣняя къ положенію Византіи слова русской лѣтописи, она «тмочисленными бѣдами и различными напастми много лѣта пострада» (Собр. лѣт. т. VIII, 128). Жестокій ударъ нанесъ ей завоева-

---

[1]) Воздерживаюсь отъ изложенія подробностей, которыя талантливо сгруппированы въ Истор. Византіи Г. Герцберга и его многочисленныхъ предшественниковъ.

[2]) «Мудрыя условія» договора (Конст. Порф. въ 22 гл, De adm. imp.) нарушены Юстиніаномъ II Ринотметомъ.

[3]) Изв. Арх. Инст. въ Константинопол. т. IV, 3; Житіе Маріи Новой. Въ нашей лѣтописи подъ 914 г. сказано:... «Прiиде Симеонъ болгарьскый на Царьградъ и сотворивъ миръ и прииде восвояси».

тель Срѣдеца (Софіи), побѣдитель Никифора болгарскій царь Крумъ, пользовавшійся услугами славянъ, предложившій, послѣ побѣды надъ Михаиломъ I Рангави 22 іюня 813 г., императору Льву Армянину дополнить мирныя условія разрѣшеніемъ ему, Круму, водрузить копье въ золотыя ворота Царьграда. Тогда вокругъ царственнаго города, защищеннаго глубокимъ рвомъ и высокимъ частоколомъ, сооружена была другая стѣна. Злополучія грековъ — взятіе осаждавшимъ двукратно Царьградъ (913 и 924 г.), отъ Влахерны до золотыхъ воротъ[1]), царемъ болгарскимъ Симеономъ Адріанополя и плѣненія 50000 грековъ,—приписываются нашею лѣтописью *свараме* среди греческихъ воеводъ и междоусобной ихъ рати (915 г.). По взятіи болгарами Адріанополя, когда Симеонъ подступилъ къ царьградскимъ стѣнамъ, произошло свиданіе Симеона съ Романомъ Лакапинымъ (на внукѣ коего Маріи женился въ 927 г. сынъ Симеона Петръ). Договорныя сношенія продолжались 931, 963 г., вплоть до разгрома Болгаріи Цимисхіемъ и присоединенія ея къ Восточной имперіи, ознаменовавшагося внесеніемъ болгарскаго вѣнца въ церковь св. Софіи. Сопровождаясь обмѣномъ плѣнныхъ, всѣ эти договоры имѣли преимущественно *торговый* характеръ и въ большей или меньшей степени подтверждали договоръ 715 г., на который ссылался Крумъ (Феофанъ, Анастасій).—Еще въ царствованіе Феофила (826—842 г.) угры воевали съ греками, но были побѣждены (Georgius Monachus). Въ 839 году, вѣроятно, имъ же былъ занятъ путь, которымъ пробрались въ Византію русскіе послы, т. е. отъ нижняго Днѣпра до Дуная. Около 856 г. они тревожили Корсунскую область, гдѣ едва не убили философа Константина (Паннонск. Житіе). Въ 862 г. они нападали на франкскія владѣнія Людовика Благочестиваго (Бертинск. хр.). Подъ 898 г. наша лѣтопись отмѣтила выдающійся эпизодъ враждебныхъ предпріятій угровъ противъ Греціи: «Начаша воевати угри на греки и поплѣниша земли Фрачьску и Макидоньску даже и до Селуня». Угры, дѣйствовавшіе еще 902 г. заодно съ греками противъ Симеона болгарскаго, нанеся ему такое пораженіе «яко едва Симеонъ въ Деръстеръ убѣжа», подготовили захватъ Солуня въ 904 г. арабами-сарацинами (I. Коменіата) и вообще содѣйствовали успѣху послѣднихъ въ 1-й половинѣ X вѣка. Съ наступленіемъ X вѣка, т. е. вскорѣ по занятіи въ Панноніи прежнихъ жилищъ аварскихъ, сила угровъ возросла настолько (см. Annal. Fuld.), что въ 907 г. они одолѣли соединенныя войска Моймира моравскаго и Людовика нѣмецкаго, и, между 910—930 гг., при Джилѣ, уже господствовали надъ славянами на западномъ берегу Чернаго моря (Ибнъ-Даста). Радзивиловская, Тверская и нѣкоторыя другія лѣтописи отно-

[1]) «Приде Семеонъ на Царьградъ и поплѣни Фракию и Макидонью и приде къ Царьграду въ силѣ велицѣ, въ гордости, и створи миръ съ Романомъ царемъ и возвратися въ своясн» (Лѣтоп. 929 г.).

сятъ къ 934 г. первое нападеніе угровъ на Царьградъ, послѣ опустошенія ими восточной Франціи и заключенія ими мира съ царемъ Романомъ въ подтвержденіе стараго мира 910 г., согласно съ показаніемъ греческихъ авторовъ о войнѣ турковъ (угровъ) съ греками около 933 г. (за годъ до пораженія ихъ императоромъ Генрихомъ), сопровождавшееся взятіемъ крѣпости Белендера, по неправильному предположенію нѣкоторыхъ,—въ Херсонской странѣ [1]), гдѣ около того же времени, судя по договорной грамотѣ 945 г., учиняли пакости ихъ родичи болгаре черные. Тогда же возставшіе князья беневентскіе, капуанскіе и салирскіе вынудили Романа Лакапина обратиться къ королю франкскому Гугону за помощью для отнятія захваченныхъ упомянутыми князьями лонгобардскихъ крѣпостей. Въ 943 г. «паки придоша угри на Царьградъ, миръ створивше съ Романомъ (на 5 лѣтъ) возвратишася въ свояси». И по греческимъ источникамъ, угры около того же времени тревожили Фракію, а въ 948 г. ихъ вожди Джила и Болосурій приняли крещеніе въ Царьградѣ, примирившись съ греками. Въ 954, 957, 961, 962 годахъ угры, несмотря на пораженіе, нанесенное имъ Оттономъ I при Аугсбургѣ въ 955 г., продолжали вторгаться въ Грецію. Печенѣги, придвинувшись къ Дунаю по дорогѣ, проторенной роксоланами [2]) во II вѣкѣ (Спартіанъ, Капитолинъ), частыми набѣгами, въ качествѣ наемщиковъ, крайне озабочивали греческихъ императоровъ, особенно въ X в., какъ разсказываетъ Константинъ Порф., вынуждая послѣднихъ покупать союзъ съ ними дорогою цѣною. Къ нимъ-то, предъ походомъ Игоря 944 г., греки посылали богатые дары для отклоненія ихъ отъ сближенія съ русскими. Однако, союзники эти оказывались весьма ненадежными, хотя и клялись въ вѣрности «по своему закону» (De adm. imp. гл. 8). Первое вторженіе печенѣговъ въ предѣлы Руси означено нашею лѣтописью подъ 915 г. Игорь заключилъ съ ними миръ, соблюдавшійся не далѣе 920 г., когда «воеваше на печенѣги», но скоро возобновленный. По словамъ императора Константина,—«россы стараются жить мирно и въ союзѣ съ вѣроломными печенѣгами, опустошающими русскія земли; печенѣги владѣютъ всею территоріею *до Руси*, до Босфора, до Херсонеса и до Серета, и до Прута. Печенѣгія простиралась отъ устьевъ Дуная до Саркела. Яковъ, сынъ Моисея изъ Тамани († 958 г.) начерталъ,

---

[1]) Ср. Хвольсона: Изв. Ибнъ-Дасты. По Абульфеду (гл. VII) Belendier—хозарская столица. Слѣдуя Массуди, Іасу—авторъ арабской христоматіи помѣщаетъ этотъ городъ на сѣверѣ отъ Кавказскихъ горъ. Другой хозарскій городъ—*Саксина*, куда около 1225 г. направились татары, разбитые булгарами (Ибнъ-Алатиръ, въ перев. M. Defrémery, стр. [83).

[2]) Перечисляя народы, нападавшіе на римскія подунайскія владѣнія, отъ границъ Иллиріи до Галліи, Ю. Капитолинъ упоминаетъ о роксоланахъ рядомъ съ бастарнами, аланами и певкинами (печенѣгами).

на библіи, что она «кончена имъ *въ Судаѣ, подъ владычествомъ печенѣговъ*, покорившихъ казареевъ», т. е. хозаръ (Д. Хвольсонъ: Евр. надгробн. надп. стр. 67), которые тамъ жили и отъ которыхъ Кириллъ философъ во время пребыванія въ Херсонесѣ научился хозарскому языку (см. Кирил. легенду у Добровскаго и Шафарика). Такъ какъ печенѣги участвовали въ походѣ Игоря 944 г. и по его повелѣнію опустошали Болгарію, то интересно указаніе Константина на то, что при существованіи между императоромъ ромеевъ и печенѣгами союза россы не дерзаютъ приближаться къ Византіи ни съ военною, ни съ торговою цѣлью, и требовать за соблюденіе мира чрезмѣрныхъ вознагражденія и уступокъ (De adm. imp. гл. 2, 4, 5). Вотъ почему въ договорѣ 945 г., по настоянію грековъ, помѣщено условіе, чтобы русскіе посылали имъ вспомогательныя войска «елико хотять» и почему союзу грековъ съ русскими придается въ немъ угрожающее для третьихъ странъ значеніе: «... увѣдять ины страны каку любовь имѣютъ грьци съ русью».

Въ моемъ краткомъ очеркѣ промелькнули важнѣйшіе историческіе факты, подготовившіе почву дипломатическихъ сношеній Россіи съ Греціей въ X вѣкѣ и приведшіе къ договору Олега съ греками въ 907 г., когда еще не завершилось политическое сліяніе Кіево-Черниговской области съ Приазовскою, признавшею верховенство кіевскаго великаго князя по крайней мѣрѣ при Игорѣ, господство коего простиралось на весь Босфоръ Киммерійскій, гдѣ послѣ неудачнаго похода на грековъ онъ искалъ убѣжища (Левъ Діаконъ). Несмотря на настойчивыя и кропотливыя изысканія ученыхъ, съ Эверсомъ во главѣ, попытки развязать узелъ взаимоотношеній договоровъ X в. оказывались донынѣ (А. Димитріу: Визант. Врем. II, 534) мало успѣшными. Недостаточно ясное пониманіе договорной терминологіи и практики внушило ученымъ злополучную мысль, побуждавшую большинство ихъ низводить договоръ 907 г. лишь къ *устному* соглашенію. За немногими исключеніями, напр. Пахманъ (О судебн. доказат. 22, 23, прим. 1) и Сокольскій (Лекціи о догов. русск. съ грек., Кіевск. унив. Изв. 1870 г., 3), основательно признающіе договоръ 907 г. вполнѣ самостоятельнымъ, чего, кажется, не отвергалъ и Погодинъ, хотя древнѣйшимъ сохранившимся считалъ договоръ 912 г. (О догов. Олега, Игоря и Святослава съ греками, въ I т. Изслѣдов.), полагаютъ, что онъ санкціонированъ *письменно* нѣсколько лѣтъ спустя. Хотя лѣтописецъ, подъ 907 г., при разсказѣ о принятіи обѣими сторонами присяги и объ утвержденіи ими мира («утвердиша миръ») послѣ предварительныхъ переговоровъ о мироположеніи («Олегъ нача миръ творити»), и умалчиваетъ о *написаніи* мирныхъ условій, но уже самое утвержденіе мира клятвой Олега съ его мужами и греческихъ императоровъ—неразлучно съ начертаніемъ договора на хартіяхъ и обмѣномъ грамотъ. По заключеніи мира съ греками

Олегъ продолжалъ княжить въ Кіевѣ болѣе четырехъ лѣтъ, «миръ имѣя ко всѣмъ странамъ». Также точно и Игорь, «утвердивъ миръ со греки», княжилъ въ Кіевѣ, «миръ имѣя ко всѣмъ странамъ». Это стереотипное выраженіе взято, вѣроятно, изъ *припѣвки* героической пѣсни въ честь отважныхъ русскихъ князей по поводу отдаленныхъ и опасныхъ походовъ. Различіе обстоятельствъ, непосредственно предшествовавшихъ мирнымъ договорамъ и ихъ сопровождавшихъ, должно было повліять и на порядокъ ихъ составленія, изображеннаго лѣтописцемъ согласно документамъ, находившимся въ его распоряженіи.

Въ 907 г. Олегъ стоялъ подъ стѣнами Царьграда, который греки затворили, замкнувъ, «Съсудъ» Στένον, Saevidar-sund (Heimskringla), «глаголемый узменъ» (Прилож. къ 1 пзд. Лавр. л., 245), цѣпью, протянутою отъ Галаты до Влахерны (Тв. лѣтоп.)[1]). Греки очутились въ такомъ же критическомъ положеніи, въ какое (по византійскимъ лѣтописямъ) поставилъ ихъ въ 813 г. болгарскій царь Крумъ. Когда греки вели переговоры съ послѣднимъ, причемъ онъ требовалъ отъ нихъ ежегодной дани, множества паволокъ, выдачи красивѣйшихъ дѣвицъ цареградскихъ и разрѣшенія вонзить свое копье въ Золотыя ворота,—на жизнь Крума, по тайному приказу императора Льва, было сдѣлано измѣнническое покушеніе, но Крумъ спасся, отдѣлавшись раной. По разсказу нашего лѣтописца, греки пытались умертвить и Олега, только не оружіемъ, а отравой. У грековъ свѣжа была въ памяти жестокая расправа Крума, велѣвшаго разрушить до основанія всѣ церкви, монастыри, дворцы и другія сооруженія, расположенныя около *св. Мамы*, гдѣ сосредоточилось болгарское войско, и опустошить окрестности Царьграда—Сплимврію, Даону, Родостъ, Апру и пр. И вотъ греки, чрезъ пословъ своихъ, умоляли Олега не губить городъ, посуливъ дань, какую онъ назначитъ. Предварительные переговоры открываются предложеніемъ грековъ. На него Олегъ отвѣчалъ *заповѣдью*, опредѣливъ

---

[1]) Въ 941 г. руссы до нанесеннаго имъ греками пораженія успѣли выжечь Золотой Рогъ (Theph. Cont.). И по нашей лѣтописи, русскіе «Судъ весь пожгоша». По словамъ Льва Діакона, Іоаннъ Цимисхій, пройдя изъ Влахернскаго храма во дворецъ, оттуда любовался огненными кораблями, стоявшими въ *заливѣ* Босфора, гдѣ *пристань тянется изгибомъ*, до моста и впадающей рѣки». Въ 1204 г. фрязи... *пришедше въ Судъ*, замки желѣзныя разбиша», приступили къ городу и начали жечь храмы... «святѣй Софѣи притворъ погорѣ, идѣ же вси патріархи написани, подруміе и до моря (Мраморнаго или Бѣлаго), а сѣмо (съ противоположной стороны) по царевъ дворъ и *до Суда* погорѣ» (Воскрес. т. VII, 109 и др.). Еще Вилкенъ замѣтилъ, что подъ *Στένον*'омъ византійцы разумѣли не только Босфоръ (Sund), но также берегъ гавани Chrysokeras (Золотой Рогъ) на сторонѣ Галаты (Ueber d. Verhältn. d. Russen zum Byzant. Reiche, стр. 85—86). Въ Золотой Рогъ впадалась р. Варвисъ близъ Влахерны.

размѣръ дани[1]). Однако, данью греки могли лишь временно обезпечить Царьградъ отъ угрожавшаго ему разгрома. Имъ подобало надолго обезопасить всю Грецію отъ русскаго оружія, а потому они и стали домогаться мирнаго договора со включеніемъ въ него обязательства Олега, «дабы не воевалъ грецкыя земли» (въ Лавр. спискѣ—«гражанъ по пристанищамъ»). Тогда Олегъ, немного отодвинувъ войска свои отъ Царьграда, приступаетъ, посредствомъ прибывшихъ въ городъ полномочныхъ пословъ своихъ Карла[2]), Фарлава, Велемуда, Рулава и Стемпда, къ заключенію мирнаго договора съ царями Львомъ и Александромъ. Содержаніе той заповѣди, которая предъявлена Олегомъ въ приступѣ къ соглашенію съ греками, вошло въ первую главу приведенныхъ условій мирнаго договора, судя по повторенію ея сущности, съ незначительнымъ лишь редакціоннымъ измѣненіемъ, вмѣсто 12 гривенъ «на человѣкъ» (въ нѣкот. сп. «на человѣка», т. е людей,—по 40 (Тв лѣтоп. добавл. «бойцовъ»), въ каждомъ изъ 2000 кораблей,—12 гривенъ «*на ключи*». По толкованію И. Срезневскаго, договорный ключъ означаетъ руль, но это едва ли вѣрно. Ключемъ назывался и багоръ, какъ въ Житіи Бориса и Глѣба: «... имше корабль ключи», т. е. баграми. Каждая лодья снабжена была баграми. Иначе нельзя было проходить пороги лодьями. Дѣйствуя баграми, руссы становились вокругъ лодьи—на носу, на кормѣ и посрединѣ (Конст. Порфир.). Дань въ 12 гривенъ потребована по количеству не лодей, какъ думалъ Погодинъ, а воиновъ—«дати *воемъ* на 2000 кораблей». Въ 943 г. Игорь «вземь у грекъ паволоки и злато и *на вся воя*» въ количествѣ большемъ, чѣмъ дано Олегу. Въ 971 г. греки обѣщали Святославу дань ему и на дружину его «*по числу, на головы*», спрашивая: «колько васъ»? Въ 1043 г. русскіе требовали отъ грековъ по три литры золота на каждаго участвовавшаго въ походѣ соотечественника (Зонара). Норманны договаривались съ Ярославомъ I, чтобы онъ уплатилъ *каждому* изъ прибывшихъ 600 норманскихъ воиновъ

---

[1]) Лѣтопись приводитъ лишь сущность заповѣди Олега. О тонѣ заповѣдныхъ рѣчей при осадѣ городовъ даетъ нѣкоторое понятіе рѣчь посла угорскаго короля Бѣлы при осадѣ Галича въ 1229 г., быть можетъ въ пѣсенномъ пересказѣ, обличаемомъ *повтореніемъ* одного и того же, свойственнымъ героическимъ пѣснямъ и выражающимся въ возвратныхъ стихахъ (Kehrreimen), которое замѣчено мною уже подъ 882 г.: «*Похорони вои* въ лодьяхъ,—*похорони вои* своя».

[2]) Форма «Карла» не допускаетъ принять, въ договорѣ 912 г., имя «Карлы» за нарицательное,—вопреки Арцыбышеву, Бѣлевскому, Эрбену. Въ Heimskringla-saga *Карлъ* явился посломъ Олафа въ Упландъ и Біармію съ вѣрительными грамотами (Ant. russes, I). Всѣ эти лица могли быть земскими *воеводами*, какъ Вышата *Творимиричъ* (1043 г.). Въ XIII в. часто послами назначались *тысяцкіе*, напр. Демьянъ при Даніилѣ Романовичѣ, избиравшіеся народомъ, по крайней мѣрѣ въ Новгородѣ и, въ древнѣйшее время, въ другихъ русскихъ земляхъ (Ключевскій, Дитятинъ и мн. др.).

по унціи серебра, съ прибавкой каждому начальнику лодьи [1]) полъ-унціи, а затѣмъ увеличили требованіе до *унціи золота на каждаго воина* и до полугривны золота капитану (Эймундова сага).

По словамъ Конст. Порфир., называющаго русскія лодьи однодеревками, на 10 русскихъ корабляхъ, участвовавшихъ въ итальянскомъ походѣ 935 г., находилось 415 челов. (почти по 40), и хорватскія сагины, плававшія по морскимъ побережьямъ, вмѣщали въ себѣ по 40 человѣкъ (De adm. imp. гл. 31). Къ этому типу судовъ, сходныхъ съ *челнами* (Ипат. 578), подходятъ «комары», поднимавшія, по Страбону, 25—30 человѣкъ. Ліудпрандъ свидѣтельствуетъ, что корабли руссовъ были малаго размѣра (Monum. Germ. Hist. III, 331). Такого же размѣра суда перевозили вспомогательные отряды руссовъ въ походѣ грековъ при Львѣ VI (De cerem.)[2]). Вторая приведенная глава договорной заповѣди—періодическая плата греками стипендіи («stipendium, pensio» въ акт. венец. и генуэзск.) или окладныхъ денежныхъ пошлинъ—«и потомъ даяти уклады» [3]) (въ Тв. лѣтоп. выходы»)—на русскіе города (гардарикъ или царство городовъ сканд. сагъ), въ коихъ имѣли резиденцію племенные князья, подвластные Олегу. Третья глава—о правѣ приходящихъ въ Византію русскихъ пословъ получать довольствіе, въ какомъ бы количествѣ ни захотѣли *придти*: «да *приходячи* русь слебное емлють *елико хотячи*» (ср.

---

[1]) Въ Новгородской области капитаны морскихъ ватагъ назывались встарину *атаманами* (Бѣлозерск. грам. и др.). Въ грамотѣ кн. Андрея Александровича 1294—1304 г. сказано: «Какъ есть докончалъ съ Новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а *ватаманъ*—Ондрей Критцкый» (А. А. Эк. I, № 1). Въ посланіи митрополита Іоны вятчанамъ, около 1452 г., на первомъ планѣ ватаманы: «а всѣмъ *ватаманамъ*»... (А. Ист. I. № 261). Терминъ ватаманъ заимствованъ, несомнѣнно, у норманновъ—waterman», какъ и слово гридь—grithman: «De potestate data regi Scociae capiendi homines vocatos *grithmen*» (Rymeri Act. Britan. т. II, подъ 1342 г.). Ср. форму grid, gridmadr. Съ XV в. ватаманъ отождествляется съ тиуномъ: «Villicus alias *cuvan* seu *watman*». Онъ стоялъ во главѣ общины или громады (см. актъ 1456 г., привед. И. Шараневичемъ: Rys. wewn. stosunk. Galic. Wschodn., 31, пр. 13).

[2]) Русская Правда полагаетъ за кражу *заморской лодьи* три гривны продажи (Кар. сп. ст. 91). Заморскія лодьи, именуемыя *бусами* у многихъ славянскихъ народовъ, были приспособлены, по необходимости, для плаванія и по большимъ рѣкамъ: «Мстиславъ двухъ полоцкихъ княжичей «усажа у три лодьи (вѣроятно, на Зап. Двинѣ) и поточи Царюгороду» (Ипат. 218). Лодьи, на которыхъ прибыли къ Олегу деревлянскіе послы, числомъ 20, по величинѣ, должны были равняться заморскимъ. Въ походѣ на прикаспійскія страны руссы употребляли корабли, вмѣщавшіе до 100 человѣкъ (арабск. писат.). Новгородцы плавали на большихъ и малыхъ *учанахъ*; первые поднимали около 50 человѣкъ. Для военныхъ цѣлей у нихъ приспособлялись иногда рыбацкія суда—*лойвы*, назыв. на Волгѣ *кубарами* (Ип. 341). По Волгѣ ходили «лодьи, учаны и струги» (Воскр. т. VIII, 14).

[3]) Ср. напр.: «на Бога укладати» въ поуч. Влад. Мономаха.

догов. 945 г.: «да посылають ... корабли *елико хотять*... возмутъ съли слебное»), и русскихъ гостей на полугодовое ежемѣсячное содержаніе разными жизненными припасами... Демаркаціонная черта между укладами, коимъ соотвѣтствуетъ въ правѣ Рипуарскомъ «*compositio* fisco, ut *pax* perpetua stabilisque permaneat, quam *fredum* vocant», и мѣсячнымъ, встрѣчающимся нерѣдко въ русскихъ и сербскихъ памятникахъ, какъ разновидности дани, оттѣняется поясненіемъ, что уклады, какъ и въ латинскихъ грамотахъ, были постоянными, *годовыми* [1]), а мѣсячное [2]) давалось временно, на *полугодіе—шесть мѣсяцевъ*, причемъ соблюдалось старшинство между русскими городами, получившими привиллегію на уклады: «первое на Кіевъ, таже на Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ[3]) и прочіи грады» (ср. догов. 945), и повѣствованіемъ объ обратномъ, послѣ водруженія Олегомъ щита (въ нѣкот. сп. «щитовъ») на цареградскихъ воротахъ, тріумфальномъ плаваніи его флотиліи на вышитыхъ («исшитыхъ») греками парусахъ, съ полученными дарами—золотомъ, паволоками и всякимъ узорочьемъ. Въ четвертую главу вошло право русскихъ пользоваться прѣсной, колодезной водой для омовенья: «да творять имъ *мовь* (въ лѣт. Пер.-Суздал. добавл. «въ банѣ»), елико хотять»... На привычку словенъ «творить мовенье собѣ» въ банѣ начальная лѣтопись обращаетъ особое вниманіе; разсказу о ней апостола Андрея въ Римѣ очень дивились. Въ запискѣ израильтянина X в. Ибрагима ибнъ-Якуба банной избѣ посвящено нѣсколько любопытныхъ строкъ (Изв. Ал.-Бекри, 57). О посѣщеніи князьями бани неоднократно свидѣтельствуютъ лѣтописи, напр.: въ 1205 г. угорскій король Андрей схватилъ князя Романа «въ бани мыющеся» (Ипат.). Слѣдуя закоренѣлому обычаю, и Ольга «велѣ деревлянамъ *мовь* сътворити» (Новг. I и др.). Въ гл. 89 соч. Конст. Порфир. «De ceremoniis» сказано, что для персидскаго посла и его спутниковъ въ Царь-

---

[1]) Ср.: «uklad» въ польскихъ статутахъ,—положеніе, гл. уложити, отложити. Въ Похвалѣ Владиміру мон. Іакова: «дань *положи*»; и т. под. Годовые уклады платили византійцы и др. народы, напр. по миру съ арабами. Правительница Ирина, около 782 г., обязалась посылать въ Багдадъ ежегодно 70.000 золотыхъ.

[2]) Ср. «окупъ кунами *за мѣсяцъ*» (Лавр. 77).

[3]) Главный городъ участвовавшихъ въ походѣ 907 г. сѣверянъ, на Днѣпрѣ, вошедшій въ предѣлы Черниг. княжества. Родина св. Антонія и резиденція Малка, дѣда Владиміра св., по матери. Ольгиной ключницы Малуши-Малфриды (+1000 г.). Это женское имя заимствовано у готовъ. Въ концѣ V в. Ѳеодорихъ выдалъ за вандальскаго царя сестру свою *Амальфриду*. Въ догов. 907 г. русскіе города дѣлятся на два разряда: 1) Кіевъ, резиденція самого Олега, Черниговъ, Переяславъ, Любечъ, Полоцкъ, Ростовъ, и 2) прочіе грады, въ коихъ сидѣли князья, подчиненные Олегу. Можно полагать, что эти остальные города—деревлянъ, хорватовъ, дулѣбовъ, радимичей и вятичей, привлеченныхъ къ походу 907 г., гдѣ сидѣли частью туземные *славянскіе* князья (напр. Володиславъ), частью родственники Рюрика.

градѣ надлежало приготовить баню въ его домѣ или поблизости. Одинаковое съ русскими дозволеніе пользоваться прѣсной водой для мытья («lavacrum») получили нѣкогда кутургуры, а позднѣе венеціане и генуэзцы по мирнымъ договорамъ съ греками. Хрисовулъ императора Еммануила 1148 г. разрѣшалъ венеціанамъ пользоваться водяными колодцами, которые находились въ участкѣ, имъ отведенномъ около «Vigla», въ окрестностяхъ монастырей св. Николая, Паракимомена и св. Марка (Font. rer. Austr. XII, 1, № 50 и др.). Генуэзцы также занимали, до уступки имъ Галаты [1]) Михаиломъ Палеологомъ, опредѣленный договорный раіонъ. По обновленному договору съ Исаакомъ Ангеломъ 1192 г., генуэзцамъ разрѣшалось набирать воду изъ цистернъ, для домашняго употребленія, съ запрещеніемъ засаривать и загрязнять ихъ купаньемъ скота (Atti d. soc. Ligure, v. 28, стр. 426, 429).

Итакъ, мы не имѣемъ никакого ручательства въ томъ, чтобы занесенные въ лѣтопись пункты договорнаго совѣщанія и соглашенія 907 г по объему и порядку изложенія вполнѣ совпадали съ окончательной формой договора. Нѣкоторыя необходимыя принадлежности текста распространенной его редакціи не попали въ лѣтопись. Заповѣдь Олегова, письменная, предъявлена была посламъ греческимъ чрезъ пословъ русскихъ по наказной памяти, содержавшей притязанія Олега [2]). Греческіе послы, послѣ препирательства съ русскими, приняли предложенныя условія — «яшася греци», противопоставивъ Олеговымъ требованіямъ письменно же изложенныя ограниченія въ правѣ русскихъ взимать мѣсячное, если придутъ не съ торговою цѣлью, въ свободѣ дѣйствія прибывающихъ руссовъ запрещеніемъ, исходящимъ отъ великаго князя («да запретитъ князь словомъ своимъ») творить какія либо пакости въ греческихъ селеніяхъ, и самое полученіе мѣсячнаго обусловили обитаніемъ русскихъ—«да витаютъ» [3]) — до глубокой осени на предмѣстьи у монастыря св. Мамы и предварительною переписью ихъ именъ органами греческаго правительства, съ соблюденіемъ того старшинства пословъ и гостей («первое отъ г. Кіева и паки изъ Чернигова и изъ Переяслава и прочихъ градовъ»), какое опредѣлено Олегомъ для укладовъ на города (Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ не упомянуты) и предусмотрѣнныхъ греками предосторожностей посѣщенія

---

[1]) Здѣсь въ XIV в. погребены архимандритъ Митяй и митрополитъ Пименъ (Воскрес. лѣтоп. VIII, 31, 60).

[2]) Подобною заповѣдью руководились русскіе послы въ 945 г.: «и отъ тѣхъ *заповѣдано* обновили ветхый миръ»... (въ догов. 912 г.—«по повелѣнію»).

[3]) «Витать» иногда значитъ привѣтствовать пожеланіемъ здоровья, напр. въ актѣ 1556 г. «привитавши» (Сб. кн. Оболенскаго—Дневн. Литовск. пословъ). Выраженіе: «да запретитъ князь словомъ своимъ» повторено въ догов. 945 и объяснено мною ниже.

русскими Царьграда: а) чрезъ одни ворота, б) партіями не болѣе 50 человѣкъ, в) безъ оружія [1]) и г) въ сопровожденіи царева мужа [2]). Коль скоро миръ былъ заключенъ, цари Левъ и Александръ обмѣнялись съ Олегомъ клятвой и обѣтными грамотами, то отсутствіе въ лѣтописи особаго замѣчанія о согласіи русскихъ на предложенные греками ограничительные пункты само по себѣ не исключаетъ ихъ принятія, косвенно засвидѣтельствованнаго договоромъ 945 г. Точно также греки не отклонили ни одного изъ главныхъ пунктовъ Олеговой заповѣди, хотя договорный текстъ не содержитъ въ себѣ повторенія условій объ укладахъ. Недостатокъ полноты лѣтописнаго изложенія мирныхъ переговоровъ 907 г. ощущается въ значительной степени, но онъ не допускаетъ, вопреки ошибочному мнѣнію С. Соловьева и др., домысловъ о безпорядочныхъ «вставкахъ и сшивкахъ» (Ист. Рос. I, глава 5, примѣч.). Нельзя вѣдь допустить, чтобы по полученіи первой заповѣди Олега греки безпрекословно предоставили русскимъ, помимо его требованія, столь важную льготу, какъ, въ особой статьѣ, безпошлинные провозъ въ Грецію и куплю-продажу товаровъ: «да творятъ куплю яко же имъ надобе, не платячи мыта (въ Тверск. «вины», т. е. повинности) ни въ чемъ же» (ср. догов. Игоря). Такъ и по Смоленской торговой Правдѣ 1229 г., гости латинскіе и русскіе освобождены отъ платежа *мыта*, которое взималось греками по договорамъ съ нѣкоторыми народами, напр. съ персами («decimarum solutio») [3]). Подводя итогъ мирнымъ переговорамъ 907 г., завершившимся утвержденіемъ заключеннаго мира обоюдной клятвой царей греческихъ, Льва и Александра, съ цѣлованіемъ креста, а Олега и мужей его языческой ротой, и взаимнымъ обмѣномъ обѣтныхъ грамотъ, лѣтописецъ съ особеннымъ удареніемъ разглагольствуетъ о дани—блестящемъ трофеѣ, добытомъ русскими и возвышавшемъ Русь въ глазахъ могущественныхъ ея сосѣдей. И чрезъ три столѣтія послѣ того платежъ дани имѣлъ чрезвычайно внушительное значеніе: «да увѣсть вся земля Лядьская яко *дань* платили суть ятвязи королевиҗ Да-

---

[1]) Ср. договоры Рима съ Карѳагеномъ. Въ догов. Стефана Уроша съ Рагузянами 1349 г. имъ предоставляется свобода торговли тькмо *оружия да не носе*» (F. Miklosich. Monum. Serb. № 127),

[2]) Еще ранѣе, по приказу греческаго императора, франки толпою не смѣли посѣщать городъ, но по 5 или 6 человѣкъ—«vel quinque vel sex»... Нѣкоторые ученые упоминаютъ о сохранившейся на старой стѣнѣ, южнѣе воротъ Ени-Мевлеханэ-Капу, надписи царей Льва и Александра о правѣ русскихъ входить и выходить изъ города чрезъ эти ворота, надъ которыми Олегъ водрузилъ свой щитъ (A Dethier: Der Bosphor und Constantinopel, 1873 г., стр. 23).

[3]) Подробныя постановленія о мытѣ изложены, м. проч., въ тамож. грамотѣ молдавск. господаря Александра для львовскихъ и подольскихъ купцовъ 1407 г. (Я. Головацкій: Памятн., № 28).

ніилу» (Ипат. 533). Мирные переговоры русскихъ съ греками должны были длиться нѣсколько мѣсяцевъ; слѣдовательно Олегъ имѣлъ возможность собрать и подготовить въ Кіевѣ необходимые матеріалы для договора. По смыслу лѣтописнаго разсказа, послы русскіе, получившіе отъ Олега порученіе вести съ греками переговоры въ Царьградѣ, находились въ рядахъ Олеговыхъ дружинъ при осадѣ, ибо уже по утвержденіи мира и ознаменованіи побѣды «отойде отъ Царьграда».

Договоръ 907 г. впервые выдѣляетъ крупнѣйшіе городскіе центры Русскаго государства въ лѣстницѣ старшинства по полученію укладовъ, съ возвышеніемъ стольнаго Кіева надъ остальными, какъ повторено и въ договорѣ 945 г. Въ немного измѣненномъ іерархическомъ порядкѣ застаемъ мы южно-русскихъ пословъ въ Константинополѣ, когда царь Мануилъ въ 1164 г. разрѣшалъ спорные еретическіе вопросы:—«сущимъ ту у царя всѣмъ сломъ — Кыевскій солъ... Переяславскый и Черниговьскый» (Лавр. 334). Не касаясь исторіи городовъ вообще, остановлюсь на Переяславѣ-русскомъ, слѣды котораго указываетъ одна изъ грамотъ XVI вѣка въ *Переяславскомъ городищѣ*, вмѣстѣ съ Краснымъ на Трубежѣ и Бѣлогородищемъ на Днѣпрѣ (Сб. Русск. Ист. Общ. т. 71, № 12). По лѣтописи, *Переяславль*, древнѣйшая метрополія русская (см. подъ 1089 г.), созданъ Владиміромъ св. въ память побѣды надъ печенѣгами, какъ это читается и въ похвальномъ Словѣ монаха Іакова: «Переяславль заложи». Изъ договоровъ X в. и выраженія кіевской лѣтописи подъ 992 г. «кдѣ нынѣ Переяславль на Трубежѣ» заключаютъ, что *древнѣйшій Переяславль* стоялъ поблизости заложеннаго Владиміромъ и нѣкогда уничтоженъ пожаромъ. По моему мнѣнію, *Переяславль* заложенъ Владиміромъ на мѣстѣ *стараго Переяслава*, ранѣе существовавшаго, у впаденія р. Лтицы въ Трубежъ (Ипат. 266), вѣроятно, въ большемъ сравнительно со старымъ размѣрѣ. Поясненіе лѣтописца: «и нарече и (его) Переяславль (въ Никон. «Переяславь»), зане *Переяславу* отрокъ отъ»[1]) (а не «перея славу», какъ обыкновенно читаютъ)[2]), имѣетъ слѣдующій смыслъ: Поборовшій въ рукопашномъ поединкѣ[3]) гиганта печенѣжина русскій силачъ, средняго роста, *младшій*

[1]) Ср.: «осквернися холмъ *отъ*» (подъ 980 г.). «Въ *отъ* часъ утѣшюся о Бозѣ» (дух. Мономаха). «Въ *отъ* же день» (Лавр. 305). «Въ *отъ* годъ прибѣже». «Въ *отъ* же часъ» (Ипат. 435, 525). Мѣстоимѣнію «отъ» противуположно «ось». Напр. «градокъ *ось*» (Лавр. об. Аскольдѣ и Дирѣ, также стр. 358 и др.).

[2]) Погодинъ по этому поводу заговорилъ о *славолюбіи* князей (Изслѣдов. т. I, 45).

[3]) Судьба междуроднаго спора, по обычаю, упоминаемому и въ скандинавскихъ сагахъ, иногда рѣшалась единоборствомъ, которое, какъ извѣстно, Цимисхій предлагалъ Святославу.

сынъ *стараго* мужа, былъ не *отрокомъ*, вопреки предположенію, но лицомъ, достигшимъ возмужалаго возраста—*мужемъ*, ибо «печенѣзи почаша звати: нѣ ли *мужа*, се нашъ доспѣлъ... выступи *мужъ* Володимерь» (котораго «*отъ дѣтьства*» никому не удавалось побороть... Володимеръ же *великимъ мужемъ* (вельможей) створи *того* (мужа) и отца его». Отрокомъ названъ новый, залеженный Владиміромъ городъ Переяславль по отношенію къ прежнему городу Переяславу, въ качествѣ его дѣтища или отродья, подобно тому, какъ Никифоръ Фока градъ Антіоховъ Антіохію назвалъ «*отроковицей*» матери доброчаднѣй градовомъ (греческимъ) Царюграду» (Ник. т. IX, 129 п. 946 г.). Древнѣйшій городъ именовался *Переяславъ*, а воздвигнутый на его пепелищѣ—*Переяславль*» по отечеству (ср. въ догов. 945 г. форму «Святославль»), по непосредственному происхожденію или преемству послѣдняго отъ перваго. И дѣйствительно, лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго XIII в., подъ 907 г., и Ипатскій списокъ удержали первобытную форму «Переяславъ», буква же *л* въ Ипатск. спискѣ, подъ тѣмъ же годомъ, приписана другимъ почеркомъ между строкъ (прим. Арх. Ком. изд. 1871 г.). Новый городъ, обращенный въ исходѣ XI в. изъ деревяннаго въ каменный при Всеволодѣ Ярославичѣ, почти вездѣ называется позднѣе уже Переяславлемъ, за исключеніемъ Новгородской и Тверской лѣтописей. Въ 1089 г. «Всеволодъ Ярославичъ заложи градъ *Переяславъ* каменъ, а преже былъ древянъ, а стоялъ 97 лѣтъ». Онъ пострадалъ во время усобицъ около 1151 г. и при нашествіи Батыя въ 1239 г., когда татары сокрушили и церковь св. Михаила. Такъ устраняется мною легкомысленный упрекъ, сдѣланный нѣкоторыми, напр. Д. Иловайскимъ (Разыск. о нач. Руси, изд. 2, стр. 49 прим.) и Лясковронскимъ (Ист. Переясл. земли, 155—156) глубокомысленному и, конечно, болѣе ихъ свѣдущему въ дѣлѣ лѣтописцу, необратившему будто бы вниманія, при описаніи происхожденія Переяславля, что онъ уже упомянутъ въ договорахъ.

Миръ 912 г. оборудованъ, по верховному порученію Олега, съ участіемъ всѣхъ русскихъ пословъ—устроителей мира 907 г.: «Посла мужи свои Олегъ построити мира и положити рядъ межи русью и грекы». На заключеніе этого мира, о поводахъ коего умалчиваетъ лѣтопись, вліяли внѣшнія событія, особенно побѣды Симеона во Фракіи, Македоніи и подъ Царьградомъ. По крайней мѣрѣ въ 23 письмѣ патріарха Николая Мистика упоминается о подготовкѣ страшной коалиціи противъ болгаръ, изъ *русскихъ*, печенѣговъ, алланъ и угровъ, по договору о военной помощи [1]); а такое именно условіе и помѣщено въ договорѣ 912 г. Исполнивъ миссію, русскіе послы вернулись въ Кіевъ и разсказали Олегу о своихъ перего-

[1]) Migne: Patrologia Graeca. Письма Николая Мистика разсмотрѣны Ф. Успенскимъ: Визант. влад. на сѣв. берегу Черн. моря въ IX и X в.

ворахъ съ греческими царями, на какихъ условіяхъ заключили миръ и т. д. Русскихъ пословъ было 15, почти соразмѣрно числу подвластныхъ тогда Олегу и союзныхъ съ нимъ племенъ. Въ эту массу входили частью прикарпатскіе бѣлохорваты, дулѣбы волынскіе и еще въ 885 г. съ нимъ, враждовавшіе тиверцы. Такое совпаденіе считаю случайнымъ, основываясь на составѣ и характерѣ посольства 945 г. Сами же послы въ договорномъ актѣ 912 г. выдаютъ себя за уполномоченныхъ Олега, свѣтлыхъ князей, великихъ бояръ, пожелавшихъ заключенія мирнаго договора, и всего русскаго народа [1]). Областные князья, «державшіе княженье» у отдѣльныхъ племенъ еще до Рюрика (нач. лѣтоп.), во многихъ спискахъ, за исключеніемъ составленныхъ на основѣ Ипатскаго, названы *великими*. При обработкѣ своднаго текста договоровъ чтенію Ипатскаго «похотѣньемъ нашихъ *князь*» издатели Лаврентьевской лѣтописи предпочли чтеніе «нашихъ *великихъ князь*», сходное напр. съ Радзивил. спискомъ и оправдывающееся тѣмъ, что областные князья, сидѣвшіе въ качествѣ мѣстныхъ правителей и великокняжескихъ органовъ, въ главныхъ городахъ, занимавшіе *милые столы* (Даніилъ Заточникъ) и называвшіеся иногда въ грамотахъ *служебными*, могли, какъ и впослѣдствіи даже по договорнымъ текстамъ, пользоваться домашнимъ титуломъ великихъ князей. Великіе бояре—великіе мужи или вельможи (въ грамотѣ Святославовой просто *бояре*), выставляются въ лѣтописномъ разсказѣ о Рюрикѣ мужами *варяжскаго* происхожденія назначенными имъ на постъ городскихъ посадниковъ. Элементъ народный, выдвинутый во вступительной части договора 912 г., («по повелѣнію отъ *всѣхъ* иже суть подъ рукою его сущихъ русп»), проглядываетъ и въ требованіи русскими отъ грековъ сохраненія взаимной любви «ко князѣмъ свѣтлымъ рускымъ и ко *всѣмъ*, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя» [2]). Подобное выраженіе находится, напр. въ присяжной грамотѣ смоленскаго князя Ивана Александровича, составленной «по дѣда своею докончанью и по старымъ грамотамъ... по тому докончатью, какъ... Кедименъ докончалъ съ мѣстеремь съ Ризьскимъ и съ пискупомь... и *со всѣми рижаны што подъ его рукою*» (Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II, № 8). Представители русскіе обѣщаютъ грекамъ, отъ имени своихъ вѣрителей, не допускать, насколько зависитъ отъ ихъ воли («елико наше изволеніе»),

---

[1]) Интересы всего населенія защищаются областными представителями такъ же, какъ, напр., въ XIV в. въ Галицко-Владимірской Руси. Грамота Юрія II отъ 1335 г., которою подтверждается мирный договоръ съ нѣмецкимъ орденомъ, исходила отъ князя, бояръ и вообще высшихъ чиновъ *земель*, принадлежавшихъ къ Галицко-Владимірскому княжеству, однако, Юрій II объявляетъ, что миръ утверждается имъ съ согласія и всѣхъ *людей* этихъ земель.

[2]) Ср.: «Андрей Юрьевичъ добродѣтель имѣюще ко всимъ *сущимъ подъ нимъ*» (Ипат. 337).

со стороны подвластныхъ Олегу князей никакого «соблазна» (обмана) или вины, т. е. виновности или повода къ нарушенію договора [1]).

Проектъ договорныхъ главъ въ 912 г. былъ обсужденъ и сочиненъ, безъ сомнѣнія, въ Кіевѣ, на съѣздѣ русскихъ князей при участіи областныхъ народныхъ представителей собственно отъ бо.ьшихъ городовъ, въ видѣ наказной памяти посламъ, какъ и передъ заключеніемъ мира 907 г. Окончательная редакція договорныхъ статей была выработана въ Царьградѣ совокупными стараніями греческихъ и русскихъ уполномоченныхъ послѣ неизбѣжныхъ, весьма продолжительныхъ пререканій. Предисловіе и послѣсловіе договора были изложены примѣнительно къ обычнымъ у грековъ дипломатическимъ формуламъ, а потому носятъ на себѣ нѣкоторые слѣды буквальнаго заимствованія. Если предисловіе и послѣсловіе приспособлены къ стилистическимъ пріемамъ, практиковавшимся у грековъ, искушенныхъ въ горнилѣ международныхъ столкновеній и дипломатическомъ витійствѣ, то въ неменьшей мѣрѣ должна была сказаться греческая сноровка въ начертаніи договорныхъ *главъ*, требовавшемъ большого запаса опыта и знаній въ правовой сферѣ, большой ловкости въ гармоническомъ сочетаніи взаимныхъ національныхъ интересовъ на почвѣ греческихъ и русскихъ обычаевъ и законовъ и обстановки договорнаго церемоніала, безъ нарушенія въ чемъ либо должнаго уваженія къ противоположному религіозному культу. Коль скоро въ актѣ 912 г. вездѣ, за малыми изъятіями, побѣдители русскіе изображаются ораторствующими, по выраженію Тобіена, — «Russen Sieger sind als redend im Tractate ausgeführt» (стр. 15), то это доказываетъ не перевѣсъ русскихъ интересовъ надъ греческими, а лишь то, что договорная грамота, занесенная въ лѣтопись по содержанію текста статейнаго списка, послѣ обсужденія послами обѣихъ державъ, подвергнута внѣшней переработкѣ русскими послами, снабжена переводомъ, переписана на хартію для сообщенія грекамъ и подписана въ сентябрѣ. Дата мирнаго акта, независимо отъ его содержанія, обличаетъ константинопольскую редакцію договора. Послы русскіе возвратились домой въ сопровожденіи греческихъ: «царь же Леонъ приставн къ нимъ мужи свои... и тако отпусти я въ свою землю съ честью великою». Описаніе возвращенія русскихъ пословъ къ Олегу и бесѣды его съ ними сходно съ описаніемъ возвращенія посольства русскаго къ Игорю. Вѣроятно ратификація Олегомъ мира осенью 912 г., незадолго до смерти его, на пятое лѣто по возвращеніи изъ похода на гре-

[1]) Ср.: Романъ послѣ враждебныхъ дѣйствій противъ тестя своего Рюрика («не хотя съ нимъ любви») и понесенныхъ неудачъ «посолъ свой посла Рюрикови, покладывая на собѣ всю *вину* свою» (Ипат. 461 и 462), и примѣры въ Словарѣ др. русск. яз. И. Срезневскаго. Вина иногда значитъ — причина.

ковъ, съ клятвой в. князя и мужей его надъ оружіемъ, совершилась соотвѣтственно церемоніалу 907 и 945 г. Какъ подвиги болгарскіе расчистили Олегу походную тропу къ Царьграду, такъ, въ свою очередь, Олегъ растеребилъ для Симеона широкій путь подъ цареградскія стѣны, геройски проложенный Крумомъ.

Миру 945 г. предшествовали два похода Игоря въ Византію. Злополучный походъ 941 г. разсказанъ обстоятельно въ лѣтописяхъ: Воскресенской (т. VII, 278), сообщающей, подъ 921 г., важный фактъ о снаряженіи Игоремъ еще тогда многочисленнаго флота, достигшаго въ 941 г., по Ліудпренду, «mille et eo amplius navibus»,—въ Софіевской, Тверской и нѣкоторыхъ другихъ, преимущественно по греческимъ хронографамъ, вдесятеро увеличивающимъ число русскихъ кораблей [1]). Онъ сопровождался трехмѣсячнымъ опустошеніемъ окрестностей Царьграда—съ іюня по сентябрь. «По трехъ лѣтѣхъ смиришася» (кіевск. лѣтоп. по всѣмъ сп.). Плѣнные русскіе съ воеводой Вышатой отпущены на свободу по договору 945 г. Инициатива переговоровъ для устроенія или обновленія прежняго («первого»), ветхаго мира принадлежала греческому правительству, заинтересованному въ примиреніи съ Русью, между прочимъ, потому, что Грецію въ то время продолжали тѣснить угры. Приступлено къ мирнымъ переговорамъ весною въ 944 г., когда Игорь приблизился къ Дунаю и греки предложили ему дань «юже ималъ Олегъ», но въ увеличенномъ размѣрѣ. Этотъ походъ хорошо извѣстенъ былъ арабскимъ писателямъ. Аль-Массуди замѣчаетъ, что первый или главный изъ славянскихъ царей, коему подвластны многіе народы и страны, Дира (Игорь) ведетъ съ румскимъ царемъ нерѣшительныя войны, а по словамъ Аль-Истархи (943—950 г.) и Аль-Бахли, «руссы столь могущественны и многочисленны, что *наложили дань* на пограничныя области Рума» (Гаркави, Сказ. мусульм. писат. 137, 193, 277). Переговоры продолжались въ Кіевѣ, при личномъ руководствѣ Игоря. Соглашеніе, по выработанному русскими и греками статейному списку, послѣдовало уже въ Царьградѣ, куда, по порученію Игоря, съѣхались для докончанія мирнаго договора русскіе уполномоченные. Мирная грамота въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ датирована 20 апрѣля 945 г. (6453 индикт. 4, въ 3-ю седмицу по пасхѣ) тогда какъ въ большинствѣ дата отсутствуетъ или выставленъ только годъ, и самымъ текстомъ своимъ доказываетъ окончательное изготовленіе договора въ Греціи: «Да запретить князь... *приходящимъ руси здѣ* да не творятъ безчинья. . *И отходящи руси отсюду*... взимаютъ отъ насъ»... «Елико хрестеянъ отъ власти нашея плѣнена приведутъ русь *ту*» (сюда, въ Грецію), а представители русскаго *купечества*

[1]) Разборъ греческихъ извѣстій—у Шлецера, Вилкена и мн. др. авторовъ.

названы *гостями*. Въ договорной грамотѣ посланные Игоремъ его мужи—«посла Игорь мужѣ своя»—изображаются представителями верховнаго князя—архонта [1]), какъ его титуловали греческіе императоры въ своихъ хрисовулахъ, старѣйшинъ или старцевъ («majores natu» по Маврикію), князей-бояръ и всѣхъ людей Русской земли, т. е. областей и народностей, сплотившихся съ русскимъ государствомъ, въ которомъ первенствующая роль, по лѣтописному извѣстію 944 г., принадлежала тогда полянамъ, словенамъ, кривичамъ и тиверцамъ, совокупно участвовавшимъ, подъ именемъ руси, въ походѣ на грековъ. Такое наименованіе примѣнили къ нимъ и корсуняне въ письмѣ къ царю Роману: «Се идуть *русь*, бещисла корабль, покрыли суть море корабли, и наяли суть къ себѣ печенѣги». Послы наши въ грамотѣ говорятъ: «Великій князь Игорь и бояре его и *людье вси рустіи* послаша ны». Уполномочіе представителямъ, по ихъ же признанію, исходитъ отъ всего русскаго народа, примыкавшаго къ городскимъ округамъ (Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ и проч.): «Мы *отъ рода рускаго* слы и гостье» (то же въ договорѣ 912 г.). Клялись они за всѣхъ князей-бояръ и людей «отъ *страны Русскія*», въ 912 г. — «по закону *своего языка*, не преступати ни самимъ, ни иному отъ *страны своей*». Представительство пословъ и гостей *русскихъ* (ср. подъ 912 г.), имѣя двѣ точки отправленія—главы государства (Иворъ солъ Игоревъ) и обширный кругъ подданныхъ великаго князя, носитъ союзный, сосѣдній, мѣстный или смѣшанный характеръ, по единству территоріи и національныхъ интересовъ Русской земли, по цѣли водворенія мира, притомъ побочный по отношенію къ верховной власти и неодинаковый по происхожденію:—«объчии сли» [2]). Дипломаты уже не различали, какъ въ 912 г., подручныхъ Игорю князей отъ бояръ, отряжавшихъ, купно съ великимъ княземъ, пословъ и торговцевъ; «А великій *князь* русскій и *бояре* его да посылаютъ... корабли ... Иже посылаемп бываютъ *отъ нихъ* сли и гостье». Отождествленіе бояръ съ князьями всего яснѣе въ слѣдующихъ выраженіяхъ Игоревой договорной грамоты: «И великій князь вашъ Игорь и

---

[1]) Архонтами называли греки и областныхъ правителей въ Руси, которыхъ при Ольгѣ было 22, ибо столько ихъ явилось съ нею въ Византію (Const. Porph: De cerem.).

[2]) Ср.: «*общій* судъ», въ древнихъ грамотахъ, неправильно принимаемый нѣкоторыми, напр., И. Дитятинымъ (Ист. мѣстн. управл.) *за общественный*. Въ юридич. памятн: «платити *вѣобчи*» (Русск. Правда), «ссылка съ суда на *обчую* правду—на 10 или 20 человѣкъ». Въ лѣтоп. замѣчательно выраженіе: «А Суздаль буди намъ *обечь*, кого восхотятъ, то имъ буди князь» (Ипат. 411—415). Въ 5 § Статута короля Владислава 1433 г. установлено, чтобы замки не давались въ державу никакому княжичу и происходящему изъ княжескаго рода «albo *obcemu*» чужеземцу никакому... (Jus Polon. Bandke. 224, 234, ср. A. Grod. III. 131 XII, 276. Въ червонорусск. и южнорусск. актахъ «obczy» (A. grod. III, 131, XII, 27) и *обчіи* люди—сосѣди околичные—въ актахъ копныхъ судовъ).

боляре его и людье вси рустіи послаша вы... хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ *боляръ* и отъ всѣхъ людей... Аще ли же кто отъ *князь*, или отъ людій рускихъ... преступитъ се»... Послы избирались, для заключенія мира, «отъ всякаго *княжья* и отъ всѣхъ людей». Названіе князей княжьемъ не рѣдкость, особенно на словенорусскомъ сѣверѣ [1]). Къ нимъ могли принадлежать и присутствовавшіе на магдебургскихъ трипрахъ Генриха Птицелова, въ 937 г., вмѣстѣ съ княземъ Ругіи Венцеславомъ, князья Руси Велиміръ и Радбота (о нихъ см. Погодина, Максимовича, Васильевскаго и др.). Пересмотръ прежнихъ мирныхъ договоровъ при участіи лучшихъ провинціальныхъ людей въ самой Руси, сопряженныя съ нимъ дипломатическія сношенія (или «ссылки» позднѣйшихъ договоровъ) съ греческимъ дворомъ, съ соблюденіемъ рутиннаго церемоніала, и ратификація должны были поглощать очень много времени. Избраніе населеніемъ пословъ русскихъ земскихъ, совершавшееся въ большихъ городахъ, зависѣло отъ вольныхъ совѣщательныхъ собраній людскихъ на вѣчѣ («позволиша вѣчь» въ Лавр. п. 1262 г.) или коментѣ (χόμεντον у Льва Діакона и Кедрина), о существованіи которыхъ у славянъ свидѣтельствуетъ Прокопій (VI в.) и наша лѣтопись. «Послаша деревляне лучьшие мужи... къ Ользѣ. Рѣша деревляне: «посла ны Дерьвьска земля»... (945 г.). У сѣверныхъ славянъ издревле рѣшались на «конахъ» или «континахъ», между прочимъ, вопросы о войнѣ и мирѣ «unanimi consilio», какъ у лютичей (Thietm, Chron. VI),—«ex consilio communi, ex communi decreto» (Ebbo, Herburt). У насъ же вѣчевыя постановленія центральныхъ городовъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, «изначала» считались обязательными для пригородовъ (лѣтоп. подъ 1176 г.). Такъ, посланіе Болеслава III польскаго поморянамъ, около 1124 г., съ предложеніемъ принять христіанство, было прочтено предъ народнымъ собраніемъ, въ *континѣ*—«quia ibi *cónsiliabula* et *conventus* suos haberi soliti erant» (Herburt, II, 32). Въ Русской Правдѣ «коны» считаются, повидимому, также средоточіями народныхъ сходокъ, сборными пунктами сотенъ (*стая* ю. з. Руси, южнославянскій *станокъ*). Разсмотрѣніе внутреннихъ, домашнихъ пружинъ, двигавшихъ посольство русское отъ Кіевскаго, Черниговскаго, Переяславскаго и др. округовъ къ заключенію съ греками мирнаго союза, въ 945 г., также показываетъ, что онъ освященъ *народной волей*. При обыкновенныхъ же торговыхъ сношеніяхъ, установленныхъ договорнымъ соглашеніемъ, предупредительныя *грамоты* каждый разъ исходили отъ великаго князя, прикрывавшаго со-

---

[1]) «Послаша по нь митрополитъ и вся *княжья* руская. Позвана полотьскою *княжью* и полоцяны» (Новг. I, 1920). «Святославъ возвратился Кыеву со всею *княжьею*» (Лав. 379). «Тысячкый же съ бояры... воротишася опять на полчище и не обрѣтоша *княжьи* своея» (Ипат. 214).

бою и княжье... «пишуче спце, яко *послахъ* корабль селико»... Кромѣ Искрусеви, посла Ольги, помѣщены въ договорѣ Коницаръ—посолъ Предславинъ и Сфандръ—посолъ жены Улѣба Изъ этого основательно выводятъ широкія права женщинъ въ областномъ управленіи при Игорѣ, что подтверждается нерѣдкими случаями княженія женщинъ въ Руси самостоятельно, или въ качествѣ опекуншъ, или по причинѣ продолжительныхъ отлучекъ мужей ихъ изъ стольныхъ городовъ. Въ пользу княгинь, по договорамъ, взимались постоянно нѣкоторыя повинности или «поклоны». Напримѣръ, посѣщавшимъ Смоленскъ нѣмецкимъ гостямъ вмѣнялось въ обязанность подносить *княгинѣ* «поставъ частины» (ст. 35 Смоленск. догов. 1229 г.). При поименномъ перечнѣ пословъ и гостей въ договорѣ Игоря, предъ именемъ Адуна [1]) поставлено слово «купець», а въ конъектурахъ—предъ именемъ Емига слово «купцы», (въ иныхъ спискахъ ошибочно «Куци»), дающія уважительный поводъ послѣдующіе 26 именъ относить, покрайней мѣрѣ частью, къ представителямъ лицъ торговаго состоянія, называвшихся: пребывавшія въ своемъ отечествѣ, въ своей землѣ, купчинами или купцами-торговцами, а въ чужихъ земляхъ—гостями [2]), какъ и у южныхъ славянъ—торговцами и гостями. Юридическіе памятники различаютъ «куплю и гостьбу», «купецкое дѣло и гостебное» (ст. 45 Русск. Пр. Кар. сп., ст. 93 Псков. Судн. Гр.). Въ Новгородѣ купцы, занимавшіеся торговлей съ чужестранцами, ходившіе въ Бирку, Регенсбургъ, Любекъ, Бременъ, Трусо и т. д., слыли за купцовъ «заморскихъ», велась ли торговля съ Греціей, съ Готландомъ, съ Швеціей, или съ Даніей, о чемъ есть въ лѣтописи извѣстія подъ 1130 и 1134 г., либо съ другими странами, Сухо-

---

[1]) У лонгобардовъ б. король Audin, ум. около 566 г. (Павелъ Діаконъ). Поляки называли русскихъ въ насмѣшку лонгобардами: «поженемъ на *великыя бороды*».. (Ипат. 534).

[2]) См. Уставъ Всеволода. (Русск. Достоп. I 81), Русскую Правду, а также ст. 102 Закон. Стефана Душана, и употребленіе слова гость въ болѣе широкомъ смыслѣ, напр., ляхи и угры считались *гостями* Изяслава (Ип. 279, 287). Князь Всеволодъ Мстиславичъ новгородскій, около 1130 г., предоставилъ пошлины попамъ св. Ивана Предтечи на Опокахъ «съ *купець* въ Руси», которые называются далѣе *гостями*. Въ Русской Правдѣ: «иного города *гость* или чюжеземець» Въ Новг. IV лѣтоп.: «и кто *купець-гостей*». (т. IV, стр. 30). Купецъ ходилъ *гостьбою* въ чужую землю (Лавр. 474). Въ Новгородѣ Антоній «обрѣте человѣка гречьскія страны гостбу дѣюща, купецкій чинъ имуща» (Жит. Ант. Римл. XII в.). Новгородцы и смоляне заходили въ Суздальскую землю *гостьбою* (лѣтоп. опис. липецкой битвы). «Суздальскому гостю *гостити* въ Новгородѣ безъ рубежа» (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 15, ср. лѣтоп. изв. подъ 1225 г. и др.), Къ Андрею Боголюбскому *гость* приходилъ изъ Царягорода и отъ иныхъ странъ изъ Руской земли (Ипат. 401). Въ Новгородъ прибыли псковскіе послы, въ томъ числѣ староста *купецкой* и староста *гостебной* и докончаша перемирье на 11 лѣтъ съ 1509 г. за всю Юрьевскую державу» (Обол. и Данилов. т. II, № 70).

путная торговля въ Руси производилась по издавна проложеннымъ трактамъ—«гостинницамъ» (Русск. Пр. ст. 88, Кар. сп. и др.), на которыхъ стояли гостинные пріюты—*гостинницы* [1]). Приходскіе торговые пункты—*погосты* были вмѣстѣ съ тѣмъ центрами окольной или окружной общественной жизни. Различіе купцовъ *пошлыхъ*, принадлежавшихъ къ купеческимъ сотнямъ (Догов. Казимира съ Новгор., духовн. Климента) отъ *не пошлыхъ* въ вышеприведенномъ Уставѣ Всеволода, причисляющемъ несостоятельныхъ купцовъ къ изгоямъ, *правыхъ* отъ *неправыхъ* въ Мстиславовой грамотѣ, или *добрыхъ* и *простыхъ* въ поученіи Владиміра Мономаха, уясняется позднѣйшими актами, которые различаютъ купцовъ малыхъ, середнихъ и большихъ (вятшихъ, нарочитыхъ [2]), богатыхъ, какимъ былъ купецъ родомъ торопчанинъ, постригшійся въ Печерскомъ монастырѣ (лѣтоп. подъ 1074 г. [2]). Первые вели малую торговлю (parva mercantia), «что *розницею* завутъ» (Догов. Полоцка съ Ригой 1407 г.). Царскій Судебникъ XVI в., въ ст. 26, оттѣняетъ купцовъ *большихъ* (купчинъ) отъ *середнихъ*. Купецкіи дѣти, *купчики* (Арх. Сб. I, 162), иногда упоминаются наряду съ дѣтьми боярскими (Новг. 1, 98—100)—болярцами (подъ 1015 г.) или сынами боярскими, которыхъ нѣкогда, въ Луцкѣ, Болеславъ польскій препоясалъ мечемъ (Ипат. 270). Подъ 1177 г. лѣтописецъ къ болярамъ и гридьбѣ присовокупляетъ «*пасынковъ*». Зажиточные купцы не только ссужали князей деньгами, но и пускали ихъ деньги въ торговые обороты (Русск. Пр. Кар. сп., ст. 69), пользуясь разными привиллегіями и образуя товарищества, члены которыхъ назывались «складниками». Купцы, принимавшіе всегда дѣятельное участіе въ снабженіи войскъ матеріальными средствами, были освобождены отъ дикой виры и подводной повинности, за исключеніемъ военныхъ надобностей, и пользовались особыми судебными гарантіями: «А дворяномъ твоимъ у купьцъ повозовъ не имати развѣ ратной вѣсти... Купцины въ силу не судити въ волости» (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 7, ср. № 10—11 [3]). Отнятіе этихъ льготъ считалось важнымъ нарушеніемъ. Въ договорахъ русскихъ съ нѣмцами неприкосновенность личности «купчины» огражда-

---

[1]) «И въ гостинницы... внидутъ невозбранно» (Русск. Достоп. I, 88—103). Уставъ Владиміра о церковн. судахъ знаетъ *монастырскія* гостинницы, и т. д.

[2]) См. о закованіи и освобожденіи *нарочитыхъ* (именитыхъ) гостей нѣмецкихъ и цареградскихъ (Ник. т. X, 164).

[3]) Въ Новг. I, на стр. 30, приведено распоряженіе, поразившее современниковъ своею несправедливостью: «Повелѣша по новгородцихъ куны брати, *по купцемъ виру дикую* и *повозы возити*». Уставн. грамота короля Александра Смоленской землѣ 1505 г. упрекаетъ урядничаго Николая Родзивилла, что онъ биралъ взвѣстки у гостей и купцовъ и что ихъ судилъ ловчій, тогда какъ судилъ ихъ издавна намѣстникъ смоленскій съ окольничими на королевскомъ дворѣ (Сб. Муханова № 85).

лась наряду съ послами, хотя голову купца сравнительно съ головою посла цѣнили вдвое меньше (10 гривенъ серебра) Купцы издревле, занимая почетное мѣсто послѣ бояръ и огнищанъ, принимали участіе во внутреннихъ «порядахъ» по приглашенію русскихъ князей (подъ 1167 г. и др.) и продолжали раздѣлять съ послами труды въ дипломатическихъ сношеніяхъ на правахъ второразрядныхъ агентовъ. Въ свитѣ Ольги, при посѣщеніи ею Царьграда, было 44 купца (negotiatores), присутствовавшихъ на дворцовомъ церемоніалѣ съ апокрисіаріями (De cerem.) и получившихъ подарки, нѣсколько менѣе цѣнные, нежели послы перваго ранга. Мирный договоръ Смоленска съ Ригой 1229 г. утвержденъ «всѣхъ купечь печатью». Въ 1300 г. владыка Феоктистъ послалъ рижанамъ грамоту отъ себя, отъ посадниковъ, отъ тысяцкаго, отъ всего Новгорода и «отъ всѣхъ купьцъ» (Изв. Ак. Н. X, 637). При заключеніи договоровъ съ Ганзою являлись представители какъ отъ русскаго купечества, такъ и отъ «*всѣхъ купьчь* латинскаго языка» (напр. Доп. Акт. Ист. I, № 8, Русск. Ист. Библ. т XV, № 6 и мн. др.). Дипломатическая миссія коммерсантовъ сводилась главнѣйше къ защитѣ отечественныхъ торговыхъ интересовъ. Въ многочисленныхъ договорныхъ грамотахъ XIII—XVII в. включено двустороннее условіе объ охранѣ и безпрепятственномъ пропускѣ пословъ и гостей, а также о томъ, чтобы ихъ «не порубати», т. е. не сажать въ порубъ—погребъ или дыбу [1]). Въ 1495 г. вел. князь велѣлъ поимати въ Новгородѣ гостей нѣмецкихъ за чиненіе многихъ обидъ великого князя гостемъ» (Воскр. т. VIII). Отправляясь въ чужія страны, купцы запасались оружіемъ и, въ случаѣ необходимости, примыкали къ военнымъ дружинамъ (Генрихъ Латышъ). Русскіе купцы, торговавшіе съ Греціею, назывались *гречниками*. Когда половцы, «шедше въ порогы начаша пакостити гречникамъ, Мстиславъ Изяславичъ молвилъ братьѣ, что половци пакостятъ «гречнику *нашему*» (Ипат. 360, 370). Греки привозили свои товары къ устьямъ Днѣпра: «Давидъ зая *греки* въ Олешьи и зая у нихъ имѣнье» (Ипат. 144). Долги по забору греческихъ и прочихъ иностранныхъ товаровъ въ кредитъ пользовались въ Руси преимущественнымъ удовлетвореніемъ (ст. 69 Русск. Пр. Кар. сп.). Двойственность терминовъ въ договорѣ 945 г. для означенія русскихъ торговцевъ: «Мы... *гостье*... и объчип сли .. *купець*» обличаетъ туземную подкладку договора, оформленнаго въ Византіи, гдѣ русскіе купцы являлись уже гостями. Сравнительно съ перворазрядными, позднѣе «великими» послами, гости получали менѣе роскошные подарки и довольствіе, причемъ снабжались не золотыми, какъ первые, но серебряными печатями, въ доказательство самоличности и прибытія въ Грецію безъ задней мысли, миролюбиво, по желанію русскаго правительства. Печати пословъ

[1]) «*Порубу* не быти ни въ чемъ на обѣ сторонѣ.... Хотя бы и былъ споръ объ отчинахъ, *посла и гостя* въ томъ *не порубати*» (Обол. и Данил. т. II, № 69).

и гостей прилагались, въ оттискахъ, къ дипломатическимъ актамъ въ доказательство достовѣрности послѣднихъ и имѣли вполнѣ оффиціальный характеръ. Менандръ, описывая заключеніе греками договора съ персами, свидѣтельствуетъ, что грамоты были запечатаны *перстнями* посланниковъ. Печати въ видѣ перстней, которые «ношаху», должны были выдаваться изъ великокняжеской канцеляріи, ибо и греческіе послы получали печати отъ императорскаго двора. Извѣстно, напр., что греческій императоръ далъ херсонитамъ *золотые перстни* съ его изображеніемъ для приложенія ихъ оттисковъ къ бумагамъ на его имя и для предъявленія послами, коимъ поручалась доставка бумагъ ко двору, въ удостовѣреніе подлинности таковыхъ (De adm. imp. гл. 53). По договору грековъ съ дунайскими болгарами 715 г., негоціантовъ въ обѣихъ странахъ надлежало снабжать поручительными предписаніями и печатями—«per praecepta et signacula commendari».. Въ силу торговаго договора, заключеннаго Владиміромъ св. съ волжскими болгарами 1006 г., русскимъ и болгарамъ предоставлено свободно торговать по Волгѣ и Окѣ, съ выдачею для сего тѣмъ и другимъ *печатей* (Татищевъ). Договоръ 945 г. устанавливаетъ строжайшій контроль надъ русскими торговцами со стороны греческихъ властей. Всѣхъ прибывавшихъ въ Грецію русскихъ греки обязывали, подъ страхомъ задержанія, предъявлять грамоты о числѣ отправленныхъ судовъ въ доказательство того, что «съ миромъ приходятъ», по порученію вел. князя и бояръ—блюстителей общенароднаго блага. Снабженіе купцовъ подобными письменными свидѣтельствами вошло у насъ въ торговую практику, которой придерживались и литовскіе князья [1]). Русскіе купцы и позднѣе часто отправлялись ко дворамъ иностранныхъ державъ въ качествѣ уполномоченныхъ. Въ 1001 г. «посла Володимеръ *гостей* своихъ акп *въ послѣхъ* въ Римъ». Много вѣковъ спустя торговыя сношенія продолжали регулироваться русскими князьями. Въ 1497 г. съ посломъ Михайломъ Плещеевымъ къ турецкому царю Баязету «о дружбѣ и любви... многихъ *гостей* изъ Москвы отпустили»... Въ 1550 г. вел. князь съ посломъ своимъ, назначеннымъ провожать крымскаго посла,—«отпустилъ многихъ *гостей* московскихъ», и т. д. (Воскр. лѣтоп. т. VIII, 233, 238).

Итакъ, судя по договорамъ X в., въ промежутокъ около 32 лѣтъ по смерти Олега произошелъ во внутреннемъ государственномъ строѣ Руси, продолжавшемъ носить теократическій оттѣнокъ, если не рѣзкій переломъ, о чемъ не можетъ быть рѣчи, то значительный успѣхъ въ регистраціи международныхъ отношеній параллельно съ признаками ослабленія автономіи областныхъ подручныхъ князей—«княжья», постепенно умаляющейся,

---

[1]) Напр. грам. Кейстута: «А кто пойдетъ съ сею грамотою черезъ Дорогичинъ, черезъ Мельникъ и черезъ Берестие до Лучьска, торговать исъ Торуня, изъ, князь Кестутий, не велю ихъ занимати» (Изв. А. Н., X, в. 7).

какъ и у южныхъ славянъ власть жупановъ съ половины X в.. При Игорѣ явственнѣе обрисовывается элементъ демократическій, который въ договорѣ Олега 912 г. нѣсколько заслоняется князьями-боярами, хотя и въ немъ слы и гости—по повелѣнію отъ всѣхъ... отъ всего *рода* русскаго, государственный пульсъ котораго бился въ Кіевѣ. Договорная хартія 945 г. испещрена именами не только мѣстныхъ правителей, но и депутатовъ отъ купечества, съ примѣсью именъ славянскихъ къ именамъ варяжскимъ, которыя принадлежали, вѣроятно, руководителямъ внѣшней торговли Руси. Въ сочиненіи заповѣди, по словамъ договорной грамоты, участвуютъ всѣ люди Русской земли: «*и отъ тѣхъ заповѣдано* обновити ветъхій миръ навсегда съ царями, съ боярствомъ греческимъ и со всѣми людьми греческими». Какъ бы нибыло, но этотъ мирный договоръ оказался прочнѣе предъидущихъ, долго не подвергаясь радикальнымъ измѣненіямъ при подтвержденіи его, когда угасали вспышки раздоровъ между греками и русскими при Владимірѣ св. и Ярославѣ I-мъ, по лѣтописной поговоркѣ «миръ стоитъ до рати, а рать—до мира». 31 мая 946 г., т. е. вскорѣ по заключеніи Игоремъ мирнаго договора, при торжественномъ пріемѣ царями Константиномъ и Романомъ пословъ эмира тарсійскаго стояли на дворцовомъ посту тѣлохранителей крещеные россы, вооруженные мечами и щитами, съ знаменами въ рукахъ. Въ 949—952 г., когда писалъ императоръ Константинъ соч. «De adm. imp. (гл. 29 и 45), миръ соблюдался и россы приднѣпровскіе, прибывая въ Византію, принимали участіе въ упоминаемыхъ греческими авторами походахъ грековъ на критянъ около 949, 961, а также въ извѣстномъ и арабамъ сицилійскомъ походѣ грековъ 964 г. (Нуваиръ), еще при жизни Ольги. Большая твердость мира 945 г. могла зависѣть и отъ наличности въ томъ договорѣ христіанскаго зерна, питавшаго самый языкъ его, болѣе стройный, чѣмъ въ договорѣ 912 г., но по систематизаціи матеріала договоръ 945 г. значительно уступаетъ договору 912 г. Желаніе вдовы Игоря Ольги († 969 г.) укрѣпить любовь русскихъ къ грекамъ, совпадавшее, по свидѣтельству кіевской лѣтописи и монаха Іакова, съ ея намѣреніемъ принять крещеніе, вызвало, осенью 957 г., какъ полагаетъ большинство нашихъ историковъ [1]), поѣздку ея, въ сопровожденіи сильной флотиліи, съ блестящей и многолюдной посольской свитой, въ Царьградъ, гдѣ,—разсказываетъ лѣтописецъ (Ипат. и Радз. сп.),—императоръ Константинъ Порфирородный, сынъ Льва Премудраго, по просьбѣ Ольги, лично воспринялъ ее отъ купели, а по разсказу греческаго вѣнценосца, была устроена двукратно (9 сентября и 18 октября) торжественная

---

[1]) Ср. Krug: Chronol. d. Byzant. 280; Wilken: Über. d. Verhältn. d. Russen zum Byzant. Reiche 109, и др.

встрѣча во дворцѣ вел. княгинѣ, ея родственницамъ, посламъ русскаго княжья, русскимъ гостямъ, переводчикамъ, ея духовному отцу—пресвитеру Григорію и слугамъ (De ceremoniis aulae byzantinae). Ольга, получивъ драгоцѣнныя подношенія—«царь дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды разноличныя»,—въ томъ числѣ великое блюдо, пожертвованное ею св. Софіи цареградской (Путеш. Антонія архіеп. Новг.), «*иде съ миромъ* въ свою землю». Такъ и въ текстѣ договора: «*оже съ миромъ приходятъ*», а въ 1239 г. татары изъ Чернигова пришли въ Кіевъ «*съ миромъ*, смирившимся со Мстиславомъ, и съ Володиміромъ, и съ Даніломъ» (Соф. лѣтоп.). Едва-ли договоръ 945 г. не получилъ оффиціальнаго подтвержденія во дни посѣщенія Ольгою Царьграда. На такую мысль наводитъ продолжительность пребыванія ея въ Царьградѣ, самый составъ ея свиты и извлеченное лѣтописью, повидимому, изъ протоколовъ посольскихъ переговоровъ (по Никон., чрезъ посла Косомѣра) обѣщаніе ея царю, на основаніи условія Игорева договора (о военномъ пособіи), «прислать воя многа въ помощь», которое она будто-бы упрямилась исполнить, доколѣ кумъ ея не постоитъ у нея въ Почайнѣ, какъ она постояла у него «въ «Суду». Тѣмъ не менѣе, арабскій поэтъ Аль-Мутанаби, писавшій около 955 г., сложилъ стихъ, упоминающій о нападеніи соединенныхъ отрядовъ Рума (грековъ) и Руса на крѣпость Хадатъ (А. Гаркави: Сказ. мусульм., пис., XV). Итакъ Ольга ѣздила въ Царьградъ не изъ простого любопытства, какъ полагаетъ Голубинскій, отвергающій принятіе ею *тогда* крещенія, (Ист. русск. цер. I, 1, 67), а для обновленія мира при непосредственномъ сближеніи съ греческимъ дворомъ, и, можетъ быть, съ религіозною цѣлью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ договорѣ 945 г. есть самостоятельная статья о Корсунской странѣ и черныхъ болгарахъ. Греки обѣщаютъ русскому князю оказывать военную помощь, какая понадобится въ случаѣ предпріятія имъ военныхъ дѣйствій въ земляхъ, сопредѣльныхъ Корсунской странѣ: А что касается Корсунской страны, то сколько есть городовъ на той части, да не имѣютъ или не имѣете (на нихъ) права («волости») князья русскіе. (Когда) воюете на тѣхъ странахъ,—и та страна не покоряется вамъ,—тогда, если попроситъ воиновъ у насъ князь русскій, съ тѣмъ чтобы воевать,—дадимъ ему, сколько ему будетъ потребно. Русскіе взаимно обязываются посылать грекамъ, по письменному требованію ихъ правительства, вспомогательныя войска въ достаточномъ количествѣ противъ враговъ Греціи и не допускать черныхъ болгаръ ко вторженію въ ея владѣнія. Запрещеніе «князьямъ русскимъ» (Ипат., Радз. и др., въ Лавр. «князю») воевать Корсунскую страну («велимъ») нѣкоторые историки, подобно Н. Ламбину, приводятъ

въ связь съ обособленностью Приазовской Руси, усматривая въ такомъ запретѣ слѣдъ какого-то очень стараго договора грековъ съ окрестными русскими князьями (О Тмутор Руси), съ чѣмъ нельзя не согласиться, ибо Корсунская страна подпала нѣкогда подъ власть тавроскифовъ и освобождена отъ нихъ полководцемъ Митридатомъ и Евпаторомъ Діафантомъ (Херсонск. надпись, въ XII т. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.). Трудно разсѣять мракъ, окутывающій древнѣйшую судьбу разноплеменнаго Тмутороканскаго княжества, слившагося въ половинѣ XI в. настолько съ Кіевомъ, что по смерти Ростислава тмутороканскіе граждане, чрезъ епископа Никона, умоляли вел. кн. Святослава отпустить къ нимъ на княженіе сына своего Глѣба (Житіе Ѳеодосія). Изъ лѣтописнаго сообщенія подъ 1066 г. мы узнаемъ, что сидѣвшіе тамъ русскіе князья обнаруживали неуклонное стремленіе подчинить себѣ сосѣднія земли не только восточныя, но и западныя, на которыя Византія простирала свое владычество, пока наконецъ и Тмутороканская область и Корсунь не сдѣлались добычей половцевъ въ 1096 г. при Всеволодѣ Ярославичѣ (Тверск. лѣт.), что подтверждается лѣтописнымъ повѣствованіемъ—о походѣ половцевъ на грековъ «съ Девгеньевичемъ» въ 1095 г. Когда князь Ростиславъ Владиміровичъ подворился въ Тмуторокани, собирая дань у побѣжденныхъ Святославомъ Игоревичемъ касоговъ и *у иныхъ странъ*, то греки измѣнически подослали къ нему корсунскаго правителя—«к тепана»[1]), которымъ русскій князь и былъ отравленъ въ разгарѣ пиршества. За Ростислава отомстили мятежные корсунцы, побивъ каменьями ненавистнаго имъ правителя. Очевидно, пріязненное сближеніе руссовъ съ херсонитами возникло задолго до половины X в.. Херсониты часто возмущались противъ греческихъ императоровъ и испытывали на себѣ жестокое ихъ мщеніе, какъ напр., свергнутаго съ престола Юстиніана Ринотмета. По словамъ Константина Порфир., въ случаѣ возстанія херсонитовъ противъ греческой власти, имъ угрожало прекращеніе доступа къ нимъ изъ окраинъ Понта кораблей съ хлѣбомъ, виномъ и иными припасами (De adm. imp. гл. 53). Херсониты посѣщали русскія земли, откуда возвращались, переправляясь чрезъ Днѣпръ около мѣста, назыв. Крарійскимъ перевозомъ (Ib. гл. 9). Наши договоры X в. предусматриваютъ безпрестанныя стычки херсонитовъ съ русскими рыболовами близъ днѣпровскихъ устьевъ[2]), по сосѣдству съ Олешьемъ, (нынѣ Алешки), на итальянскихъ картахъ Висконти и Барбаро «Ellexe, Elice», древняя Илея, однимъ изъ главныхъ пунктовъ хлѣбной торговли, которую вели съ сосѣ-

[1]) Ср. «capitanatus»; въ грам. XII в. «catepanitium» у Taf. и Thom.: Font. rer. Austr. XII, 262.

[2]) «Черное море богато рыбой, въ безчисленномъ множествѣ плывущей оттуда въ Византію» (Тацитъ: Annal. lib. XII, § 65).

дями жители Приднѣпровья--борисфениты еще во времена Геродота, гдѣ были захвачены «грекы» Давидомъ Игоревичемъ и откуда, въ 1164 г., возратился посолъ княжескій Гурята, отряженный Ростиславомъ къ греческому царю по поводу поставленія Клима митрополитомъ, а въ 1213 г., на лодьяхъ, къ нижнему Днѣстру привозили рыбы и вино (Ипат. 144, 346, 491). Добываніе херсонитами соли у Некропильскаго залива (De adm. imp. гл. 42) свидѣтельствуетъ, что Перекопъ былъ однимъ изъ крайнихъ пунктовъ *соляного пути*, по которому русскіе купцы отправлялись за солью въ Крымъ (Рубруквисъ) къ Геническимъ озерамъ, гдѣ нѣкогда херсониты добывали соль (Конст. Порфир.), и одно развѣтвленіе котораго доходило до Хаджибея (нынѣ Одесса), судя по позднѣйшимъ договорнымъ актамъ о разрѣшеніи русскимъ безпрепятственно «до Качибея по соль ѣздити и брать» [1]). Усиленная забота грековъ объ охранѣ корсунскихъ владѣній вызывалась тѣмъ, что имъ грозила опасность не только отъ руси, но и отъ черныхъ болгаръ.

Вопросъ о *черныхъ* болгарахъ и ихъ вторженіяхъ въ Корсунскую страну представляется запутаннымъ по причинѣ разночтеній лѣтописныхъ сводовъ и отсутствія вполнѣ точныхъ указаній на географическое положеніе Черной Болгаріи, извѣстной лишь изъ упомянутаго договора и соч. «De administrando imperio» [2]). «А о сихъ оже то приходять чернии болгаре, воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю рускому да ихъ не поусчаеть пакост(ит)ь странѣ той» (Лавр.). Предпочитая это изложеніе Ипатскому тексту, значительно испорченному, мы устраняемъ и всякія сомнѣнія относительно довольно яснаго смысла статьи. Черная Болгарія — восточная часть древней Болгаріи, населенная преимущественно гунно-болгарскими племенами котраговъ или кутургуровъ [3]) и прилегающая къ низовьямъ Волги и къ р. Кубани (Куфисъ), съ IX вѣка въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ руссами (Ліудпрандъ) и Тмутороканскою областью, обни-

---

[1]) «А которые соленики приходять по соль до Качибіева» (Обол. и Данилов.: Кн. посольск. в кн. Литов. I, № 19 и 40). Ссылки на этотъ актъ нѣтъ у А. Маркевича: Городъ Качибей или Гаджибей, предшеств. гор. Одессы По договору 1540 г. Сигизмунда I съ ханомъ С. Гиреемъ... «Купцы коруны Польской и в. княж: Литовскаго маютъ добровольно въ Качибіевѣ соль брати и мыта подлугъ давнаго обычая заплатити, до Кіева и до Луцка и до инщихъ городовъ соль привозити. Купцамъ панства нашего... вольно пріяти и торговать до Перекопа и до Кафы» (А. З. Рос. II, № 220). Изъ Качибея въ 1415 г. король Ягайло послалъ хлѣбъ греческому императору (Длугошъ, гл. XI).

[2]) Статья, касающаяся корсунскихъ интересовъ, весьма подробно изслѣдована Н. Ламбинымъ, но не такъ-то удачно возстановлена (о Тмуторок. Руси).

[3]) Не менѣе сильная вѣтвь болгаръ—утургуры въ VI в. разрушили Фанагорію и захватили Таврическій полуостровъ отъ Босфора до Херсонеса (Прокопій) и въ лицѣ князя своего Гордаса, принявшаго крещеніе, заключили договоръ съ Юстиніаномъ I мъ обязавшись защищать сопредѣльныя греческія владѣнія (Феофанъ, Анастасій, Кедринъ).

мавшею обширную территорію въ видѣ *особаго государства* (Абульфеда, гл. VII, по Рено), и Хозаріей, населеніе коей дѣлилось на хозаръ черныхъ и бѣлыхъ. Черная Болгарія, по выраженію Константина Порфиророднаго (около 952 г.), *могла воевать* послѣднюю и съ нею имѣли частыя сношенія днѣпровскіе руссы, проникая туда морскимъ путемъ (De adm. imp. гл. 12 и 43). Такъ какъ узы *могли воевать* хозаръ, потому что *граничили съ ними* (Ib. гл. 10), то и Черная Болгарія граничила съ Хозаріей. Черною называлась древняя Болгарія, вѣроятно, по своей зависимости отъ наложившихъ нѣкогда на нее дань хозаръ (Феофанъ, ср. Прокопія). Быть можетъ, убійство Аскольдова сына болгарами (Никонов.) имѣетъ связь съ давней попыткой руссовъ подчинить себѣ восточную Болгарію, какъ справедливо полагалъ Ключевскій (Боярск. Дума древн. Руси). До 945 г. Черная Болгарія, очевидно, примкнула тѣсно къ Руси и состояла подъ властью русскаго в. князя; иначе нельзя понимать рѣзкое договорное *велѣніе* ему преградить доступъ къ Корсунской странѣ черным болгарамъ, приходившимъ туда съ враждебными цѣлями. Нѣкоторые арабскіе писатели знаютъ черныхъ болгаръ подъ именемъ бургаръ; другіе, какъ Ибнъ-Даста, называютъ ихъ также булгарами, получавшими товары отъ руссовъ, и помѣщаютъ въ низовьяхъ *Черной* рѣки—Волги, она жь Итиль, (съ которой Ядризи сближаетъ названіе Черной Куманіи), по сосѣдству съ руссами, хозарами и буртасами (бартами), на югъ отъ *серебряныхъ* болгаръ нашей лѣтописи, упоминаемыхъ и въ Похвалѣ Владиміру монаха Якова». О бургарахъ мусульманскіе авторы сообщаютъ то же, что Игоревъ договоръ и императоръ Константинъ о черныхъ болгарахъ. Въ бургарахъ нельзя не узнать черныхъ болгаръ, ибо, имѣя прямыя торговыя сношенія съ руссами, жившими въ хозарской странѣ и около нея, бургары нападали на византійскія владѣнія и вели войну съ хозарами (Массуди, Казвинъ, Ал.-Бекри). Самое переселеніе болгаръ на Дунай, гдѣ арабы помѣщаютъ Великую Булгарію, наша лѣтопись ведетъ «отъ страны козаръ». Тяготѣніе черныхъ болгаръ къ руссамъ началось не позже 943 года, времени второго похода руссовъ на Прикаспійскую область, гораздо болѣе удачнаго, чѣмъ походъ на нее 913—914 г. (Якутъ, Абульфеда и др.), когда бургары, воспользовавшись пораженіемъ руссовъ, истребили остатки ихъ дружинъ. При Святославѣ уже все юговосточное Приволжье сливалось съ Русскимъ государствомъ. Очень возможно, что черные болгаре вошли въ пеструю массу тѣхъ инородцевъ, въ томъ числѣ переяславскихъ торковъ, которую лѣтопись знаетъ подъ именемъ *черныхъ* клобуковъ [1]). Между ними были и *турпьи*, упоми-

[1]) Нѣкоторые производятъ это названіе отъ избраннаго Абассидами чернаго цвѣта одежды и чалмы, въ которыя облекались волжскіе болгаре по принятіи магометанской вѣры (П. Кеппенъ: О волжскихъ болгахъ). Прикаспійскихъ и волжскихъ болгаръ лѣтописецъ дѣлитъ на двѣ отрасли: *хвалисовъ* и собственно *болгаръ*, производя всѣхъ ихъ отъ дочери Лота (Лавр. 226).

наемые лѣтописью подъ 1150 г., вѣроятно Страбоновы *Tarpeles*, въ окрестностяхъ Меотіи, берега которой, по его показанію, населяли земледѣльцы, распадавшіеся на разные роды. Роль черныхъ болгаръ въ XII в. играли переяславскіе торки, участвовавшіе въ походѣ руссовъ въ концѣ того вѣка на корсунцевъ за ограбленіе русскихъ кораблей, побѣдѣ надъ ними и заключеніи съ ними мира (Татищевъ, т. II, 211).

Придерживаясь намѣченной мною программы — начертанія внѣшней исторіи договоровъ русскихъ съ греками X в. и анализа ихъ состава по содержанію и лексическимъ особенностямъ, предварительно подробнаго разбора чисто юридическаго ихъ существа—договорной Правды, сдѣлаю бѣглый обзоръ звѣньевъ той цѣпи, которая соединяетъ договоры, и разовью свой взглядъ на процедуру созиданія каждаго договора въ отдѣльности. По содержанію своему договоры 907 и 945 г., какъ мною было замѣчено, весьма сходны. Однѣ положенія уставленныхъ главъ мира и любви перваго повторены почти буквально послѣднимъ, другія—съ варіаціями и дополненіями, соображенными съ договоромъ 912 г. О путевой субсидіи, объ оснащеніи лодей при возвращеніи русскихъ изъ Греціи повторено въ 945 г. со ссылкою на прежнія установленія: «яко же уставлено есть первое» [1]). Выговоренное договоромъ 907 г. право приходящихъ въ Грецію русскихъ пользоваться вдоволь баней—«да творять имъ мовь (въ иныхъ спискахъ—«мовницы») елико хотять» не затрогивается договоромъ 945 г. (о немъ умалчиваетъ и договоръ 912 г.) но, очевидно, проживая за стѣнами Царьграда, русскіе безъ цистернъ для мытья никогда обойтись не могли.—Если при оцѣнкѣ договоровъ исходить изъ средневѣкового международнаго обихода, то ихъ пробѣлы или недочеты не позволяютъ заключать о крутыхъ переворотахъ въ договорныхъ условіяхъ. Отдѣльныя постановленія договоровъ, съ теченіемъ времени повидимому исчезнувшія, воскресаютъ въ преобразованномъ видѣ, иногда съ приращеніями, иногда съ урѣзками и передѣлками. Недомолвки въ повторныхъ изліяніяхъ международной любви далеко не исключали продолженія дѣйствія давнихъ дружественныхъ обязательствъ, скрѣпленныхъ клятвеннымъ увѣреніемъ вѣчнаго мира, хотя бы въ новомъ договорѣ о нихъ умалчивалось, говорилось глухо или мелкомъ, и въ этомъ отношеніи возраженія, сдѣланныя Эверсу изслѣдователями, полагавшими, какъ Сокольскій, что статьи 912 г. и ихъ подробности, не вошедшія въ договоръ 945 г., были отмѣнены (О догов. русск. съ грек., стр. 5), оказываются слишкомъ поспѣшными. Прежнія льготы, въ новый договоръ невключенныя, попадали, впрочемъ, неизбѣжно въ зависимость отъ произвола предоставившей ихъ державы, несмотря на

[1]) Ср. въ латинскихъ грамотахъ: «erat antiquitus institutum».

обѣщаніе соблюденія «елико по силѣ» постояннаго мира. Тяжеловатый, топорный и въ высшей степени лаконическій слогъ нѣкоторыхъ главъ договорныхъ, мѣстами косвенно отражающихъ въ себѣ, въ разнообразной окраскѣ, давнія условія дружбы, иногда затрудняетъ уловить ихъ аналогію. Приведу нѣсколько наглядныхъ примѣровъ. Договоръ 945 г. намекаетъ на мѣсячное довольствіе будто на что то ранѣе извѣстное и совершенно безспорное: «возмутъ мѣсячное *свое*». Подраздѣленіе полагавшихся въ мѣсячное довольствіе припасовъ—«хлѣбъ, вино, мясо, рыбы, овощь» и продолжительность его срока—шесть мѣсяцевъ въ году—опредѣлены договоромъ 907 г. Полугодичный срокъ довольствія удержанъ договоромъ Игоря, согласуясь съ запретомъ для русскихъ *зимовать* у св. Мамы по догов. 907 г., а также, по догов. 945 г., и въ устьѣ Днѣпра Бѣлобережьи, «ни» у св. Елферья,—не названный по имени Страбоновъ *островъ съ портомъ* противъ устья Борисфена, «insula» s. Aetheri» по Конст. Порфирор., гдѣ недавно выкопано множество древнегреческихъ сосудовъ: «егда придетъ *осень*, да идутъ въ домы своя въ Русь». Бѣлобережье правильно принимаютъ за островъ Березань, особливо, мнѣ кажется, потому, что въ Ипатскомъ спискѣ Бѣлобережье—*Бѣлобережанъ* [1]). Насколько важна была упомянутая льгота, видно изъ того, что въ 941 г. руссы вынуждены были возвратиться изъ Греціи за недостаткомъ продовольствія (Theophil cont. и др.).—Сравнивая договоръ 945 г. съ предшедшими договорами, многіе недоискиваются въ нихъ указанія на право вел. князя и его бояръ посылать въ Грецію «корабли елико хотятъ, съ послы своими и съ гостьми», относя добавленную къ этому ссылку «якоже имъ *уставлено* есть» къ какому либо недошедшему до насъ договору, тогда какъ, въ дѣйствительности, (см. II гл.) и договоръ 907 г. указываетъ на неограниченное право русскаго правительства отряжать въ Грецію пословъ и гостей: «да *приходячи*

---

[1]) По словамъ импер. Константина, отъ острова св. Георгія—Хортицы, гдѣ 300 лѣтъ спустя собирались на лодьяхъ, русскіе князья противъ татаръ, до остр. св. Елферія—Березани путешествіе руссовъ было продолжительно. Достигнувъ *того* острова (Хортицы), руссы отдыхаютъ тамъ два или три дня, совершая жертвоприношенія, оснащая свои однодеревки парусами, мачтами... Оттуда (отъ Хортицы) они далѣе плывутъ по р. Днѣпру (Δαναπρίν) и, добравшись благополучно (до о. Березани), тамъ опять отдыхаютъ. При благопріятной же погодѣ они, выйдя на берегъ, шли къ т. наз. *Бѣлой* рѣкѣ... (ср. Балава у Массуди) и направлялись къ Селинѣ, рукаву Дуная. Рѣка Бѣлая, по моему убѣжденію, - *Бѣлогрудовское* гирло Днѣпра. Морское побережье между Днѣпромъ и Днѣстромъ у Константина—*Золотой* берегъ, названіе донынѣ удержавшееся близъ Одессы, у Большефонтанскаго мыса. Въ XVI в. Бѣлобережьемъ называлось и среднее теченіе Днѣпра около устьевъ Сулы (См. документальныя ссылки, сдѣланныя Грушевскимъ въ Очеркѣ ист. Кіевской земли, стр. 33, прим. 6).

русь слѣбное» («хлѣбное» нѣкот. сп.) емлють «*елико хотячи*», независимо отъ числа направляемыхъ въ Грецію русскихъ кораблей. *Установленіемъ*, заимствованнымъ изъ ранѣе заключеннаго договора—«яко же *уставлено есть преже*», оказывается и положеніе 945 г. о цѣнѣ въ днѣ паволоки за бѣжавшаго челядина русскаго (см. IV главу). Платежъ паволоками соображенъ съ спеціальнымъ тарифомъ подлежавшихъ вывозу греческихъ паволокъ, стѣснительному для всѣхъ посѣщавшихъ Грецію иностранцевъ (болгарскій догов. 715 г. и свидѣт. Ліудпранда). Паволоки—«румскій дибаджъ» у Ибнъ Фадлана (920—930 г.)—разрѣшалось, по договору 945 г., каждому русскому покупать лишь на 50 золотыхъ—«да не имѣютъ волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ», съ тѣмъ чтобы на купленные предметы налагались клейма царевымъ мужемъ: «и отъ тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть [1]), да показываеть цареву мужу; и (онъ) тъе (вар. «то») запечатаетъ и дасть имъ» [2]). Подобное торговое ограниченіе, по отпуску продаваемаго товара, мнѣ удалось найти въ договорѣ грековъ съ венеціанами 1147 г.: «habet veneticus medium metrum et rubum apud se, et cum ipso vendat usque ad *quinquaginta libras*». (Taf. и Thom. Font. rer. Austr. XII, № 49).

Приступаю ко второй группѣ ссылокъ, свойственныхъ каждому отдѣльному мирному договору русскихъ съ греками и объединяющихъ предварительные переговоры о мирѣ съ ихъ непосредственнымъ матеріальнымъ послѣдствіемъ, коль скоро они вѣнчались успѣхомъ. Группа эта сводится къ типичному выраженію въ началѣ каждой мирной грамоты: «Равно другаго *свѣщания*», послужившему однимъ изъ поводовъ вмѣненія составителямъ русскаго текста мирныхъ грамотъ слѣпой подражательности греческимъ образцамъ при изложеніи договорныхъ формулъ, въ коихъ наши лингвисты, историки и правовѣды усматриваютъ буквальный переводъ, очень неискусный и даже невѣжественный, съ греческаго. Большинство ученыхъ, напр., Пахманъ въ диссертаціи «О судебныхъ доказательствахъ (стр. 22 прим.), Тобіенъ (Die ältesten Tractate Russland's, стр. 23—26) и Погодинъ (Изслѣд. т. I, 126), приведенное выраженіе неправильно переводятъ: «по примѣру *прежняго* договора». У Лавровскаго же оно имѣетъ слѣдующій смыслъ: «*списокъ* съ другой *договорной грамоты*» (О виз. элем.

---

[1]) Примѣры употребленія этого глагола, приведенные въ Словарѣ др.-русск. яз. И. Срезневскаго, дополню выраженіемъ «взяти изъ бусы *черезъ край* въ лодью» (Обол. и Данил. т. II, № 69).

[2]) Издатели Лавр. лѣтоп. едвали правильно дѣлятъ тъе на тъ é; ср.: «да возвратять é (его, т. е. челядина) опять»... «да наслѣдить é». Такая усѣченная форма употребляется вмѣсто «его», иногда же вмѣсто глагола «есть».

яз. догов. русск. съ гр., стр. 52, 59, 121). Авторъ придаетъ съвѣщанію узкое значеніе изготовленной грамоты и усиливается опровергнуть воззрѣніе Карамзина, Эверса, Соловьева и нѣкот. другихъ на вступительную фразу, какъ на *предварительное соглашеніе*, прибавлю, преданное письму. Взглядъ Лавровскаго, подкрѣпленный неосторожно истолкованными имъ выдержками изъ Кормчей, страдаетъ большими недостатками. Въ дѣйствительности мирное совѣщаніе имѣетъ широкій смыслъ. Оно отъ корня своего—переговоровъ переносится въ договорный текстъ, а затѣмъ въ грамоты, подлежащія обмѣну между сторонами, воплощаясь въ принятыхъ условіяхъ: «И таковое *написаніе* дахомъ на утвержение обоему пребывати *таковому свѣщанию*... на утвержение и на извѣщение межи нами бывающаго мира» (912 г.). «Мы же *свѣщание* все (въ Лавр. и Соф. «свѣщаниемъ») *написахомъ на двою харатью*... на роту идуть хранити *истину*, яко мы *свѣщахомъ*, *написахомъ* на харатью» (945 г.)—«Игорь *глагола* съ ними (греческими послами) о мирѣ... «велѣша *глаголати*, *писати* обоихъ рѣчи на харатью». Святославъ клялся Цимисхію на договорныхъ хартіяхъ соблюдать все то, въ чемъ поклялись русскіе послы: «и утверждаю *на свѣщаньѣ* семь роту свою»,—да схранимъ «правая *свѣщанья*». Это нисколько не помѣшало Лавровскому отвергнуть, безъ надлежащей справки съ историческими фактами и средневѣковыми дипломатическими обрядами, всякую связь «свѣщаній» внѣ тѣхъ рамокъ, въ которыя онъ вставляетъ двѣ равнаго содержанія грамоты—греческую и русскую. Плодомъ увлеченія Лавровскаго явился такой неточный, хотя заманчивый для многихъ (м. проч. Владим. Буданова) переводъ заголовка знаменитаго Святославова мирнаго акта «Равно другаго съвѣщанья» и т. д.: *списокъ* съ другой договорной грамоты, находящейся и у Святослава, и у Свѣнельда, и у *Іоанна*.. Съ помощью классическихъ руководствъ, *бывшее свѣщаніе* обращается ученымъ авторомъ въ *находящійся* (*у обѣихъ сторонъ*) *списокъ* (стр. 53—60, 95). При обмѣнѣ договорныхъ грамотъ, въ которыхъ каждая держава излагала содержаніе договора, съ одностороннимъ своимъ вступленіемъ и послѣсловіемъ, такія грамоты не могли быть вполнѣ равны между собою. Равны были въ нихъ лишь принятыя, по соглашенію, мирныя условія. Лавровскій игнорировалъ и уравненіе съ *происходившимъ* въ 912 г. совѣщаніемъ («равно съвѣщания *бывшаго*»)... Подлинный смыслъ весьма важнаго въ древнерусскомъ дипломатическомъ языкѣ термина «съвѣщание» наилучше раскрывается сличеніемъ аналогичныхъ терминовъ въ отечественныхъ и иностранныхъ памятникахъ съ отдаленнѣйшихъ временъ [1]).

---

[1]) Въ лѣтописномъ разсказѣ: «Свѣщаша русь, идоша вооружившеся на греки» (941 г.), послѣ обхода ее 40 тысячнымъ греческимъ войскомъ съ македонскими и фригійскими полками.—«Умыкаху жены себѣ, съ нею же кто *свѣщашеся*».—«Ярославъ съ епископы своими русскими *свѣщаше*» (о поставленіи Иларіона митрополитомъ). По словамъ

Соглашеніе или сговоръ, уговоръ пос. овъ исходитъ какъ-бы отъ самихъ договаривающихся державъ, въ западно-русскихъ актахъ «сгода, умова, смолва, у римлянъ sponsio [1]). Въ актахъ XVI в. замѣчается склонность къ замѣнѣ съвѣщанія сговоромъ: «Въ обычаѣ м.я.и добрыхъ государей послы ѣздятъ и дѣла межъ ихъ дѣлаютъ по *сговору* на обѣ стороны. Отъ прародителей нашихъ... отъ королей польскихъ послы ѣздили и дѣла великія дѣлывались на обѣ стороны, *уговоря*. Да какъ придутъ на добрый *конецъ* .. и они дѣло сдѣлавъ, безъ зацѣпки прочь поидуть, а которые дѣла не придутъ на *доброе согласіе*, и они, не сдѣлавъ дѣла, прочь поидуть» (Соловьевъ: Ист. Рос. т. V, гл. 3, перегов. съ Герберштейномъ). Въ письмѣ императора Максимиліана I-го къ в. кн. Василію Іоанновичу отъ 1509 г. упоминается извѣщеніе г. Любека и иныхъ 72 союзныхъ городовъ ганзейскихъ, что жильцы и купцы этихъ городовъ «отъ древняго нѣкоего обычаа и *сгласіа* въ старину межъ предковъ вашихъ и тѣхъ обществъ учиненнаго и знаменіемъ крестнымъ утвержденнаго, свободнѣ имѣли товары и благаа своя въ градахъ или въ подвластіе Новгородское возити и туто и индѣ по государству вашему торговли межь собою творити» (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 56). Приведу еще типичную грамоту изъ переписки Іоанна Грознаго съ Сигизмундомъ Августомъ 1556 г., редакти-

---

самого Иларіона, князь «съ епископы снимаяся часто *совѣщавшеся*, како... законъ уставити».—«Се есть совѣтъ золъ, иже *свѣщеваютъ* на кровопролитье».—«Не ими, княже, вѣры братьи наю, суть ся *свѣщали* (съ) черниговскими князи» (Лавр. 13, 465, 980; Никон. т. IX, 83).—«Игорь *свѣча* съ Лавромъ бѣжати».—Володимеръ пришедъ *свѣчався* съ Олговичи». «*Свѣщашася* перельстити князя своего». Въ 1159 г. «съвѣтъ золъ *свѣщаша* на князя своего полочане».—«*Свѣщано* есть, яко убьену ти быти» (Ипат. 231, 438, 508). Въ 1097 г. «Свя тополкъ *свѣпть* створи съ ляхы, обѣщая помощь на Давида» (Лавр. 259). То же на юридическомъ языкѣ, напр.—«*свѣщати* цѣну» (Русск. Достоп. II. 164, Догов. Новг. съ Казиміромъ ст. 10). Въ Кормчей: «По волѣ и *совѣщанію* (обоюдному соглашенію) разрѣшити бракъ». Договоръ купли-продажи характеризуется въ ней двумя моментами—*совѣщаніемъ* и *кончаніемъ*, т. е. предварительнымъ соглашеніемъ и окончательнымъ заключеніемъ, завершеніемъ договора. Одинаковое понятіе соединяютъ съ совѣщаніемъ южнославянскіе памятники; напр. въ Законѣ царя Юстиніана о записаніи, по списку у Р. Губе, ст. 18: «Аще два земледѣлателя между собою *свѣщаетасе* замѣнити нивіе»... (О знач. римск. и римск.-визант. элем. у южн. слав., прилож.). Въ Воскрес. лѣтоп. ставится на видъ нарушеніе совѣщанія епископомъ Варсонофіемъ: «Преступи свое *свѣщаніе*» (т. VIII, 258). Договоры, какъ между народами, такъ и между князьями всегда опираются на предварительное взаимное соглашеніе, напр. при заключеніи мира персовъ съ греками были утверждены условія, на которыя *согласились* послы персидскіе и греческіе (Менандръ). Въ договорѣ 1389 г. «яко же уставлено и *сглашено бысть* се промежи насъ» (А. Ист. I, № 252).

[1]) Наука строго различаетъ *sponsiones*—взаимныя соглашенія дипломатическихъ агентовъ, отъ *foedera*, *pactiones* (Laurent: Hist du droit des gens. II. 194—196).

рованную подъ вліяніемъ лѣтописи и содержащую въ себѣ, подобно многимъ грамотамъ, воспоминаніе о Рюрикѣ,—«иже былъ господиномъ у Великомъ Новеграде,... Владимірѣ Святославичѣ, иже крести Рускую землю и тытулъ царскаго именованья на себя положилъ,... о внукѣ его Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ, иже тытуломъ царскаго именованья вѣнчанъ бысть *съ прошеніемъ мира* греческаго цара Костянтина Манамаха» [1]). Въ обращеніи къ Сигизмунду Грозный между прочимъ писалъ: «А што еси, братъ нашъ, приказывалъ намъ своими послы, што хочетъ съ нами *советъ* учинити... и намъ бы съ тобою... *добрую смолву и миръ вѣчный* учинити... Учинилъ бы еси съ нами *совѣтъ*... и похочешь ли... и нынѣ съ нами любовънаго *согласія и миру вѣчнаго*» (Обол. и Данилов.: Кн. посольск. в. княж. Литов. т. I № 78). Въ дневникѣ литовскихъ пословъ того же года сказано, что русскіе бояре сообщили имъ о согласіи царя заключить перемиріе на шесть лѣтъ и «*змовившися* съ нами, велѣли грамоты перемирныя писати» (Сб. кн. Оболенск. 1838 г., № 5). Въ 1667 г., предъ утвержденіемъ Андрусовскаго договора одинъ изъ пословъ потребовалъ, до присяги, дополнительнаго *совѣщанія* по нѣкоторымъ неяснымъ статьямъ договора. Церемоніалъ совершался тогда болѣе или менѣе по правиламъ греческаго двора. Врученныя королю пергаментныя вѣрительныя грамоты были «по греческому обычаю» свернуты въ трубку. Въ подробномъ разсказѣ о путешествіи польскихъ пословъ въ Московію упомянуто, что, въ довершеніе всѣхъ церемоній, посламъ поднесли кубки «по древнегреческому обычаю» (М. Бутурлинъ: Бумаги Флорент. центр. арх.).—При большемъ разнообразіи дипломатической терминологіи, порядокъ дипломатическихъ переговоровъ о заключеніи мира Россіи съ иными державами къ XVI—XVIII в. въ существенныхъ чертахъ оставался тотъ же, что и въ X вѣкѣ при заключеніи мирныхъ договоровъ съ греками. Вступительная часть и конецъ договорной грамоты 912 г. въ достаточной мѣрѣ обнаруживаютъ отсутствіе внѣшней связи посольскаго совѣщанія—«равно другаго съвѣ-

[1]) Грамота Алексѣя Комнена, при которой будто бы онъ прислалъ Владиміру Мономаху царскія регаліи, признаваемая большинствомъ историковъ подложною, а Болтинымъ подлинною, приводится обыкновенно, напр. въ Никонов. лѣтоп. Толстовск. сп. подъ 1114 г., въ крайне сжатомъ, отрывочномъ видѣ, а въ древней лѣтописи, имѣвшейся у Болтина и, кажется, погибшей, она почти цѣликомъ изложена: «Алексій Комненъ, милостію Божіей царь и самодержецъ греческій» и т. д. (Примѣч. къ Ист. Рос. Леклерка, т. I, стр. 250). Если тою и нѣкоторыми сходными лѣтописями приписывается Владиміру *отказъ* отъ предложенной ему чести—«Володимеръ царскаго титула не восхотѣлъ воспріяти», то непонятно,—къ чему служило бы измышленіе самой грамоты, по редакціи очень выдержанной. Возможно, что гдѣ-либо отысканъ греческій экземпляръ грамоты уже послѣ окончанія лѣтописнаго свода Сильвестромъ.

шания, *бывшаго* при тѣхъ же царяхъ—Лва и Александра»—(Лавр., Ипат., въ Радз. Львѣ и Александрѣ) съ *давнимъ* миромъ и тождество совѣщанія съ *предварительнымъ, изложеннымъ на письмѣ соглашеніемъ*, достигнутымъ взаимнымъ обсужденіемъ державами, чрезъ своихъ пословъ, условій *того же* договора, въ коемъ дѣлается ссылка на совѣщаніе. Выраженіе «при царѣхъ Лва и Александра», обнаруживающее само по себѣ истинный смыслъ другого совѣщанія, какъ и выраженіе догов. 945 г.: «Равно другаго съвѣщания, бывшаго при цари Романѣ и Костянтинѣ и Стефанѣ», доказываетъ *присутствіе* царей Льва и Александра на совѣщаніи, въ лицѣ своихъ представителей—пословъ. Предлогъ «при», употребляемый, по И. Срезневскому, въ *шести* разныхъ значеніяхъ, допускаетъ въ данномъ случаѣ выборъ лишь одного изъ двухъ значеній: а, *во время*, какъ это обыкновенно принимаютъ, и б, *въ присутствіи, при бытности* или *при участіи* [1]), какъ это принимается мною по соображеніи съ актомъ Святослава 971 г. Тамъ тексту утвердит. грамоты вел. князя, писаной *при Феофилѣ синкелѣ*, предшествуетъ ссылка на совѣщаніе, «бывшее *при Святославѣ* и *при Свѣнельдѣ*, которая, очевидно, разумѣетъ не періодъ времени, но *участіе* Святослава и Свѣнельда, хотя бы въ разные моменты, въ совѣщательныхъ переговорахъ о мирѣ, первaго не только чрезъ пословъ, но и лично съ Цимисхіемъ.

Ходъ мирныхъ сношеній и достиженіе конечной ихъ цѣли—соглашенія сторонъ—«concordia» или «symphonia» (Taf. и Thom. XII № 40), на почвѣ мирныхъ условій обозначается въ латинскихъ грамотахъ различными вспомогательными терминами: «colloquutio (въ догов. 803 г. у Bernard'a—Rec. d. traités.), consilium (971 г. [2]), colloquium, conferentia. «Conventio seu compositio facto», convenientia или conniventia, tractatio [3]). У творца науки международнаго права Гуго Гроція: «pactum seu pactio est *conventio* duorum vel plurium in idem placitum» Lib. II, cap. XI, c. 1—4).

---

[1]) См. въ поуч. Владиміра Мономаха: «Миров есмъ створилъ съ половечьскыми князи безъ одиного 20, и *при отцѣ* и кромѣ отца»... (Лавр.) и оговорку заболѣвшаго князя Владиміра Васильковича къ завѣщанію его въ пользу Мстислава о передачѣ послѣднему всей своей земли и городовъ: «а се ти даю *при цариxъ* и *при его рядвцахъ*», т. е. въ бытность царей (Телебуги съ подручникомъ Алгуемъ) и въ присутствіи рядцевъ Телебуги (Ипат. 591).

[2]) Отсюда «consiliabula».—«pace consiliata» или «consiliati pacis» (Акты венец. и генуэзск.).

[3]) Tractare conventionem», «tractare et conventare»,—«conventio a nuntiis facta... ad tractatum pacis specialiter deputatis»... tractarunt et concordaverunt»,—«cum eis *collatum* fuit» (Акты генуэзск.). «In colloquium convenire» (Kod. dipl. kat. Krakow. № 13, подъ 1224 г.).—«Capitula pertractata», иногда «conditionibus compositis»..

Въ договорѣ персовъ съ греками терминомъ «конвенція» обозначается обоюдное соглашеніе сторонъ. По словамъ хроники Ebbo (III, 13), уполномоченные Болеслава III Кривоустаго и поморскаго князя Вратислава — «tractare ceperunt» объ условіяхъ мира. На третій день, при посредничествѣ Оттона Бамбергскаго «reconsiliati pacis oscula libant»... Иностранные термины договорной практики—не рѣдкость въ русскихъ актахъ уже XV—XVI в.: «Если бы в. князь московскій о пріязнь съ королемъ шведскимъ *трактовати* хотелъ».. (Обол. и Данилов.: Кн. пос. в. княж. Литов. т. II). Трактатъ въ смыслѣ переговоровъ объ условіяхъ мира близко подходитъ къ «съвѣщанію», однако, сличеніе занесенныхъ въ Кормчую юридическихъ нормъ съ источниками — Эклогой Льва Исаврянина и Константина Копронима 739 — 741 г. и Прохирономъ Василія Македонянина 870—878 г., въ переводѣ на славянскій языкъ, убѣждаетъ меня, что съвѣщанію, какъ достигнутому соглашенію, статейный текстъ коего переносился цѣликомъ въ договорный протоколъ, наиболѣе отвѣчаетъ конвенція—conventio или pactio, подлежавшая всецѣло утвержденію присягой, а глаголъ «съвѣщатися» латинскому «convenire»: Аще будетъ совѣщаніе—«si convenit». Мѣсто заключенія мира между Болеславомъ II польскимъ и княземъ Изяславомъ въ 1070 г.—«locus *conventionis*». (Мартынъ Галлъ). Въ мирной грамотѣ Исаака Ангела съ венеціанами 1189 г. сказано: «Quippe et nuntii ad nostram clementiam missi sunt (такіе-то) *conventionem* suam, quam imperio nostro et Romanie fuerunt *iorameuto corroboratam* equidem offerentes et que ipsis promissa sunt per chrysobulum exigentes»... (Taf. и Thom.: Font rer. Austr. XII, № 84, 207). Въ 1199 г. послы венеціанскіе, опираясь на письменное порученіе своего князя, говорили: convenimus et pacti sumus et quod concessit et commissit nobis nobil. dux Venetie et nos super animam suam iuremus, quod et ipse ea que a nobis pacta sunt et conventa, iurabit et homines Venetie iurare faciet» (Ib. I, № 85).—«Равно» въ дипломатическихъ актахъ всегда значитъ—*одинаково*, напр., въ актѣ 1488 г.: «Хотѣли смотрѣти, если мое писмо *равно* царевѣ грамотѣ» (Пам. диплом. сношен. древн. Рос. съ держ. иностр. I, 5). То же въ частныхъ договорахъ: «А се памяти взяты у насъ по себе *ровно*», т. е. по содержанію своему одинаковые (Мейчикъ: Грам. XIV—XV в., 60). Подъ *другимъ* съвѣщаніемъ надо разумѣть предварительное соглашеніе по тому же предмету, происходившее и состоявшееся («бывшее») и занесенное въ особый протоколъ или актъ. Для повѣрки моего вывода вступительную фразу договорныхъ грамотъ не мѣшаетъ сопоставить съ разсказомъ Длугоша о примиреніи Болеслава Храбраго съ Владиміромъ святымъ, которое Нарушевичъ (Hist. nar. Pol., т. I) отнесъ къ 992—993 г.: «Boleslaus amicitiam ruthenicam intelligens rei publicae plurimum *convenire*, foedus Wlädimiro duci Russiae concesit et *sub aequis conditionibus* secum jure jurando firma-

vit». Этимъ договоромъ подтверждался миръ, заключенный, по Татищеву, Владиміромъ съ отцомъ Болеслава Мешкомъ.

Принятіе сторонами условій мира сводится къ уряду, какъ успѣшному результату *ряда* или *поряда*. Въ 912 г. «посла мужи свои Олегъ построити мира и положити *рядъ* (въ Ипат. «ряды») межю русью и грекы»... «А о головахъ *урядимся* сице» — «*Урядъ* положиша межи Грецкою землею и Рускою». «Възметъ *уряженое* его» [1]). Договоръ 945 г. во вступительной части своей содержитъ доказательство изготовленія мирныхъ статей на совѣщательномъ собраніи пословъ: «Суть... яко понеже *мы ся имали* (т. е. сомалися)... главы таковыа». Въ договорѣ 1609 г. шведскіе послы говорятъ: «Мы съ русскими послы *соединилися* и утвердилися» (А. Ист. III, № 159). Мирныя условія для улаженія и внутреннихъ безпорядковъ обсуж-

---

[1]) Ср. «уряженье» въ Уст. Владим. о церк. судахъ. Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ Мономахъ звали Олега въ Кіевъ на «совѣтъ» съ цѣлью «порядъ» положити о Русьстѣй земли». Въ 1169 г. половцы предлагали Глѣбу Георгіевичу *порядъ* съ ними положити о всемъ и утвердиться межи собою ротой: «внидемъ въ роту къ тобѣ, а ты къ намъ» (Лавр. 339, 340). Въ томъ же году Мстиславъ, придя въ Кіевъ, «вземъ *рядъ* съ братьею, съ дружиною и кіяны» (Воскрес.). «Ать *рядъ* учинимъ предъ мужи отець нашихъ» (подъ 1096 г.). Владиміръ Мономахъ писалъ Олегу: «Пославъ солъ свой или попа и грамоты напиши съ правдою, а о се *ся ряди*... съ братомъ твоимъ *рядилися есве*... а не поможетъ, *урядимся* безъ тебе». Въ 1139 г. «посла Вячеславъ и Ярославъ... послы свои къ Всеволоду, съ рѣчьми *рядитися*» (Ипат. 290). «Давидъ и Рюрикъ *ряды* вся уконча въ Руской земли» (Ib. 459). Подъ 1203 г. въ Треполѣ «князья восхотѣша *рядъ* положити межи собою» (Никон.). Въ 1217 г.: «снемшимся имъ (князьямъ) всѣмъ на *порядѣ*» (Лавр. 418). Въ 1224 г. «князья *рядъ* положиша» (Тав.). Въ 1231 г., «Мирославъ створи миръ съ королемъ... *рядомъ* же дасть Белзъ и Червенъ Олександру». Въ 1262 г. на снемѣ въ Тернавѣ русскіе князья и лядскіе «положиша *рядъ* межи собою о землю Рускую и Лядскую, утвердившеся крестомъ честнымъ» (Ипат. 510, 567). «Ярославъ *уряди* сыны свои быти въ любви». Въ 1229 г. смольняне съ нѣмцами «*оурядили* пакъ миръ». Въ 16 ст. Смоленской Правды: «промежи собою *оурядятся*». Въ догов. Мих. Ярославича съ Новгородомъ 1305 г.: «А *ряду* въ Новгородской волости тобѣ, княже, и твоимъ судиямъ не посужяти» (Собр. Г. Гр. и Дог. № 6). Въ Судебникѣ 1468 г.: «Казиміръ съ поспольствомъ согадавши, *урядили есмо* такъ». О рядахъ см. также Соловьева Ист. Рос. т. 2, гл. 1, Сергѣевича, Юридич. Древн. и др.—Въ Псковской судной грамотѣ актъ, содержащій письменныя условія,— *рядница* или *порядня* (ст. 15, 32, 39, 101), какъ и въ Псковской лѣтописи: «рукописанья и *рядницы* посужать» (стр. 209). Во многихъ лѣтописныхъ спискахъ подъ 1175 г.: весь *порядъ* положиша у св. Богородицы». Глаголъ рядити имѣетъ часто значеніе распоряженія: Въ Словѣ о полку Игоревѣ: «грады *рядяше*». Въ догов. Новгорода съ княземъ Тверскимъ Яросл. Ярославичемъ 1265 г.: «ти Новгорода не *рядити*, ни волости ти не раздавати» (Собр. Гос. Гр. и Дог. № 2).

дались на сеймѣ, сонмѣ, снемѣ или съѣздѣ [1]). На сеймахъ обыкновенно послѣ совѣщанія происходилъ обмѣнъ договорныхъ списковъ («записьми розмѣнялися» въ догов. 1609 г.), а иногда и возвращались сторонами старыя грамоты. Такъ въ догов. Ольгерда и братіи съ Казиміромъ, около 1366 г., сказано: «а грамоты давные *воротыты* межи собою, а отъ того быти порожнымъ, а коли дастъ Богъ будетъ *снѣмъ*, тогда новые грамоты дамы межи собою» (Кн. пос. метр. в. кн. Лит. изд. Оболенск. и Данил.). Сообщеніями о договорныхъ сеймахъ по сношеніямъ русскихъ князей съ польскими, мазовецкими, литовскими князьями, угорскими королями и т. д., до конца XIII в., особенно богата Ипатская лѣтопись. Естественно, что вопросы, подлежавшіе вѣдѣнію сеймовыхъ совѣщательныхъ собраній, вызывали весьма продолжительныя препирательства. Въ 913 г. заключенъ миръ Симеономъ болгарскимъ съ греками.. «*multis verbis mutatis*».—Post conuiuium pacis conditionibus compositis».. (Stritter: Memor. popul. т. II, ч. I, 983 г.). Въ древнихъ генуэзскихъ договорныхъ грамотахъ удостовѣряется достиженіе соглашенія послами, назначавшимися «ad tractatum pacis», «post *multam tractationem*» (Atti d. soc. Ligure, vol 28, стр. 428). Въ актахъ конца XV в. встрѣчаются такія же поясненія: «quia sunt *multa* inter nos, reges, *tractanda et concludenda*; «post *multos* cum sua maiestate *tractatus*»; ... «tractarunt et concordaverunt» (Hurmuzaki: Docum. pr. la stor. Româ. nilor, v. II, № 106, 356, 358 [2]). Подтвердительный торговый договоръ англійскаго короля Филиппа и королевы Маріи съ Іоанномъ Грознымъ 1557 г. состоялся «doppo *molti ragionamenti* et conferentie».. (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 114). И въ позднѣйшихъ дипломатическихъ сношеніяхъ нарѣчіе «многажды» или «многижда», для означенія продолжительности переговоровъ, затяжки сношеній, повторяется иногда нѣсколько разъ въ одномъ и томъ же актѣ, какъ напр. въ извѣщеніи, отправленномъ новгородскимъ воеводой Мих. Скопинымъ-Шуйскимъ въ 1608 г. ругодивскому (нарвскому) державцу Шейдингу отъ имени царя Василія Іоанновича (Собр. русск. пам. арх. гр. Делагарди). Вотъ почему «многажды» въ Олеговомъ договорѣ 912 г. нельзя приплетать къ «*бывшей* любви», какъ это сдѣлано въ 3-мъ изданіи Лаврентьевской лѣтописи. «Многажды», несомнѣнно, относится къ послѣдующему (ср. Радзивил.), указывая на *многократное обсужденіе* мирныхъ условій. «Многажды право судихомъ».. Позднѣе послы

---

[1]) *Сняшася* Любечи на устроенье мира. «Дюрдій.. поиде на *снемь* Каневу»... «*Сняшася* въ Лутавѣ... уладивъся» (подъ 1159 г.). Въ 1160 г. *снимася* Ростиславъ съ Святославомъ Олговичемъ»... «Бѣ же *съѣздъ* его на великую любовь» (Ипат. 345 г.). «Учиниша *снемь*... и взяша миръ межи собою» (Лавр. 462). Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ—«*соитись* въ любовь», («Beliebung» въ догов. Новгор. съ Ганзою).

[2]) Ср. Dogiel.: Cod. dipl. regn. Polon. I., Monum Polon. Hist. и др. сб.

употребляли подобное же выраженіе: «*разсудили гораздо*» (Обол. и Данил., I. № 53 [1]). Разсужденіе признается русскими послами чистосердечнымъ, откровеннымъ и *правдивымъ*, истекающимъ изъ требованій справедливости. Въ договорныхъ грамотахъ правдивость или искренность пріязни противополагаемая «съблазну—обману или хитрости [2]), всегда выставляется залогомъ прочности мира. Отсюда «*правая* любовь, *правая* съвѣщанья», какъ въ лѣтописномъ разсказѣ: «послолъ не пзнеслъ *слова права* намъ»,—«наю *слово право* будеть къ вама», рядъ *правый* (Ипат. 371, 460, 553). Посадники новгородскіе, схваченные *на миру* въ 1331 г., дали *слово правое* Наримунту Гединиповичу и дѣтямъ его въ отнину и въ дѣдину» (Ник. X, 204), и въ позднѣйшихъ грамотахъ, напр. отъ 1388 г., «вѣрность *правая* и неизрушистая *слюбили*» (Arch. Sanguschk. т. I, № 18).

Реальнымъ продуктомъ мирнаго соглашенія сторонъ являлось *слово*. Взаимныя договорныя обязательства выражались въ словѣ, изложенномъ на письмѣ и утвержденномъ присягой: «не точію *просто словесе*, нъ и *писаніемъ* и клятвою твердою.. любовь утвердити и извѣстити».. (см. разночтенія въ этомъ мѣстѣ догов. гр. 912 г.: «словесемъ, словесенъ» и пр.). Простота здѣсь противополагается также обману или хитрости, какъ напр. въ выраженіи: «не бѣ въ немъ *лсти*, но *простъ* мужъ умомъ» (Лавр. 196). Въ древнихъ договорахъ грековъ съ Венеціей, Генуэй и другими державами совокупность условій успѣшныхъ мирныхъ переговоровъ носитъ техническое названіе—«verbum» или «sermo», а харатейная докончальная грамота—«chrisovulum-verbum» или «chrisovulum-sermo»—«грамота-слово», или «слово-грамота». Совпадая, по своему содержанію, «слово» и «слово-грамота» допускаютъ лишь внѣшнее, теоретическое между ними различіе, зависящее отъ различія моментовъ—до или послѣ изложенія въ видѣ *извѣстительной* грамоты, а потому подъ договорнымъ словомъ разумѣется въ актахъ слово-грамота. Таково «слово» князя полоцкаго Изяслава литовскому князю Войшелку (К. Наперскій: Русск. Лив. акт. стр. 13), и т. под. Въ 1542 г., по прочтеніи грамотъ «князь великій велѣлъ грамоты сложити вмѣстѣ, королево *слово-грамоту* подъ исподъ, а свое *слово* наверхъ, да велѣлъ ихъ положити на блюдо, да на *грамотахъ* велѣлъ положити крестъ»... Другіе примѣры, кромѣ приведенныхъ во II главѣ: «А се *грамота* королево *слово*».. «И *грамоту* королево *слово* подали царю».—«Да велѣлъ царь и великій князь *грамоту*, свое *слово* чести дьяку», и т. д. [3]).

---

[1]) Здѣсь «разсужденіе» примыкаетъ, по своему лексич. значенію, къ «думѣ»: «*думаша* Кіяне.., яко же на *думу* сходятся» и т. под. Въ догов. подъ 1402 г.: «взять любовь *по думѣ*» (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 36).

[2]) «Безъ *соблазна* люди управливати» (Ипат. 607).

[3]) Сб. Русск. Ист Общ. т. 59, № 9 и 11, стр. 167, № 19 и 28—V, 32—VI. Обол. и Данилов. Кн. пос. в. княж. Литов. т. I, № 40 и 78.

«Слово», имѣвшее нѣсколько значеній, между прочимъ, значеніе *приказа*, употребляется лѣтописью и актовыми, въ томъ числѣ дипломатическими памятниками, большею частью въ смыслѣ договорнаго *условія* или *обязательства*, независимо степени его *сложности* [1]) по входившимъ въ него предметамъ. Юридическіе акты новгородскіе, псковскіе и тверскіе видоизмѣняютъ «слово» въ «пословицу» (Псков. судн. гр. ст. 47 и др. Собр. Гр. I, № 28). Александръ тверской 1327 г. выѣхалъ изъ Пскова «*пословно* съ псковичи» (Псковск. лѣтоп.). Иногда «слово» замѣняется «говоркой» (А. Юр. № 409). «Срѣченое слово» сокращается въ «*срѣчку́*», напр. ст. 10 догов. Новгорода съ Казиміромъ польскимъ. «Король яко *срекз* годъ како поити» (Ипат. 308). Заявленіе пословъ русскихъ о желаніи ихъ свѣтлыхъ князей поддержать и возвѣстить бывшую между русскими и греками любовь не только просто *словомъ*, но и писаніемъ, нѣсколько далѣе—«*исповѣданіемъ* и написаніемъ» [2]), для возвѣщенія греческому царю, въ существѣ своемъ аналогично съ выраженіемъ въ договорѣ 912 г. «извѣсти и (онъ) дасть *нашимъ слдвомъ*», т. е. по нашему условію, послѣ того какъ мирная грамота была вручена греческому правительству русскими послами: «И таковое написаніе *дахомъ* царства вашего... на утвержеіе и извѣщеніе» (ср. «возвѣстити князю вашему»). Изъ этого, однако, нельзя заключать, чтобы въ двукратно повторенномъ договорами (907 г. и 945 г.) выраженіи: «да запретить князь *словомъ* своимъ (и)приходящимъ руси здѣ, да не творять па-

---

[1]) «Изяславъ двоича (с)ступилъ *слова* своего» (Ипат. 298).—«Ни по думѣ, ни *по слову* съ нимъ;—«клятвою кленшимися аще не премѣнитъ *слова* своего» (Воскр. т VII, Ипат. 537). «Аже будеть промежю вами *слово*» (Новг. IV, 101).—«Хотячи *слово* свое полнити абы было паньство ведлугъ першого звычаю и *слова* заховано»—«Межъ васъ крѣпкая правда и *слово* было».—«*Слово* доброе межъ васъ было».—«*Слово* то стояти промежь Чентысовыхъ царевыхъ дѣтей».—«Устоять въ своемъ *словѣ*».—«Только въ своемъ *словѣ* неустоимъ». (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 6, 10, 14, 86).—«Олгердъ по сорченному *словеси* и *уроку* совокупи литвы много и варяги и поиде на помощь къ Мамаю царю» (Русск. Ист. Сб. III. 32, 33). «Ольгердъ 1372 г.—«*по слову*... съ княземъ.. хотя ити ратью къ Москвѣ» (Новг. IV).—«А на тѣхъ, господине, на всѣхъ строкахъ цѣловалъ еси... крестъ... молвя такое свое крѣпкое *слово*, чтобы тому было неподвижно, по любви, въ правду, безо всякіе хитрости» (А. Ист. I, № 40). «У меня было съ тобою *слово*... о той торговли; «коли бы ты по *слову* учинилъ, по *слову* нашему такъ не учинилъ, какъ у меня съ тобою *слово* было объ соли, соли мнѣ не отдалъ по *слову* нашему» (Русск. Ист. Библ. т. XV, № 128, 129). Въ грамотѣ в. кн. Василія Іоанновича датскому королю Іоанну 1507 г. сказано: «ad nos venit nuntius... cum vestris credentialibus litteris et *verbis*» о братской дружбѣ и союзѣ (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 111). Въ заголовкахъ шертныхъ грамотъ крымскихъ хановъ XV—XVII в. нерѣдко стоитъ: «... слово наше». (Изв. Тавр Арх. Ком., № 9—11).

[2]) Въ договорѣ Карломана 803 г. съ Никифоромъ: «non solum in literis, sed etiam in verbis». (Bernard: Rec. des traités).

кости (или безчинья). въ селѣх [1])..., *слово княжеское* относилось къ общему содержанію договорныхъ главъ: Князю вмѣнялось въ обязанность запретить *своимъ приказомъ* пріѣзжимъ русскимъ производить безчинства въ Греціи въ случаѣ отправки имъ туда торговаго флота. Когда послы, по прибытіи изъ Царьграда въ Кіевъ, «повѣдаша» (возвѣстили) вся *рѣчи* царя Романа великому князю русскому, греческіе послы говорили Игорю: «твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ (цари) послаша рѣтѣ водить тебе и мужь твоихъ». По принятіи присяги Игоремъ и мужами его присяжный дипломъ его, слово-грамота, былъ возвѣщенъ [2]) послами царю Роману: «повѣдаша вся *рѣчи* Игоревы и *любовь* яже къ грекомъ». Договорныя главы 912 г. направлены къ укрѣпленію «*бывшей любви* между греками и русскими *отъ многихъ лѣтъ*» и къ продолженію ея въ послѣдующія лѣта и всегда—«на съхраненіе прочихъ и всегда лѣтъ». Подобно сему лѣтопись Галицко-Волынская ссылается на прежнее любовное единеніе угорскаго короля Андрея съ Романомъ: «Король Андрей не забы *любви* своея *первыя* иже имѣаше къ Романови, и Мстислава съ королемъ польскимъ въ отвѣтѣ Мстислава Даніилу, убѣждавшему его пойти на Лешка: «сыну, за *первую любовь* не могу на нь востати» (Ипат. 486, 489). Здѣсь, очевидно, разумѣется старый, самостоятельный *мирный договоръ*. Потому «первое слово» въ договорной грамотѣ (912 г.) нельзя разсматривать отдѣльно отъ бывшей *много лѣтъ* назадъ между греками и русью любви (таже грамота), какъ первую статью договора—inpriml, или же какъ взаимное соглашеніе на предварительномъ совѣщаніи, которое подготовило вошедшія въ договоръ главы при совмѣстномъ обсужденіи послами: «*Суть* яко *понеже мы ся имали* о Божьи вѣрѣ и о любви главы таковыа (въ

---

[1]) Ср. напр.: «аще бы человѣкомъ Богъ рекъ на небо столбъ дѣлати, то *повелѣлъ бы* самъ Богъ *словомъ*»..., (Лавр. подъ 986 г.). «Юрьи же не пойде по отнѣ *словѣ*».—«Мстиславъ прия Конрада... подъ свою руку по братню *слову* по Володимѣрову», говоря: «а что ми *велиши*, а азъ... тебя слушаю» (Ипат. 587 и 597). Въ Русской Правдѣ «княже слово»—княжье приказаніе. Душевныя грамоты строго запрещаютъ нарушать *слово* завѣщателя. Въ Ипат. и Погодинск. спискахъ догов. 907 г. стоитъ *людемъ* своимъ, по Лавр. въ догов. 945 г. *словомъ* своимъ (ср. «по уставу»). И. Срезневскій неправильно прочелъ *словомъ* въ смыслѣ *ясламъ* своимъ, буквально придерживаясь нѣкоторыхъ списковъ, гдѣ стоитъ *послом* (ср. посолникъ, посолъ въ Ипат. 245, 553, а также «Симевонъ», «Деревстеръ»).

[2]) Ср. напр. *извѣстимся* (Ипат. 244), «*извѣствоваше*» (т. VIII Воскр., 101). «Пріяста *извѣщеніе*» (Ник. т. X, 37). Въ грам. 1562 г.: «съ умилнымъ посланіемъ *извѣстити* послали есмя» (Сб. Р. Ист. Об. т. 71, № 5). Грамотой 1449 г. в. кн. Василій Васильевичъ съ своею молодшею братьею «чинятъ знаменито (извѣщаютъ)... дали запись королю Казиміру... што взяли съ нимъ братство и любовь и вѣчное докончанье». (А. З. Рос. I, № 60). «Докончаніе.... вел. кн. Василій Васильевичъ... *извѣстилъ*» (А. Ист. I, № 40).

Ипат. «таковыя»). По первому (прежнему) убо слову да умиримся». Въ 912 г. возстановлялся миръ *первый* – прежній (ср. подъ 945 г.: «построити мира *перваго*». Одна статья договорной Правды 912 г. излагается по *уряду*, хотя состоявшемуся, но какъ бы и *имьющему* состояться (окончательно): «А о головахъ *урядимся* сице».., въ чемъ отражается признакъ редактированія ея на предварительномъ посольскомъ совѣщаніи о договорѣ.. Иное толкованіе «перваго слова» шло бы въ разрѣзъ съ истиннымъ смысломъ «слова» въ началѣ и въ концѣ грамоты, относящагося ко всему ея договорному содержанію.

Обращаясь къ истолкованію Святославова акта 971 г., неточно именуемаго изслѣдователями и нѣкоторыми лѣтописцами мирнымъ *договоромъ*, считаю необходимымъ сперва разоблачить заблужденіе принимающихъ Переяславецъ дунайскій за среду Русской земли. Около 967 г. Святославъ Игоревичъ началъ княжить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, по взятіи 80 болгарскихъ городовъ: «сѣде, княжа *ту*, въ Переяславци, емля дань на грьцѣхъ», что̀ согласно съ показаніемъ Ибнъ-Хаукаля о походѣ руссовъ на Румъ—восточную Римскую имперію,—отнесеннымъ къ 967 г. Вѣроятно, лѣтопись разумѣетъ укрѣпленія, воздвигнутыя на Дунаѣ Юстиніаномъ въ VI вѣкѣ (Прокопій). Судьба этихъ городовъ была превратна. Русское владычество надъ ними возстановилъ Владиміръ Мономахъ въ 1116 г. Тяготѣніе упомянутыхъ болгарскихъ городовъ къ Руси со времени заложенія Кіевца, быть можетъ, и внушило Василько Ростиславичу смѣлый замыселъ: «переяти болгары дунайскіе и поселити ихъ у себя» (лѣтоп. подъ 1097 г.). Около той же поры княженія Святослава взята была изъ какого-то монастыря черница-грекыня, отданная за Ярополка «красоты ради лица ея» (лѣтоп. подъ 977 г.). Изрѣченіе Святослава: «не любо ми есть въ *Кіевѣ* быти, хочю жити въ *Переяславци* на Дунаи,—яко *тъ* есть *середа*[1]) земли моей, яко *ту́* вся благая сходятся», наши историки понимаютъ превратно, ошибочно относя «то» къ Переяславцу,—подставляя Переяславецъ на мѣсто Кіева, по системѣ нѣкоего волхва, пророчившаго, что Русская земля ста-

---

[1]) Въ Силезіи одинъ городъ назывался по славянски также Середою: «Михаилъ въ 1238 г. приде ко мѣсту немѣцкому именемъ *Середа*» (Szroda, Sroda).—«Jus tentonicum novi fori, quod *sredzkie* vulgariter nominatur» (см. цит. у Реппеля: Geschichte Polens т. I, 577). Въ Польшѣ древній г. Середа—Серадзь. «Идоша на *Середь* земли Лядьское» (Ип. 227). Въ Болгаріи—Средецъ: «Проявися етеру роусину въ градѣ Средѣчьстѣмь», сказано въ Минологіи Конст. Мокшскаго IX в. (И. Срезневскій. Свѣд. и зам. о малоизв. пам.), – «Сардикія, еже есть *Средець* яко среда обоихъ земль—гречск. и римск.» (Ник. т. IX, 45). Іерусалимъ всегда считался *средою* земли (Голубиная книга). С. Соловьевъ пришелъ къ курьезному выводу, что Святославъ считалъ *своею* землею только *одну Болгарію* (Ист. Рос., т. 1, гл. VI).

нетъ на мѣстѣ Греческой и наоборотъ, тогда какъ средой Русской земли остался Кіевъ, а блага матеріальныя сходились тутъ—въ Переяславцѣ, (ср.: «сѣде княжа *ту*, въ Переяславци»), ибо сюда *изъ Руси* доставлялись медъ, воскъ и челядь, да и самъ Святославъ, сознавая превосходство непріятельскаго войска и стѣсненное свое положеніе подъ Доростоломъ, молвилъ дружинѣ: «*Русская земля далече*,... *поиду въ Русь*, приведу больше дружины... изнова *изъ Руси*, совокупивши вои множайша, поидемъ Царюгороду», кіевляне же такъ упрекали его: «ты, княже, *чюжея земли* ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ». Какимъ чудомъ Переяславецъ могъ сдѣлаться средою Русской земли, если самъ Святославъ и кіевляне признавали этотъ городъ лежащимъ за предѣлами коренной территоріи Русскаго государства и если пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ стоны отъ туги *кіевлянъ* и черниговцевъ уподобилъ жирной печали, протекавшей *средь* земли Русской?—Грамотѣ Святослава предшествуетъ лѣтописное повѣствованіе, нисколько не противорѣчащее свидѣтельству Льва Діакона, а кое-гдѣ (напр., воззваніе Святослава къ войску—«да не посрамимъ земли Русскія, поляжемъ костію ту» [1]), и т. д.), вполнѣ съ нимъ тождественное, о *двукратныхъ* переговорахъ русскихъ пословъ съ императоромъ Цимисхіемъ предъ самымъ заключеніемъ мира послѣ понесенныхъ неудачъ. «И посла слы ко цареви въ Деревьстръ (Durostolum—Силистрію), бѣ бо ту царь, рька сице: хочю имѣти миръ съ тобою твердъ и любовь». Это переговоры прелиминарные. Послы—лѣпшіе мужи были отправлены Святославомъ и его дружиною («послаша лѣпшіи мужи къ цареви») отъ имени вел. князя и вручили царю грамоту, съ выраженіемъ такого желанія: «хочю имѣти любовь съ царемъ греческимъ *свершеную* прочая вся лѣта». Въ утвердительной грамотѣ 971 г. воспроизведены, съ добавленіемъ, *рѣчи Святослава*, сообщенныя его послами Цимисхію при передачѣ княжеской грамоты. Вѣроятно, Святославовы послы присягнули, за великаго князя и всю Русь, въ Доростолѣ, а при докончаніи мира, по личномъ свиданіи его съ Цимисхіемъ, клятва, по обряду ратификаціи мира, была повторена Святославомъ, назвавшимъ себя въ текстѣ утвердительной грамоты, изъ скромности и по обычаю, не великимъ, какъ въ заголовкѣ, означающемъ титулъ *великаго* князя сообразно съ титуломъ *великаго* царя, а просто княземъ русскимъ: «Азъ, Святославъ, князь Руский... и *утвер-*

---

[1]) Оно повторено воеводой Вышатой въ 1043 г. и повторялось русскими князьями предъ вступленіемъ въ бой; напр., Мстиславъ и Всеволодъ начали «укрѣплять новгородци и смолняны: «братія.. станемъ крѣпко, не озираимся назадъ, побѣгше не уйти»... (1216 г., Троицк. сп. и др.).

[2]) Начало дипломатическихъ сношеній А. Чертковъ относитъ ко времени занятія русскими Македоніи (Опис. войны Святослава. стр. 221).

жаю роту на свѣщаньѣ семъ». Затѣмъ грамота вручена Цимисхію, чрезъ пословъ, въ обмѣнъ на его хрисовулъ. Лѣтописцу, хорошо знавшему опустошенные Святославомъ города («яже стоять пусты до днешнего дне»), знакомы были и выдающіеся эпизоды мирныхъ переговоровъ между Святославомъ и Цимисхіемъ, изъ источниковъ преимущественно устныхъ, былевыхъ разсказовъ и славной пѣсни о Святославѣ Храбромъ, сочиненной подъ впечатлѣніемъ быстро достигнутыхъ Святославомъ успѣховъ, удостовѣренныхъ лѣтописцемъ: «за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда». Пѣсенный складъ отразился на лѣтописномъ изложеніи, напр., въ свойственныхъ припѣвамъ повтореніяхъ: «и *бысть сѣча велика,* одолѣваху болгаре... и *бысть сѣча велика* и одолѣ Святославъ» (подъ 971 г.). Выговоривъ дань въ пользу русскихъ и получивъ цѣнные дары отъ грековъ, Святославъ возвратился въ Переяславецъ «*съ похвалою великою*». Подобно способу описанія походовъ Олега и Игоря поэтическій складъ кое-гдѣ прорывается въ лѣтописномъ разсказѣ о переговорахъ Святослава съ Цимисхіемъ при повтореніи одного и того же: «*И созва царь боляре своя* въ полату», а нѣсколько далѣе: «Они же придоша къ царю и *созва царь боляры,* рѣша же послании».. (Лавр. 69). Славная пѣснь въ честь храбраго Святослава, памятная Бояну (Слово о полку Игоревѣ), обаятельно вліяла и на пресвитера, потомъ митрополита, Иларіона, восторгавшагося тѣмъ, что подвиги Святослава, какъ и стараго Игоря, прослыли во многихъ странахъ и продолжаютъ поминаться и слыть.., и на Даніила Заточника [1]), и на лѣтописцевъ (Ипат. 545 и 548). Характеренъ традиціонный приступъ къ мирнымъ переговорамъ. Послѣ объявленія грекамъ: «хощу на вы ити и взяти градъ вашъ», греки предложили Святославу дань, дабы не ходилъ къ Царюгороду, куда онъ направилъ свои стяги:—«поиде Святославъ ко Царюгороду, воюя и грады разбивая»... Возвратившись въ Переяславецъ съ торжествомъ, Святославъ взялъ окупъ («имашетъ же и, т. е. *они*) за убитыхъ русичей въ вознагражденіе «рода», т. е. народа—«яко родъ его (окупъ) возметъ», и получилъ дары. О требованіи Святославомъ при первой отправкѣ къ нему пословъ греческимъ императоромъ огромнаго выкупа за взятые имъ города и плѣнныхъ упоминаетъ и Левъ Діаконъ. Едва ли окупъ назначался, вопреки мнѣнію нашихъ историковъ и юристовъ, *исключительно для родственниковъ* павшихъ въ битвахъ Святослава съ греками русскихъ воиновъ. Убитыхъ было множество и разысканіе ихъ родичей на обширномъ пространствѣ русскихъ областей не-

---

[1]) Онъ приводитъ отрывокъ рѣчи Святослава предъ дружинами: «намъ ли отъ града погибнути, или граду отъ насъ плѣнену быти»... Слова эти повторилъ Псковскій лѣтописецъ подъ 1474 г.: «Яко же рече князь Святославъ Игоревичъ, идый въ 10000 на греки: «не вѣдомо ны есть,—или возмемъ, или главы своя положимъ» (т. IV, 248).

рѣдко встрѣчало бы неопреодолимыя затрудненія. Вспомнимъ, что и у норманновъ за убитыхъ «precium est exsolutum», а впослѣдствіи, псковичи брали въ видѣ контрибуціи серебро на нѣмцахъ «*за головы убіенныхъ*».. (Лѣтоп. т. IV, 191). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ положеніе Святослава стало критическимъ. Потерявъ въ битвахъ подъ Аркадіополемъ, на пути къ Переяславцу и подъ Доростоломъ цвѣтъ своихъ полковъ, уменьшившихся на $^2/_3$, возстановивъ противъ себя болгаръ жестокой расправой съ плѣнными, узнавъ о враждебномъ настроеніи противъ него печенѣговъ, страдая отъ полученной раны и запертый со всѣхъ сторонъ греками, Святославъ подумалъ съ дружиной и убѣдилъ ее въ неотложной необходимости заключенія мира для избѣжанія угрожавшей имъ гибели [1]), ибо въ теченіе зимы 970 г. Цимисхій успѣлъ собрать многочисленную конницу и разослать по Дунаю корабли съ убійственнымъ греческимъ огнемъ (Левъ Діаконъ, Кедринъ). Чрезъ пословъ своихъ Святославъ повелъ съ Цимисхіемъ рѣчь объ условіяхъ мира. Византійскіе источники, обстоятельно описывая переговоры русскихъ съ греками по прекращеніи военныхъ дѣйствій, сообщаютъ объ отправкѣ Святославомъ, въ исходѣ іюля 971 г., когда истощились и силы русскихъ, и запасы продовольствія, пословъ къ Цимисхію съ предложеніемъ принять его, Святослава, въ кругъ своихъ друзей и союзниковъ и съ обѣщаніемъ уступить грекамъ Доростолъ, освободить плѣнныхъ и возвратиться изъ Мизіи въ свое отечество, при взаимной со стороны грековъ гарантіи безопаснаго выхода русскихъ судовъ, безпрепятственнаго привоза русскими въ предѣлы имперіи хлѣба и прочихъ товаровъ и пріязненнаго, попрежнему, пріема въ Византіи русскихъ купцовъ. Всѣ эти статейные пункты императоръ одобрилъ и приказалъ, по взаимному уговору, снабдить продовольствіемъ по двѣ мѣры на каждаго изъ 22000 русскихъ воиновъ, оставшихся въ живыхъ изъ 60000, хотя, по разсказу лѣтописи нашей, остатокъ былъ вдвое преувеличенъ русскими. По принятіи греками мирныхъ условій, Святославъ просилъ допустить его къ «colloquium'у» съ императоромъ и, лично побесѣдовавъ съ нимъ о мирѣ, причемъ не вылѣзалъ изъ лодьи, удалился, въ исполненіе договора отдалъ плѣнныхъ грековъ, очистилъ Доростолъ и поспѣшилъ съ остатками своихъ дружинъ въ обратный путь. Цимисхій предупредилъ будто-бы печенѣговъ, чтобы они не переправлялись чрезъ Дунай для опустошенія Болгаріи и не мѣшали возвращенію русскихъ въ отечество. По нашей лѣтописи, переяславцы увѣдомили печенѣговъ, что Святославъ возвращается въ Русь,—«вземъ .. полонъ бесчисленъ». Надо полагать, что плѣнные эти были *болгаре*, ибо, по Кедрину, русскіе плѣнили 20000 союзныхъ грекамъ

[1]) «Створимъ миръ съ царемъ, се бо ны ся по дань яли и то буде довольно намъ»

воиновъ. Мирными переговорами руководили и главное участіе при написаніи грамотъ принимали: съ русской стороны Свѣнелдъ, а съ греческой,— по тексту обязательственнаго акта и по византійскимъ источникамъ, синкелъ Феофилъ: «... писано при Феофилѣ синкелѣ».. «Obiit eam legationem Euchaitarum summus pontifex *Theofilus*»... (Stritter—Memor. popul. т. II, ч. 2, стр. 1007). Съ приведенными событіями связываютъ—загадочную записку готскаго топарха о *разрывѣ* греками *мира* съ варварами, подвластными царствовавшему *на сѣверѣ отъ Дуная* [1]), о войнѣ, сопровождавшей прекращеніе греками дружескихъ съ нимъ отношеній, и о предложеніи *новаго мира* варварами послѣ опустошенія ими болѣе 10 городовъ и 500 селеній, о присоединеніи къ тому властителю *сосѣдей*, обитавшихъ на Истрѣ и имѣвшихъ *сходные съ варварами обычаи*. Топархъ, повидимому, изъ Корсунскихъ климатъ, спѣшилъ съ военнымъ отрядомъ «*къ Монкастру*» (нынѣ Аккерманъ), который оказался разрушеннымъ. По заключеніи мира, судя по разсказу топарха, грекамъ возвращены Климаты, именно тѣ сѣверныя части Корсунской страны, въ которыя вторгались союзныя дружины Святослава (около 967 г.), обязавшагося, по договору съ греками, не воевать страну Корсунскую и не наводить на нее «иного языка». Варварскій народъ характеризуется въ запискѣ топарха тѣми же чертами, какъ и русскій у Фотія и Льва Діакона. Походъ былъ вызванъ дипломатическими сношеніями Святослава съ предшественникомъ Іоанна Цимисхія, воцарившимся 963 г. полководцемъ Никифоромъ. Чрезъ патрикія Калокира Никифоръ поручилъ раздать русскимъ 1500 фунтовъ золота, съ уговоромъ не простирать притязаній на Мизію (древнюю часть Македоніи), принадлежащую римлянамъ, а ограничиться походомъ на вступившихъ въ союзъ съ уграми болгаръ и помочь ему, Никифору, упрочиться на престолѣ. Этимъ воспользовался Святославъ для подчиненія своей власти, при помощи угровъ, значительной части Болгаріи вмѣсто возвращенія ея грекамъ по настоянію Никифора. Почти одновременно Никифоръ отрядилъ посольство къ мизянамъ, во главѣ съ Еротикомъ и тѣмъ же *Феофиломъ*. Въ 968 г., по завладѣніи Святославомъ Мизіей и занятіи г. Филиппополя, Никифоръ заключилъ съ царемъ болгарскимъ Петромъ мирный союзъ, обѣщая вытѣснить русскихъ изъ Болгаріи. 30 янв. 969 г. умеръ Петръ; русскіе временно очистили

[1]) Присоединяясь къ мнѣнію Васильевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1876 г., ч. 185), нахожу соображенія Успенскаго въ статьѣ «О византійскихъ владѣніяхъ на берегу Чернаго моря IX и X в.», побудившія послѣдняго пріурочить описанныя топархомъ событія къ 904 г., недостаточно убѣдительными.

Болгарію и ушли спасать Кіевъ отъ печенѣговъ. На болгарскій престолъ возведенъ сынъ Петра Борисъ; Святославъ возвратился и продолжалъ войну. Инціатива возобновленія мирныхъ переговоровъ съ русскими исходила отъ Іоанна Цимисхія, вступившаго на престолъ въ декабрѣ 969 г., когда былъ убитъ Никифоръ [1]). Чрезвычайно важенъ разсказъ Льва Діакона о *вторичной* посылкѣ Цимисхіемъ пословъ къ великому князю и о содержаніи врученной имъ вѣрительной грамоты, послѣ вторичнаго занятія Святославомъ Преславы и угрозы его взять Царьградъ, съ началомъ наступательныхъ дѣйствій, которымъ предшествовало объявленіе Святославомъ войны. «Уповая на провидѣніе, управляющее вселенною, и повинуясь божественнымъ законамъ, мы не должны произвольно разрывать *мира непоколебимо до насъ дошедшаго отъ предковъ нашихъ*, въ которомъ самъ Всевышній былъ посредникомъ». Совѣтуя русскимъ покинуть непринадлежащую имъ по праву землю, Іоаннъ укорялъ ихъ въ нарушеніи мира: «Вы сдѣлались виновниками *разрыва нашего союза*», причемъ угрожалъ изгнаніемъ изъ занятой страны и напоминалъ пораженіе, понесенное отцомъ Святослава Игоремъ: «Полагаю,—ты не забылъ еще злополучія отца твоего, Игоря, который, презрѣвъ договорную клятву, съ великимъ ополченіемъ, на 10000 судовъ, подступилъ къ Царьграду, но едва съ 10 лодьями успѣлъ убѣжать въ Босфоръ Киммерійскій»... Дипломатическія сношенія Святослава съ Цимисхіемъ ознаменовались символическимъ обрядомъ *поцѣлуя*. По разсказу нашего лѣтописца, когда греческіе послы принесли «мечъ и ино оружье» Святославу въ знакъ покорности [2]), то князь, принявъ подарки, «нача хвалити и *любити* и *целовати* царя» (Лавр. 69, въ Радз. добавл. «яко самого царя»).. Поцѣлуй—osculum quod pacis vocant» (Дюканжъ), обычный встарину между врагами, прекращавшими кровавую распрю, служилъ удостовѣреніемъ искренности любовнаго примиренія. Мы знаемъ, что около 1070 г. Болеславъ Высокій далъ въ знакъ взаимнаго улаженія поцѣлуй мира русскому князю Изяславу—«pacis osculum satis preciosum», взявъ его за бороду (Мартынъ Галлъ и Кадлубекъ). «Вячеславъ рече мужеви своему: «поѣди къ брату Гюргеви, брата отъ мене *цѣлуй*» (Ипат. 297). Когда вражда прекращалась между князьями, то они любезно *цѣловались* (Ib. 241), и, вообще, открытый поцѣлуй считался знакомъ ихъ дружбы, напр. въ 1111 г. Владиміръ съ Святополкомъ «цѣло-

---

[1]) Надпись на гробницѣ Никифора Фоки вызвана успѣхами Святослава: «Возстань, царь... на насъ устремляются русскіе во всеоружіи; скифскій народъ въ бѣшеномъ порывѣ расточитъ убійства и разоритъ твой городъ».. (Ф. Успенскій: Русь и Византія въ X в.).

[2]) Въ половинѣ XIII в. «Герьбортъ присла Данилови мечь и покореніе свое» (Ипат. 548).

вастася». Условія мира между княземъ польскимъ Болеславомъ III Кривоустымъ (1102—1139) и княземъ Вратиславомъ поморскимъ скрѣплены были, въ присутствіи вождей и сановниковъ, «*взаимнымъ поцѣлуемъ любви*». Далѣе въ хронику занесено, что послы штетинцевъ приняли отъ Вратислава «*поцѣлуй мира*» (Ebbo, III, 1323 г.). Генрихъ Латышъ, описывая, подъ 1209 г., мирные переговоры рижскаго епископа Альберта съ русскимъ княземъ Всеволодомъ (rex de Gercike) послѣ сожженія Герсике (на З. Двинѣ) и плѣненія его жены, сообщаетъ, что епископъ *обняля* (облобызалъ) просившаго мира князя, предложивъ ему, между прочимъ, принести свое княжество въ даръ церкви св. Маріи, съ тѣмъ чтобы оно было ему возвращено. Князь склонился на условія и обѣщалъ впредь полную преданность церкви св. Маріи. Ввѣривъ свое княжество церкви, онъ получилъ его обратно въ ленъ при торжественномъ вручении ему трехъ знаменъ, вмѣстѣ съ супругой своей и со всѣми русскими плѣнниками [1]). Обычай цѣлованія при заключеніи мира соблюдался и впослѣдствіи. Петръ Великій и курфюрстъ Бранденбургскій, позднѣе король Прусскій, вступая между собою въ оборонительный и наступательный союзъ, «подали другъ другу руки, *цѣловались* и клятвами утвердили договоръ (Сб. Моск. Гос. Арх. М. И. Д., вып. I, 85). Заключеніе мира выражалось, кромѣ того, свойственными каждой національности символами. У болгаръ былъ обычай дарить въ знакъ примиренія по парѣ рабовъ, соколовъ и собакъ (De adm. imp. гл. 32). Печенѣжскій князь въ знакъ примиренія съ кіевлянами далъ воеводѣ ихъ Претичу коня, саблю и стрѣлы, и получилъ отъ Претича брони, щитъ и мечъ (Лѣтоп. подъ 968 г.).

Введеніе къ Святославовой грамотѣ 971 г. и ея форма свидѣтельствуютъ, что она выдана Цимисхію въ силу договорнаго съ нимъ соглашенія, будучи равна своимъ постатейнымъ содержаніемъ «съвѣщанію», происходившему «при Святославѣ великѣмъ князи русстѣмъ и при Свѣналъдѣ [2]), при Феофилѣ синкелѣ». Написана грамота въ Доростолѣ, въ іюлѣ того года, греческіе же источники относятъ посольство Святослава

---

[1]) Грамота Альберта напечатана Догелемъ, Бунге (Urkundenbuch), Нарушевичемъ и др.

[2]) Свѣнелдъ — «отецъ Мстишинъ» (подъ 945 г.), т. е. молодого Мстислава, убитаго княземъ Олегомъ Святославичемъ, занимавшій постъ воеводы еще при Игорѣ, участвовавшій въ походѣ Ольги съ сыномъ на деревлянъ. Имя сына Свѣнелдова не могло быть *Лютъ*. Подъ 975 г. слово *лютъ* приложено къ звѣриному лову, а не къ Свѣнелдичу. Редакторы 3 изд. Лавр., лѣтоп. дѣльно замѣтили, что надлежало бы сказать «Люту», ошибочно усмотрѣвъ здѣсь описку. Слѣдуетъ читать: «*Лова* дѣющю Свѣналдичу, именемъ *лютъ*». Когда Олегъ спросилъ—кто гонитъ звѣрей, ему отвѣтили: «Свѣналдичъ»..

къ Цимисхію съ предложеніемъ мира къ 25 іюля, т. е. ко дню непосредственно послѣдовавшему за неудачной для русскаго князя битвой съ греками подъ Доростоломъ, въ которой онъ былъ раненъ, и послѣ убійства одного изъ передовыхъ богатырей Святославовыхъ Икмора. Наша лѣтопись, разсказавъ о прибытіи посольства в. князя въ Доростолъ, когда состоялось вѣчевое рѣшеніе заключить миръ, не приводитъ текста самаго договора, но выраженіе «и повѣдаша цареви» (лѣпшіе мужи), кажется, разумѣетъ сообщеніе царю *мирныхъ условій* [1]). Сохранилась въ итальянскихъ архивахъ весьма полезная для сравненія харатейная грамота венеціанская (promissionis carta), написанная полатыни въ томъ же 971 году, того же мѣсяца и индикта, и отправленная къ греческимъ царямъ, съ такимъ вступленіемъ: «Во имя Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, въ царствованіе господина Іоанна, великаго императора, во 2-й годъ царствованія его, мѣсяца іюля, индикта 14-го». Въ ней говорится, что къ венеціанамъ приходили послы отъ императоровъ *Іоанна, Василія и Константина* для объясненій по поводу помощи республики сарацинамъ кораблями и оружіемъ, сопровождавшихся страшными угрозами императорскимъ словомъ. Венеціане, по совѣщаніи, на которомъ присутствовалъ многочисленный народъ—бо̀льшіе, средніе и меньшіе, и представители высшаго духовенства, единодушно обязывались, за себя и своихъ наслѣдниковъ, предъ своимъ княземъ Петромъ и его преемниками, не оказывать поддержки сарацинамъ, ни оружіемъ, ни чѣмъ либо инымъ, подъ страхомъ или наложенія пени во сто либръ золота, или, при неуплатѣ, смертной казни виновныхъ (Tafel и Thomas: Font. rer. Austr. XII, № 14). Разсматриваемая, вошедшая въ наши лѣтописи оригинальная грамота Святослава, адресованная къ Іоанну Цимисхію, но обращенная также и къ сыновьямъ императора Романа II Василію и Константину, какъ и венеціанская грамота, есть не списокъ самаго договора, но актъ, называвшійся у иностранцевъ «promissio, promissionis carta, confirmationis litteras, chrisovulum-verbum», у русскихъ—обѣтомъ, обѣтнымъ словомъ, утвердительною или довончальною грамотою-словомъ. Святославъ отъ своего лица и отъ всѣхъ своихъ подданныхъ выражалъ желаніе состоять до конца жизни въ

---

[1]) Страннымъ представляется разсказъ лѣтописца, что «царь повелѣ писцю писати вся рѣчи Святослаѣлѣ» по глаголу посла. Если это и такъ происходило, то, вопреки разсказу, не при написаніи утвердительной грамоты Святослава, которое не допускало вмѣшательство царя.—Подъ 945 г. лѣтописецъ говоритъ, предъ положеніемъ утвердительной грамоты Игоря: «Приведоша руския слы и велѣша глаголати и писати *обоихъ* рѣчи *на харатьи*».

мирѣ и *совершенной* любви «со всякимь (вар. «всякомъ»)—великимъ царемъ гречьскимъ, съ Василіемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновенными цари и со всѣми людьми гречьскими».. *Великій* царь—Іоаннъ Цимисхій. Сыновья Романа II Василій (13 л.) и Константинъ (10 л.), царствовавшіе въ Царьградѣ въ 971 г. и по удостовѣренію Воскресенской лѣтописи (т. VII, 289), отодвигаются на второй планъ по ихъ малолѣтству. Значеніе обѣтныхъ грамотъ достаточно ясно опредѣляется нижеприводимыми мною данными. Таможенная грамота 1134 г. «кнѣзя отъ стола Галичского Иванка Ростиславича Берладскаго» о льготахъ купцамъ месемврійскимъ (приморскаго города Месемвріи) по платежу мыта заканчивается словами: «а на томъ *обѣтъ*». Она дана въ исполненіе какого-то договора торговаго и обращена къ месемврійскому купечеству—«свѣдъціу купцемъ да не платѣтъ мыта»... (Текстъ возстановленъ Петрушевичемъ). Изъ мирныхъ сношеній въ XI в. русскихъ князей съ уграми укажу на обѣщаніе русскими вѣрности королю Владиславу въ 1093 г., вторгнувшемуся въ ихъ предѣлы изъ мести за подстрекательство половцевъ къ вторженію въ его владѣнія: «Rutheni... *promiserunt* regi fidelitatem» (Turocz). Въ 1189 г. угорскій король говорилъ Святославу Всеволодовичу: «чимъ ти ся есмь *обѣщалъ*, то-ти исполню, яко-ти есть крестъ цѣловалъ» (Ипат. 446). Въ 1252 г. король угорскій Бела IV соперничалъ съ Оттокаромъ чешскимъ изъ-за Рагузіи и Штиріи и, подъ предлогомъ передачи ихъ сыну короля русскаго Даніила Роману, устроилъ бракъ племянницы убитаго въ 1246 г. Фридриха II бабенбергскаго, дочери старшаго брата его, герцога Гейнриха (dux Medlicensis) Гертруды съ Романомъ, заключивъ съ нимъ договоръ. «И створи тъ *обѣтъ*, его же за множество весь не списахомъ», извиняется лѣтописецъ... «Створи король *обѣтъ великъ* и не исправи его къ Романови... *обѣщався* ему и не помогашеть ему... бѣ бо *клятвою клялся* о Бозѣ великою къ Романови и княгинѣ его, яко добывшу ему землѣ нѣмецкая дати ему всю Романови»... Герцогъ Гейнрихъ отклонялъ Романа отъ союза съ Бѣлою: «Остави короля угорьскаго, яко ужика ми еси и своякъ, земля Нѣмецьская раздѣлена будеть съ тобою» [1]). Притомъ приводится ссылка на договорное обязательство: «Правдою *обѣщахся* отцю си королеви угорьскому, грѣхъ не исполнити обѣта»... «Княгиня *посла* бо ко королеви угорскому вся *словеса*,

[1]) Слова «ужика ми и своякъ» (Ипат. 554), ранѣе приведенныя съ ничтожнымъ измѣненіемъ (стр. 545)—«ужика ми и сватъ еси», исходили изъ устъ угорскаго короля. Герцогъ повторяетъ то, что сказалъ Бела, точно такъ же какъ Гертруда повторила его слова, обращенныя къ *вл отцу*: «Княгини же уразумѣвши лесть его, и рече—«яко сына ми (Романа) поими *ко дщери*»,—а нынѣ городовъ нашихъ хощетъ»..

ими же *обѣщевашеться ему* герцюкъ».. (Ипат. 544, 554, 555 [1]). Подобное обѣщаніе дали жители г. Люблина Даніилу и Василько Романовичамъ соотвѣтственно *завту* послѣднихъ не помогать князю своему: «Они же *обѣщашася* то створити». Когда въ 1255 г. папа предлагалъ Даніилу, чрезъ легата Опизу, принять вѣнецъ королевства, князь уклончиво отвѣтилъ: «како могу пріяти вѣнѣць б съ помощи твое»? Опиза же приде вѣнѣць нося, *обѣщевался*, яко помощь имѣти ти отъ папы» (Ib. 548). Разбитые Даніиломъ ятвяги «послаша послы своя и дѣти своя и дань даша и *обѣщеваxуся* работѣ быти ему» (Ib. 529 и 553). Въ 1287 г. Мстиславъ «*обычася* принять князя мазовецкаго Конрада подъ свою руку», написалъ обѣтную грамоту, *обѣщая* ему помогать на ляховъ (Ib. 597 и 598). Мироположеніе съ нѣмцами новгородскаго князя Ярослава Владиміровича, въ исходѣ XII в., есть ничто иное, какъ утвердительная грамота. Въ ней онъ заявляетъ, что сгадавъ съ посадникомъ, тысяцкимъ и всѣми новгородцами, *утвердили* старый миръ съ нѣмцами—«*утвердихомъ* мира старого». Утвержденъ былъ договоръ, подготовленный посольскими сношеніями, сообразно съ условіями *стараго* мира [2]) (см. въ догов. «старыя куны, старыя гривны») предшественниковъ князя Ярослава Владиміровича съ нѣмцами — «кого Богъ поставить князя а съ тѣмъ мира потвердити»,—притомъ письменнаго, а не устнаго, вопреки М. Бережкову (Торговля Руси съ Ганзой, 79—80), принимающему, вмѣстѣ съ И. Срезневскимъ, грамоту за *проектъ*.

---

[1]) Подробности этихъ сношеній и комментарій къ нимъ см. у Шараневича: Die Hypatios «Chronic als Quellen-Beitrag zur österreichische Geschichte». Почтенный профессоръ ошибся, полагая, что Оттокаръ отговаривалъ Романа отъ союза съ Белой, не угадавъ о какомъ герцогѣ говорится въ лѣтописи. Очевидно, герцогъ Гейнрихъ былъ непосредственно заинтересованъ въ наслѣдствѣ.

[2]) Предъидущія дипломатическія сношенія съ нѣмцами упоминаются въ Новг. 1-й лѣтоп. подъ 1180 г.: «ни съла въдаша варягомъ, въ пустиша я *безъ мира*». Подъ 1201 г. сказано: «На осень придоша варязи (готландцы) горою на миръ и *даша имъ мира* на всей воли своей». Возстановленіе стараго мира новгородцевъ съ нѣмцами составляетъ предметъ многихъ грамотъ, напр. въ 1262 и 1263 г. «миръ доканчахомъ на сей правдѣ... на *старый миръ*.—А се старая наша правда на чемъ цѣловали отци ваши и наши крестъ, — а гдѣ ся тяжа родить, ту ю кончати» (Изв. А. Н. VI, 166). Другіе договоры новгородцевъ съ нѣмцами и Готландомъ XIII в., хранящіеся въ сводномъ спискѣ Любекскаго архива, изданные Дрейеромъ, Лербергомъ, Тобіеномъ, Наперскимъ, Андреевскимъ (переводъ Карамзина, т. III, прим. 203), оставляютъ неприкосновенными права, коими издавна пользовались ганзейскіе гости у новгородцевъ и наоборотъ, и подтверждаютъ древнюю Правду. Таковы же мирные договоры полочанъ и витеблянъ съ нѣмцами, напр. грамота 1264 г. кн. Герденія, убитаго псковичачами въ 1267 г.: «А *старому миру* стояти князя Герденя князь тыихъ, кто по немъ будеть»; или кн. Изяслава полоцкаго 1265 г.: «Любовь имѣти какъ было при *первыхъ* князьяхъ полочьскыхъ» (К. Наперскій: Русск. Лив. акты).

Таково же значеніе докончальныхъ или утвердительныхъ грамотъ [1]) и отношеніе ихъ къ договорамъ въ позднѣйшей дипломатической перепискѣ. Напр. въ 1509 г. по заключеніи мира в. князя Василія Ивановича съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ.. «*грамоты докончальныя* написаша»... Сигизмундъ предъ послами крестъ цѣловалъ къ вел. князю на докончальныхъ грамотахъ... «да и *грамоту докончальную* къ вел. князю отъ короля привезоша за его печатью» (Воскр. т. VIII, 250).—15 апр. 1609 г. Михаилъ Шуйскій вручилъ уполномоченнымъ шведскаго короля «утвержденную грамоту», въ подкрѣпленіе договора 1595 г., «*на томъ, что договорилися.* А вел. государю Василію Ивановичу... тотъ договоръ (по коему записьми розмѣнялися), что договорились, всѣ тѣ статьи, что въ записи писаны, держати крѣпко и ничѣмъ не нарушивать и стояти въ томъ навѣкъ *неподвижно.* А я... даю имъ на тотъ договоръ сю *утвержденную грамоту* Новгородцкаго государства за печатью и за своею приписью. А вел. государю Василію Ивановичу... Карла короля воеводамъ или инымъ королевинымъ полномочнымъ, какъ придутъ, дать своя царская грамота, за своею царскою печатью» (А. Ист. II, № 159). Обѣтныя грамоты у иностранцевъ неменѣе явственно выдѣляются, по формѣ своей, изъ договоровъ. Таковы, напр., promissio норманна Богемунда 1108 г., promissio пизанцевъ, сопровождавшіяся выдачею греческими императорами золотой буллы,—для Пизы въ 1111 г., согласно съ разсказомъ Анны Комненъ. Amicus de Murta, договорившись, по уполномочію генуэзцевъ, о мирѣ съ Мануиломъ Комненомъ, послалъ сходный по редакціи съ Святославовымъ дипломъ греческому императору, а генуэзцы получили отъ него въ обмѣнъ хрисовулъ, перечисляющій предоставленныя имъ торговыя привиллегіи, и т. д. (Atti di soc. Ligure, v. 28, стр. 349—351). Константинъ Порфир. сообщаетъ, что куропалатъ иверовъ,—сосѣднихъ съ прикавказской Фазіаной,—въ подтвержденіе притязаній своихъ на Фазіану (у р. Аракса), прислалъ ему, Константину, копію золотой буллы императора Романа о подчиненіи куропалата, какъ клятвенно онъ удостовѣрилъ оное собственноручною подписью, «съ обязательствомъ пребывать въ вѣрности нашему величеству и бороться съ нашими врагами, а друзей охранять».. (De adm. imp. гл. 45). Обмѣнъ утвердительныхъ грамотъ, по заключеніи договора, составляетъ у всѣхъ государствъ неизбѣжный, вѣками освященный обрядъ провозглашенія международной пріязни. Для образца кстати отмѣчу изъ дипломатической практики XIII в. южнославянскую грамоту 1238 г.: «*обетованіе* и писанне къ межу ни (нами) есть... право и верьно сьмо дерьжали» (Miklosich: Monum. Serb. № 25), и на обмѣнъ въ 1277 г. хартій между

[1]) Къ нимъ П. Голубовскій причисляетъ м. пр. грамоты смоленскихъ князей Федора Ростислав. 1284 г. и Ивана Александровича полов. XIV в. (Ист. Смол. земли, 126).

Рудольфомъ и Оттокаромъ [1]). Особеннаго вниманія нашего заслуживаетъ Пражскій договоръ, состоявшійся въ іюлѣ 1271 г. между чехами и уграми, такъ какъ въ него вступили, въ качествѣ сторонниковъ угорскаго короля Стефана V, сына Белы IV, западнорусскіе князья — зять Стефана, женатый на сестрѣ его Констанціи, Левъ Даниловичъ, братъ послѣдняго Мстиславъ, братъ Даніила Романовича Василько и сынъ Василька Владиміръ [2]). Изъ актовъ сношеній русскихъ съ тевтонскимъ орденомъ въ XIII в. интересно *обязательство* его отъ 1254 г., въ силу договора, оказывать военную помощь Даніилу Романовичу (Rzycz. et Muczk: Cod. dipl. Pol., t. III, p. 63—64). Въ грам. 1326 г. магистру тевтонскаго ордена западнорусскій князь Юрій II говоритъ: «*Obligamur* in his omnibus secundum quod est pertractatum» (Voigt: Cop. dipl. Prus. № 118). Въ грамотѣ 1334 г. Юрій II желаетъ и *обѣщаетъ* («promittimus») навсегда нерушимо сохранить миръ и любовь съ магистромъ Людеромъ.—Пятью грамотами, данными 26 іюня

---

[1]) Pertz. Mon. IV. Boczek: Cod. dipl. Morav. IV. Jirecek: Cod. jur. Bohem. № 67.

[2]) «Leo—gener Stephani regis—ruthenorum dux, Mitislaus—frater ejusdem».. Далѣе: «Wasul, filius Wasulae ducis rutenorum, aliique fideles». Обыкновенно читали «et Wasul—filius Wasulae» (Нарушевичъ, Иреческъ и др.), подозрѣвая ошибку въ имени *Владиміра* Васильковича или приписывая ему, какъ И. Шараневичъ, еще другое имя—Василія (Die Hypathios Chronik, 89). Едвали, однако, не ошибаются сами комментаторы. Wasul—несомнѣнно Василько Романовичъ, умершій въ концѣ того же 1271 г.; filius Wasulae—Владиміръ-Іоаннъ (ср. надпись на Румянцовск. номоканонѣ № 3, л. 530: «Списанъ бысть княземъ Владиміромъ, *сыномъ Василковымъ*»...); другого сына у Василька не было, вслѣдствіе чего, вѣроятно, редакторы и не выставили его имя. Вообще въ латинскихъ грамотахъ не рѣдкость подобныя именныя недомолвки, напр. въ договорѣ герцога Самбора померанскаго съ нѣмцами 1263 г. упоминаются походы въ Ленчицкую землю, предпринятые лишскими князьями «ac per *filium* Danielis regis Rusie»... (Voigt. Cod. dipl. Prus. т. I, № 145). Хранящійся въ Ватиканскомъ архивѣ списокъ договорнаго акта 1271 г. исходитъ отъ Оттокара и оглашается соотвѣтственно «извѣщенію» нашихъ договоровъ X. в. Съ цѣлью обновленія мира, прерваннаго продолжительными войнами, и на попраніе врага человѣческаго рода (ср. въ догов. 915 г.—«враждолюбца дьявола разорити»), Оттокаръ далъ посламъ полномочіе (мандатъ), чтобы, собравшись на совѣщаніе («convenientes») съ прелатами и баронами угорскими, уполномоченными угорскаго короля, могли обсудить, установить и докончать все возможное къ обновленію мира:—«что мы сами, при личномъ съ королемъ соглашеніи, могли бы установить и докончать». Затѣмъ излагаются условія, принятыя послами на совмѣстномъ засѣданіи («considentes») касательно обмѣна хартій, выдачи обезпечительныхъ грамотъ дружественнымъ государствамъ, а также статьи частнаго и публичнаго международнаго права. Включенъ и такой пунктъ, въ силу котораго, для вящшихъ единенія и любви, Оттокаръ и Стефанъ, по изволенію («juxta placitum») и клятвенному установленіюословъ сторонъ, отрѣшаются отъ общенія и дружбы съ нѣкоторыми правительствами (H. Jirecek: Cod. jur. Bohem. № 62). Пріязненныя отношенія Льва Даниловича къ чехамъ, съ которыми нѣкогда воевалъ отецъ его Даніилъ, продолжались до исхода XIII в. Въ 1291 г. «Левъ ѣха въ чехы на снемь ко королеви, *зане любовь* держаше къ нимъ велику, и докончавъ съ нимъ миръ до своего живота» (Ипат.).

1315 г., въ Краковѣ, король Владиславъ Локотокъ *обязуется* быть вѣрнымъ союзникомъ королей датскаго, норвежскаго и шведскаго и князей руянскаго, мекленбургскаго и вендскаго противъ маркграфа бранденбургскаго, принимая это обязательство и за своихъ внуковъ, *князей русскихъ*» (Опис. рукоп. Рум. музея, 81). Обѣтныя грамоты князя Юрія II хранятся въ Кенигсбергскомъ городскомъ архивѣ, гдѣ онѣ обозрѣвались мною вмѣстѣ съ проф. И. Линниченко. Весьма видное мѣсто въ ряду договорныхъ обязательствъ занимаютъ грамоты литовскорусскихъ князей, напр. грамота второй полов. XIV в. вел. князя Дмитрія-Ольгерда (Arch. Sang. т. I, № 1). Нѣкій «dominus Lochka, dux ruthenorum», въ 1338 г. выдалъ, въ Вышеградѣ, обѣтную грамоту Карлу венгерскому (Турочъ). Такова же грамота 1386 г. смоленскаго князя Юрія Святославича, данная Владиславу Ягайлѣ съ обязательствами, принятыми на себя первымъ и по отношенію къ Скиргайлѣ (Arch. Sang. I, № 4), присяжная грамота гольшанскаго князя Іоанна Ольгимунтовича 1400 (А. З. Рос. I, 28) и мн. др. Въ 1412 г. Сигизмундъ венгерскій *обѣщалъ* Владиславу польскому и Александру-Витольду, в. кн. литовскому, пребывать съ ними во взаимной любви и братствѣ, какъ это *обѣщали* Владиславъ и Витольдъ [1]). Обѣтныя докончальныя грамоты обыкновенно опираются на взаимную любовь и вѣчное докончаніе (Пам. дипл. сношѣ I, 38, 39). По церковнымъ дѣламъ онѣ исходили нерѣдко отъ духовенства. Такъ митрополитъ Кипріянъ и архіепископъ ростовскій Феодоръ грамотою 1389 г. «*обычиваются*... даютъ *обѣты* согласно съ тѣмъ, какъ установлено и съглашено бысть промежи ихъ, ближнему царя греч. нотарію Діерминефту» (А. Ист. I, № 252).

Поясненіе лѣтописца—«*Створивъ* же *миръ* Святославъ съ греки, поиде» и греческіе источники (Левъ Діаконъ, Кедринъ, Зонара) подтверждаютъ, что письменное удостовѣреніе Святослава Игоревича въ Доростолѣ было вспомогательнымъ актомъ, обѣтною грамотою, которая подлежала сообщенію Цимисхію чрезъ посольское «повѣданіе», какъ царю Роману — грамота Игоря, и условія которой болѣе или менѣе подробно излагаетъ Левъ Діаконъ. Соотвѣтственно предварительному соглашенію о возстановленіи *прежнихъ* дружескихъ сношеній, договоромъ Святослава съ греками возобновлялся въ главныхъ чертахъ договоръ 945 г., несмотря на крайне неблагопріятно сложившіяся для русскаго князя обстоятельства, едва ли позволявшія ему твердо опереться на весь народъ свой въ лицѣ принявшихъ присягу за всю русь, ибо сообщеніе съ Кіевомъ было затруднено. Совер-

[1]) Въ грамотѣ, между прочимъ, приводится соглашеніе объ уступленной Владиславу части земли русской, по раздѣлу Буковины и Молдавіи. Берладь и Килія отходили къ Сигизмунду, Ясскій Торгъ и Фейерваръ или Бѣлгородъ (нынѣ Аккерманъ) къ Владиславу (Cod. dipl. regn. Pol. et m. duc. Litw.).

шеніе такого мирнаго договора разумѣетъ и наша лѣтопись, не приведя его неотысканнаго, вѣроятно, текста, но ограничившись, «по нужѣ», сообщеніемъ упѣлѣвшаго односторонняго обязательства Святослава вѣчно и неизмѣнно пребывать въ мирѣ и любви съ греческими царями, не поднимать оружія на Грецію и подвластныя ей владѣнія,—«ни на власть Корсуньскую», а также на Болгарію, и воздерживаться отъ подстрекательства другихъ народовъ къ походу на Грецію: «ни языка *иного приведу* на страну вашю» [1].. Клятва Святослава двукратно упоминается въ его утвердительной грамотѣ,—предварительная, какъ событіе прошедшее, и окончательная: «яко же *кляхся* и *утвержаю* на свѣщаньѣ семь *роту свою*... яко же *кляхся* къ царемъ гречьскимъ и со мною бояре и русь вся, да схранимъ правая свѣщанья»... Святославъ подтвердилъ клятву, учиненную за него и всю русь послами исполнять ту конвенцію, на которую дѣлается ссылка въ заголовкѣ грамоты и приписке къ ней: «Равно другого свѣщанья, бывшаго при в. князѣ Святославѣ»... и т. д.—«Се же имѣйте *воистину якоже створихомъ*»,—т. е. въ удостовѣреніе *заключеннаго нами мира*,—«*нынѣ къ вамъ написахомъ*» [2]) на харатьи сей, своими печатьми запечатахомъ». Послѣдняя приписка исходитъ *отъ* словъ, препроводившихъ Цимисхію обязательство Святослава, согласованное съ мирнымъ договоромъ. Въ выраженіи: «Се же имѣйте (въ нѣкот. списк. «имѣете») во истину, якоже сотворихомъ», истина, несомнѣнно, обнимаетъ мирныя условія, какъ и въ договорѣ Игоря: «и ти»,—т. е. Игорь и люди его,—«приимающе харатью, на роту идуть хранити *истину* [3]) яко мы *свѣщахомъ*, написахомъ на харатью сю, на ней же суть имяна наша написана». Выраженіе «хранити *правая свѣщанья*» тѣсно связано съ выраженіемъ «хранити *истину* яко мы *свѣщахомъ*». Обѣтъ Святослава покоится на нелицемѣрномъ свѣщаньи, предшествовавшемъ мирному докончанью и въ него перенесенному («равно другаго свѣщанья»). Постатейное существо этого именно мирнаго свѣщанья, перенесенное въ докончальную грамоту,—скрѣпляется Святославомъ: «и утвержаю на *свѣщаньи семь* роту свою: хочю имѣти миръ и

---

[1]) Подобное обязательство--въ первомъ договорѣ римлянъ съ карѳагенянами. Ср. сказанное Изяславомъ въ 1150 г.: «язъ *сожю* угры и всѣ земли (на тѣхъ) кто ми ворогъ» (Ипат. 285). Нѣмцѣ и Русь, *иноязычники* и ляхи».. (Ib. 558). При вторженіи Святослава въ Болгарію ему помогали угры и печенѣги.

[2]) Неправильно читаютъ: «яко же створихомъ нынѣ къ вамъ».. Такъ безграмотно не писали бы дипломаты въ X в.

[3]) «Стоять въ хрестьномъ цѣлованьи со всею правдою *истиньною*». Правда же *истина* съ нимъ ходяше», «правдою оболченъ, *истиною обитъ*» (Ипат. 605—607).

свершену любовь».. [1]). Рота—клятвенная формула, какъ и въ сербскихъ актахъ—«ротисмо се и присегаемо;—ротихь се на светомъ евангелию хрьстову» (F. Miklosich: Monum. Serb. 256, 307). Мирный договоръ расчленяется надвое въ обѣтной грамотѣ («правая свѣщанья») для устраненія сомнѣнія въ томъ, что подтвержденіе клятвы обнимаетъ оба момента совершенія мирнаго договора—и предварительный, и окончательный. Ссылка въ словахъ: «Аще ли отъ тѣхъ самѣхъ *прежереченыихъ* не съхранимъ».. относится не къ совокупности лицъ, долженствовавшихъ блюсти договоръ, (въ актѣ 945 г.: «хранити отъ... всѣхъ бояръ и отъ всѣхъ людий»), но къ приведеннымъ въ грамотѣ договорнымъ условіямъ. Такъ напр. и въ грамотѣ императора римскаго Максимиліана къ Іоанну III Васильевичу 1491 г.: «А на тѣхъ на всѣхъ на *прежрѣченныхъ* рѣчахъ крѣпости.. изъ истинны и сердечныя любви хочю свою правду свершити и всѣ прежписанные рѣчи докончати по сей грамотѣ, на которой есмя крестъ цѣловали» (Собр. Гос. Грам. и Дог. ч. V, № 14). Переговоры, непосредственно предшествовавшіе изготовленію утвердительной грамоты Святослава, въ лѣтописной передачѣ не вполнѣ иллюстрируютъ ея текстъ, вслѣдствіе чего необходимо допустить поэтическую скомканность лѣтописнаго разсказа [2]), добросовѣстнаго и правдиваго, но ненашедшаго себѣ достаточно плодовитой почвы въ архивномъ матеріалѣ. Быть можетъ, лѣтописецъ располагалъ только черновымъ, привезеннымъ Свѣнелдомъ въ Кіевъ эскизомъ русскаго текста грамоты, въ томъ видѣ какъ онъ составленъ въ Доростолѣ, при печальной обстановкѣ, живо изображенной въ лѣтописи. Договоръ представлялся весьма невыгоднымъ для Руси и оскорблялъ ея національную гордость. Съ отчаянья Святославъ медлилъ возвращеніемъ въ Кіевъ. Не принявъ благоразумный совѣтъ Свѣнелда пробраться туда въ обходъ печенѣговъ сухопутьемъ, онъ избралъ опасный путь, на ладьяхъ, къ днѣпровскимъ порогамъ.

---

[1]) Ср. въ грам. 1560 г.: «Чтобы межъ государей *совершенная любовь утвердилася* и покой хрестьянскій навѣки» (Сб. Русск. Ист. Общ. т. 71, № 1). Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ актахъ прямо говорится, что послы цѣлуютъ крестъ за великаго князя; напр. въ Памяти посламъ Юрью и Василью XV в.: «И какъ поцѣлуетъ крестъ король (Максимиліанъ) на той грамотѣ (докончальной), и Юрью и Василью къ нему крестъ цѣловати за вел. князя доколѣ князь вел. самъ цѣлуетъ крестъ къ королю предъ его послами» (Пам. дипл. снош. I, 41).

[2]) Н. Костомаровъ сильно ошибался, говоря, что наши первые лѣтописцы, писавшіе о событіяхъ въ ихъ отечествѣ IX и X вѣковъ, за исключеніемъ письменныхъ *греческихъ* извѣстій, не имѣли другихъ источниковъ, кромѣ изустныхъ народныхъ преданій, которыя, по своему свойству, подвергались вымысламъ и измѣненіямъ (Русск. Ист. въ жизнеоп., т. I, стр. 1).

Договоры 907, 912 и 945 г. русскіе скрѣпили: первые два языческою, третій—частью языческою, частью христіанскою клятвою. Какою клятвою удостовѣренъ договоръ Цимисхія съ Святославомъ, возражавшимъ своей матери Ольгѣ на убѣжденіе креститься: «како азъ хочю инъ законъ приняти единъ, а дружина сему смѣятися начнуть?» Коль скоро Святославъ не препятствовалъ подданнымъ своимъ принимать крещеніе, то освященіе того договора и христіанской ротой было бы вполнѣ естественно. Судя по религіозно-назидательному, въ христіанскомъ духѣ, тону пріема, оказаннаго въ 912 г. русскимъ посламъ въ Царьградѣ («царь Леонъ учаще я къ вѣрѣ своей»), они всѣ были язычники, и въ самой договорной грамотѣ того года противополагаются христіанамъ грекамъ, хотя часть южно-руссовъ, несомнѣнно, была крещена во второй половинѣ IX вѣка. Въ 945 г. присяжная формула дробится: «Мы же, елико насъ хрестилися есмы», заявляютъ русскіе послы и гости въ текстѣ договорной грамоты,—«клянхомся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, предлежащимъ честнымъ крестомъ и харатьею сею»... О клятвѣ *некрещеныхъ пословъ и гостей въ Царьградѣ* не упоминаетъ грамота, но они должны были ее произнести тамъ, какъ въ 907 и въ 912 г. Послы и гости поклялись за себя и за всѣхъ русскихъ—крещеныхъ и некрещеныхъ («не преступати ни намъ, ни иному отъ страны нашея»). Е. Голубинскій, В. Сергѣевичъ, А. Димитрію и мн. др., по недоразумѣнію, переносятъ мѣсто клятвы русскихъ представителей въ *цареградскую* церковь св. Ильи. С. Гедеоновъ, Н. Барсовъ и др. хотя принимаютъ названную въ грамотѣ церковь св. Ильи за кіевскую [1]), но утверждаютъ, что присяга въ ней-то и принималась послами и гостями. Оба мнѣнія противорѣчатъ тексту грамоты. Клялись русскіе представители *въ Царьградѣ*, по ихъ заявленію, не въ церкви св. Ильи, а *церковью св. Ильи, въ соборной великой церкви св. Софіи*, каковою цареградскій Софіевскій храмъ, послужившій прототипомъ кіевской Софіи, заложенной Ярославомъ, слылъ у грековъ и русскихъ. Такъ какъ въ немъ происходилъ вселенскій соборъ при патріархѣ Фотіѣ въ 879 г., то его и называли иногда соборною вселенскою церковью [2]). Клятва *церковью* св. Ильи, предъ честнымъ крестомъ, предполагающая соблюденіе каноническаго закона, произнесена русскими христіанскими послами и гостями для того,

[1]) Стояла «надъ Ручаемъ» (Лавр.), «надъ Ручьемъ» (Ипат.).—«Въ 1105 г. погорѣша въ Кіевѣ хоромы отъ *Ручія*, мимо Славно, до святого Иліи» (Новг., Тв.).

[2]) Іоаннъ Цимисхій, возвратившись въ Царьградъ послѣ войны съ Святославомъ, «принесъ моленіе въ *великомъ* храмѣ Премудрости Божіей» (Левъ Діаконъ). Взять благословеніе отъ св. Софіи и патріарха значило «быть священу патріархомъ и *великимъ соборомъ* Костянтиноградa» (Ипат. 345). Въ 1238 г. отъ нашествія татаръ Новгородъ «заступи св. Софіа *соборная* и апостольская церкви» (Троицк. лѣтоп. т. I, стр. 225). Въ грамотѣ Константинопольскаго патріарха Антонія 1393 г. читаемъ: «Собравшись съ митрополитами на поставленіе, и господина Фотѣя въ *сборной вселенской* церкви Константинограда на превысочайшій престолъ рускыя митрополіи.. сами взбрахомъ его» (А. Ист. т.

чтобы придать болѣе вѣса присягѣ ручательствомъ своею центральною національною святынею, первымъ православнымъ соборнымъ храмомъ кіевскимъ, который возникъ въ пору разрушенія капищъ или ропатей (Иларіонъ) и былъ свидѣтелемъ, если не самаго крещенія принявшихъ христіанство уполномоченныхъ русскихъ, то покрайней мѣрѣ присяги Игоря и людей его въ Кіевѣ по заключеніи мирнаго договора. По условію, «отходяче посломъ царства нашего, да допровадятъ къ вел. кн. русскому Игореви и къ людемъ его и ти, пріимающе харатью, на роту идуть».. Дѣйствительно, вслѣдъ за возвращеніемъ русскихъ уполномоченныхъ въ Кіевъ, «хрестьяную русь водиша ротѣ въ церкви св. Ильѣ, се бо бѣ *сборная* церкви, мнози бо бѣша *варязи* хрестьяне». Слова пояснительныя буквально заимствованы изъ Рембертовой «Vita Ansgarii», гдѣ онѣ отнесены къ жителямъ *Шлезвига*—«Multi namque ibi antea erant christiani» (Pertz. II, 709), а христіанство въ тѣхъ странахъ возникло, когда учреждено было, въ 834 г., утвержденное папой Григоріемъ IV архіепископство Гамбургское, къ которому принадлежали земли датчанъ, шведовъ, норвержцевъ, эстляндцевъ и иныхъ сѣверовосточныхъ народовъ. Отсюда обнаруживается, что между христіанами кіевскими преобладали лица *варяжскаго* происхожденія [1]). Неудивительно, что и большинство уполномоченныхъ русскихъ въ 945 г. были варяги. Какъ въ Царьградѣ, такъ и въ Кіевѣ обрядъ присяги христіанской совершенъ въ главной—*соборной* церкви, съ подобающей важности самого договора торжественностью. Въ христіанскомъ религіозномъ культѣ русскихъ пророкъ Илья, коего огненное восхожденіе на небо всегда, со введеніемъ христіанства, праздновалось 20 іюля (Лавр.

I, № 254). Митрополитъ кіевскій Фотій въ окружномъ посланіи писалъ: «Сборная и апостольская церкви Костантиноврада... Кіевскія и всея Руси митрополіи поизначальнаго чина и пошлины, строитъ попеченіе и бреженіе и посылаетъ единаго митрополита Кіеву и всей Руси» (Ib. № 19). Въ 1438 г. вел. кн. Василій Васильевичъ писалъ греческому царю: «Владиміръ назвалъ св. Софію святою великою *соборною* и апостольскою церковью царствующаго града, Премудрости Божіа» (Соф. 2 лѣтоп. т. IV, 163). Въ 1448 г. онъ же писалъ царю Константину Палеологу: «Церковь наша русская, святѣйшія митрополіи русскіа, святыя Божія *вселенскія соборныя* апостольскія церкви Премудрости Божія святыя Софіи Цареградскія благословенія требуетъ и ищетъ» (А. Ист. т. I, ср. № 262). Въ пресловутомъ посланіи 1437 г. Исидоръ, архіепископъ кіевскій и всея Руси, говоритъ, что Русь подлежитъ «*соборной* церкви Констянтинополстей» (Воскр. т. VIII, 106). Авторъ сказанія о взятіи Царьграда въ 1453 г. Махметомъ Амуратовымъ сыномъ называетъ св. Софію просто *великою* церковью Премудрости Божіей (Воскр. т. VIII, 125, 137). Подъ 1472 г. записано: «Князь венедійскій... хотя ити на турского царя, что въ Царьградѣ сидитъ, взявъ за собою хрестьянскій градъ и церковь *великую* Софѣю въ мизгитъ (мечеть) учини, иже созда Юстиніанъ великій царь» (Соф. II, т. VI, 196).

[1]) Одинъ изъ нихъ Олма поставилъ церковь св. Николы на Аскольдовой могилѣ. Служившій долго при Владимірѣ св. Олавъ Тригвій получилъ имя Oliun'a (См. саги о немъ въ Ant. rus. I, 409).

подъ 1217 г.), сталъ вытѣснять Перуна и Волоса. Объ этомъ поворотѣ, происшедшемъ несмотря на противодѣйствіе приверженцевъ попа Богомила, даютъ ясное понятіе разные апокрифы вродѣ бесѣды св Андрея съ Епифаніемъ. Переходная ступень отъ Перуна и Волоса къ св. Ильѣ отчасти раскрывается сѣвернымъ названіемъ славянскаго языческаго божества Юломъ. Въ сказаніи объ Оттонѣ Бамбергскомъ, сообщающемъ много интереснаго о прибалтійскихъ *рутенахъ*, приводится увѣщаніе епископомъ волинцевъ прекратить поклоненіе *Юлу* и его коню (хрон. Ebbo). Надо полагать, что подъ Юломъ (Julius) кроется Волосъ [1]). Такимъ образомъ христіанская клятва, въ корнѣ, сходилась бы съ языческою — Волосомъ. Обращеніе къ главному отечественному храму, при произнесеніи, по разнымъ случаямъ, клятвы, практиковалось и позднѣе. Напр., въ 1219 г. новгородскій посадникъ «Тврьдославъ, *позря на св. Софію*, рече: аще буду виноватъ, да буду ту́ мертвъ, буду ли правъ, ты мя, Господи, оправи» (Тверск. т. XV. 328) Въ отличіе отъ договорной грамоты 912 г. формула роты нехристіанской цѣликомъ приведена въ договорномъ актѣ 945 г., гдѣ въ предисловіи и послѣсловіи она искусно сочетается съ клятвою христіанскою: «Елико ихъ крещенье (въ Ипат. «священіе») прияли суть, отъ страны Рускыя, да примуть месть отъ Бога Вседержителя, осуженье на погибель и въ сій вѣкъ и въ будущій. И елико ихъ есть *не хрещено*, да не имуть помощи отъ бога *ни* [2]) отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчени будуть мечи своими, и отъ стрѣлъ, и отъ иного оружья своего, и да будуть раби въ сій вѣкъ и въ будущій». Такъ формулирована клятва въ предисловіи. — И въ концѣ договорной грамоты формула присяги приведена сперва христіанская, потомъ языческая. Язычникамъ надлежало поклясться богомъ Перуномъ — «да будеть клятъ отъ бога и (онъ) отъ Перуна. Подобная клятва была произнесена нѣкогда аварскимъ каганомъ надъ обнаженнымъ мечемъ: «Если нарушу клятву, да погибнемъ отъ меча я самъ и мой народъ; пусть поразитъ насъ Богъ молніей, пусть небо, горы и лѣса обрушатся на наши головы» (подробн. м. проч. у Гиббона). Нехристіанская клятва сопровождалась наступленіемъ ногами на мечи (Генрихъ Латышъ, гл. XVI). Преступившаго присяжный обѣтъ, освященный цѣлованіемъ креста, христіанское заклятіе одинаково обрекало

---

[1]) По преданію, сообщенному Давидомъ Хитреемъ, гибель Юлина побудила *рутеновъ* переселиться въ Русь, гдѣ они и основали «ducatum Wulinenzem». Поклоненіе коню (англ. horse) совпадаетъ съ почитаніемъ *Хорса*.

[2]) Ср. напр. отзывъ короля угорскаго Андрея о городѣ Владимірѣ-Волынскомъ, подобнаго которому онъ «не изобрѣтохъ *ни* въ нѣмечскыхъ странахъ» (Ипат.), Различное употребл. этого отрицат. союза см. въ Словарѣ др. русск. яз. И. Срезневск., стр. 443—445. — Въ догов. 945 г.: «*ни* у св. Елферья».

на смерть и постоянныя муки въ жизни загробной; за преступленіе Божьей правды и истины, по словамъ пророка,—«*оружіе* вы поиметъ» (Воскрес. т. VIII, 102).—«Да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его, аще ли преступятъ, то и сдѣ пріимуть казнь и на предущемъ вѣцѣ казнь вѣчную» (Ипат. 121). За обиду церковнаго суда виновные, по древнему его Уставу,—«да будуть прокляты въ сій вѣкѣ и въ будущій» и т. д.. Формула присяги мѣнялась по обстоятельствамъ времени и мѣста, но внутреннее ея значеніе оставалось всегда одно и тоже—Божья месть за нарушеніе клятвы: «Побій мя Богъ въ души и въ тѣлѣ».—«А не учнуть правити крестного цѣлованья, ино на того Богъ... и моръ и голодъ и огонь и *мечь*» —«Кляти и проклятi въ сей вѣкъ и будущій, и душа его да буди въ огони и съ сотоною и съ бѣсы» [1]) — Встарину обращалось дипломат. ми большое вниманіе на способъ цѣлованія креста. Такъ русское посольство царя Ивана Васильевича требовало отъ польскаго короля Сигизмунда Августа, дабы онъ на мирныхъ грамотахъ «самый крестъ цѣловалъ прямо губами, а не въ подножье и не мимо креста, да и *не носомъ*» (Сб. Русск. Ист. Общ. т. 71, № 25). Мы видимъ, что нарушителямъ договорной клятвы X в. угрожала месть отъ Бога Вседержителя; виновные, по языческой формулѣ, лишались помощи верховнаго божества Перуна, гибель отъ стрѣлъ и иного оружья своего, посѣченіе собственными мечами. Стрѣлы и иное оружье—смертоносныя орудія Перуна, впослѣдствіи превращенныя нашими книжниками въ «стрѣлы дьявола - мипродержьца князя вѣка сего» (Лавр. 207), но народное повѣрье объ огненныхъ стрѣлахъ, пускаемыхъ грознымъ Перуномъ, оказалось весьма живучимъ, проникнувъ во многіе памятники письменности, въ томъ числѣ и въ лѣтопись: «Прінде стрѣлка изъ грому» (Соф. II, 33). «Убила на Завеличьи стрѣлка громомъ отъ войскихъ» (Псковск 312). Иногда происхожденіе пожара народное воображеніе относило къ «Перунову запаленію» (Сб. Муханова, № 94).—Преступившій присягу, сказано въ языческой ротѣ договора 945 г., «изъ князей или изъ людей русскихъ, христіанинъ или не христіанинъ, пусть будетъ заколотъ собственнымъ оружіемъ, достоинъ будетъ умереть посредствомъ собственнаго оружія, и пусть будетъ клятъ отъ бога *они* — отъ Перуна», — старѣйшаго бога (Густ. лѣтоп.), творца молніи и грома (Прокопій), верховнаго и всемогущаго божества славянъ (Гельмольдъ), обрушавшаго свой грозный гнѣвъ на руссовъ ударами молніи (Ибнъ-Фадланъ). Въ 941 г. русскіе изъза того и не одолѣли грековъ, что послѣдніе трубами пускали въ нихъ

---

[1]) Я. Головацкій: Памятн. древн. письм. Обол. и Данилов. т. II, № 70. Ревизія пущъ, изд. Виленск. Ком. 294). По Гельмольду,—«jurare apud slavos quasi perjurare est ob vindicem deorum iram». Король угорскій говорилъ Владиміру Галицкому, когда послѣдній поцѣловалъ крестъ: «не будешь живъ, если преступишь клятву» (Ипат.).

огонь, ожигавшій ихъ «яко молонья» [1]). Пѣвцы долго потомъ повторяли уподобленіе огненныхъ орудій, которыми выжигали непріятельскую землю, съ молніей: Ляхомъ... сулицами мечюще и *головьями яко молонья*» (Ипат. 538, 539). Въ существѣ клятва договора соотвѣтствуетъ Исаиному пророчеству, истолкованному Златоустомъ: «Азъ предамы вы *на оружіе* и вси *заколеніемъ* падете». Въ лѣтописи: «Оружіе ихъ (грѣшниковъ) внидетъ въ сердце ихъ» (Лавр. 233). «Почто плачь и *клятву на ся влечеши*», вопрошаетъ Серапіонъ въ поуч. XIII в., или безсмертенъ еси, не чаеши ли суда Божія», т. е. смерти? Воины Святослава, не надѣявшіеся на свое спасеніе, лишали себя жизни для избѣжанія позорной участи сдѣлаться рабами своихъ побѣдителей (Левъ Діаконъ). Вообще, быть скованнымъ почиталось варварами величайшимъ позоромъ (Тацитъ). Рабство посмертное, по представленію лѣтописца, постигло Святополка окаяннаго: «по смерти вѣчно мучимъ есть и *связанъ*» (Ипат. 102). При утвержденіи договора 945 г. Игорь съ мужами клялся на холмѣ «кде стояше Перунъ». По дальнѣйшему лѣтописному разсказу (подъ 980 г.), кумиры *другихъ* языческихъ боговъ— Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши (изъ нихъ *Дажьбогъ* въ Хожденіи Богородицы по мукамъ замѣненъ *Волосомъ*), были поставлены въ Кіевѣ Владиміромъ Святославичемъ, но въ Новгородѣ дядя его Добрыня поставилъ, надъ Волховомъ, одного кумира Перуна, низвергнутаго въ 991 г. архіепископомъ Іоакимомъ. Клявшіеся соблюдать договоръ некрещеные руссы должны были положить, и въ самомъ дѣлѣ клали, на землю вмѣстѣ съ оружіемъ золотые обручи («полагаютъ обручѣ»,— «покладоша золото»), о которыхъ упоминаетъ, согласно съ Свѣтоніемъ, Страбонъ (lib. XI), говоря о донскихъ *аорсахъ*, «по богатству ходившихъ въ золотѣ», и писавшій около 912 г. Ибнъ Даста, какъ о ручномъ украшеніи мужчинъ у *руссовъ*. Вотъ почему, мнѣ кажется, что когда «ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ руси» [2]), клявшіеся присоединяли къ имени Перуна и имя Волоса. Въ грамотѣ Святославовой 971 г. рота изложена нѣсколько иначе: «да имѣмъ клятву отъ Бога и—въ него же вѣруемъ (т. е. и того, въ котораго вѣруемъ),—въ Перуна и *въ Волоса* «скотья бога, и да будемъ золоти (желты) яко золото [3]), и своимъ оружьемъ да иссѣчены будемъ» (ср. Радз.). Христіанская клятва, по послѣдствіямъ нарушенія договора, и тутъ

---

[1]) Ср. «живые шероширы» и «воззни (возженные) стрикусы» въ Сл. о полку Игоревѣ.

[2]) На роту шли, конечно, не всѣ люди, но въ лицѣ избранныхъ *мужей*. Имъ надлежало дать обѣщаніе хранить договоръ «отъ Игоря и отъ всѣхъ бояръ и отъ всѣхъ людій страны Руские».

[3]) Изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня (Буслаевъ: «О вліяніи христіанства на славянскій яз.). Въ Лавр.: «да будемъ колоти».

сливается съ языческою, какъ въ договорной грамотѣ Игоря: «крещенъ или не крещенъ, да не имуть помощи отъ Бога»..., не дѣлая рѣзкаго разграниченія христіанъ отъ не христіанъ, по Іоакимовой же лѣтописи, въ дружинахъ Святослава были и христіане. Въ предъидущихъ двухъ договорахъ русскихъ съ греками вполнѣ безразлично для христіанъ и язычниковъ превозносится *божественная* природа мира. Въ 907 г. и, вѣроятно, въ 912 г. руссы клялись двумя божествами языческими—Перуномъ и Волосомъ, особенно чтившимся, чаще подъ именемъ Велеса, въ Ростовской и, кажется, Тмутороканской областяхъ [1]), а въ 945 г. богомъ Перуномъ По удостовѣренію лѣтописца, русскіе послы клялись въ 907 г. за Олега и иныхъ, а потомъ, конечно, и самъ Олегъ, *по русскому закону*, оружьемъ своимъ и Перуномъ, богомъ своимъ [2]), и Волосомъ, скотьимъ богомъ, источникомъ всякаго обилья и матеріальныхъ благъ, покровителемъ торговли (Ибнъ-Даста, Ибнъ-Фадланъ). Въ 912 г.—послы, по ихъ выраженію, «кленшеся оружьемъ своимъ... по закону и по покону языка нашего», т. е. по вѣрѣ и по правилу народа русскаго [3]). Князьямъ и посламъ русскимъ варяго-русскаго происхожденія вполнѣ приличествовало присягать за всѣхъ русскихъ по ротѣ, усвоенной племенами славянскаго типа, составлявшими ядро населенія Русскаго государства. Притомъ Перунъ и Волосъ, причисляемые и Густынскою лѣтописью къ богамъ русскимъ (т. II, 256, 257), почти только номинально отличались, по ихъ выдающимся свойствамъ, отъ боговъ некрещеныхъ норманновъ Одина и Тора. Послѣднее имя переносится скандинавскими сагами на родоначальника норманскихъ королей Трояна или Тора (Эдда, см. Ant. rus. I), памятнаго у насъ не только по произведеніямъ литературнымъ (Слово о полку Игоревѣ, «Хожд. Богородицы по мукамъ), но и по названію рѣкъ (Торъ и Торецъ). Символическое значеніе клятвы надъ золотомъ толкуютъ разно, но несомнѣнно, что золото почиталось твореньемъ Волоса, справедливо отождествляемаго большинствомъ ученыхъ съ солнцемъ—Дажьбогомъ [4]) и названнаго Ипатскою лѣтописью золотымъ или златоноснымъ: «Овии бо глаголаху, яко *златомъ Власомъ* поверзена есть церкви *отъ небесе* и *тьмъ* же утвержена» (стр. 479, подъ 1200 г.). Власіемъ именуется Волосъ и въ Тверской лѣтописи

---

[1]) Житіе Авраамія + 1010 г., надпись на крестѣ, данномъ Авраамію «побѣдити идола Велеса при князѣ Владимірѣ», и Слово о полку Игоревѣ.

[2]) «Жряху ему новгородци аки богу» (лѣтоп. подъ 980 г.).

[3]) Ср.: грам. 912 г.: «любовь утвердити по вѣрѣ и по закону нашему», - «толцѣмъ же прибудеть по закону»; подъ 1229 и 1247 г.: «иного *языка не рускаго*»—буди ты старѣй всѣмъ княземъ *въ рускомъ языцѣ*».

[4]) Слич. догов. выраж.: «Дондеже *солнце* сьяетъ, и весь миръ стоитъ»... Отъ солнца заимствовала свѣтъ свой и русская «*свѣтлость*», т. е. князья.

(стр. 39), и въ двустишіи Іоанна Геометра (Васильевскій: Русск. византотрывки), и въ народной поговоркѣ: «Егоръ да Власъ—всему богатству глазъ». Моленіе русскихъ торговцевъ въ Итилѣ о направленіе къ нимъ покупателей съ золотыми и серебряными деньгами (Изв. мусульм. писат.) обращено было очевидно къ Волосу. Геродотъ упоминаетъ о священномъ *золотѣ*, палладіумѣ скиѳской народности, ниспосланномъ съ неба, благоговѣйно хранимомъ царями скиѳскими и чествуемомъ въ народѣ періодическими жертвоприношеніями. Кажется мнѣ, какую-то связь съ Волосомъ имѣетъ и «звѣзда хвостатая»—(комета), си же звѣзда нарѣчается *власатая*» (Ипат. 570), т. е., быть можетъ, ведущая свое происхожденіе отъ Волоса [1]). Въ припискѣ къ договору 945 г. греки убѣждали Игоря блюсти договоръ для отвращенія гибельныхъ послѣдствій нарушенія клятвы «*будеть* достойно своимъ оружьемъ умрети,—и да *будеть* клятъ»..., обращаясь къ нему съ такимъ внушеніемъ: да аще *будеть*,—*добрѣ* (хорошо) Игорь великій князь *да хранитъ* си любовь правую». Полнымъ доказательствомъ правильности моего чтенія, идущаго наперекоръ принятому—«да аще будеть добрѣ»—служитъ выраженіе Ипатской лѣтописи подъ 1162 г. Князь Андрей просилъ разрѣшенія у епископа Леона ѣсть мясо въ среду и пятокъ; епископъ же повелѣлъ ему «толко одну недѣлю порозную ѣсти мяса въ среду и въ пятокъ, а прочего *добрѣ хранити*»..

Святославъ, принимавшій еще дитятей, чрезъ посла своего Вуефаста, участіе въ договорѣ 945 г., который самъ обновилъ въ 971 г., утвердивъ присягой,—палъ, по кіевскому преданію, жертвою клятвопреступленія, какъ и Игорь. Лѣтописецъ кіевскій не безъ задней мысли нравственнаго поученія сближаетъ пропзнесенную Святославомъ присягу: «да будемъ *золоти* яко золото се... да умремъ» съ остановкою его *на зиму* («озимѣвъ»), вопреки договорамъ съ греками, въ днѣпровскомъ Бѣлобережьи или Лукоморьи (по арх. сп.). Ближайшей причиной впаденія Святослава въ бѣду послужило нарушеніе имъ клятвы; но, «творя норовы поганьскія», онъ заслуживалъ Божьей кары, въ представленіи лѣтописца, и за ослушаніе своей матери Ольги принять крещеніе (подъ 955 г.), и за ругательство надъ христіанами, какъ «ругашеся христіаномъ и нѣкій вельми сильный князь, сидѣвшій въ Вислѣхъ, крестившійся «нудми», по предсказанію Мефодія, за отказомъ креститься добровольно. Наряду съ братолюбіемъ и другими священными завѣтами прародителей, отступленіе отъ которыхъ навлекало на виновнаго справедливый гнѣвъ Божій (судьба окаяннаго Святополка и т. под.), послушаніе матери и впослѣдствіи ставилось въ непремѣнную обязанность

---

[1]) Что касается формы «Велесъ», то она образовалась подъ вліяніемъ ветхозавѣтнаго преданія объ *Увелѣ*, замыслившемъ пѣсни и гусли (Тверск. 86 и др.), почему пѣснотворецъ Боянъ—внукъ *Велесовъ* (Сл. о п. Игоревѣ).

русскимъ князьямъ. Въ духовной вел. князя Дмитрія Ивановича 1389 г. нѣсколько разъ повторено: «а матере своее слушайте». Послѣ жестокихъ мукъ, испытанныхъ въ Бѣлобережьи отъ голода («зубовъ гладныхъ»), ниспосланнаго богомъ Волосомъ, когда истощились запасы взятаго у грековъ брашна, питались кониной, покупавшейся чрезвычайно дорогой цѣной, едва лишь успѣлъ Святославъ съ остаткомъ войска, при наступленіи весны, войти въ Днѣпръ, какъ лишенный помощи и Перуна, былъ вѣроломно убитъ печенѣгами, съ коими мирный союзъ заключенъ имъ въ 968 г. «И убиша Святослава, и взяша голову его и во лбѣ его здѣлаша чашю, оковавше лобъ его *золотомъ*». Такой же варварскій обычай былъ примѣненъ въ 811 г. болгарскимъ царемъ Крумомъ, повелѣвшимъ сдѣлать пировую чашу съ металлическимъ окладомъ, по болгарскимъ преданіямъ—золотомъ (у Папсія—«оковали ю со *злато*») изъ черепа павшаго съ нимъ въ бою Никифора (Кедринъ). Смерть, въ возмездіе за нарушеніе клятвы, часто, по Божьему суду, постигала князей, напр. галицкаго князя Владиміра Ярославича въ полов. XII в.. Святославъ храбрый погибъ молодымъ. При началѣ своего княженія, въ походѣ на деревлянъ 946 г., брошенное имъ копье, пролетѣвъ сквозь уши, попало подъ ноги его коня, «бѣ бо вельми дѣтескъ». Если вѣрить Константину Порфир., то въ малолѣтнемъ возрастѣ Святославъ княжилъ въ Новгородѣ (De adm. imp.). Къ 964 г., повидимому, Святославъ вполнѣ возмужалъ. Подъ 942 г., которымъ Ипатская лѣтопись ошибочно отмѣчаетъ смерть Симеона болгарскаго († 927 г.), въ Воскресенск. и нѣкот. др. спискахъ, вѣроятно на основ. метрической записи, сказано: «Въ се же лѣто родися Святославъ у Игоря». По той же Воскрес. и др. лѣтописямъ, Святославъ княжилъ всего 28 лѣтъ. Нѣкоторые своды, а за ними Тверской, даютъ Святославу въ 945 г. 15 лѣтъ [1]). Полагаю вмѣстѣ съ Соловьевымъ, что Святославъ дѣйствительно родился въ 942 г., что въ 946 г. ему было около 4-хъ лѣтъ (Ник. т. X. 19, 23 [2]), и что онъ умеръ 32 лѣтъ [3]).

---

[1]) Это не было бы вѣрно, еслибы даже годъ его рожденія совпадалъ съ годомъ смерти Симеона.

[2]) Ср.: «Данилу же тогда дѣтьску сущю, якоже можяше на конѣ ѣздити» (Ипат. 488).—Василій Ивановичъ, умирая 1534 г., вручилъ царскій скипетръ сыну Іоанну, когда послѣднему наступилъ *четвертый* годъ (Воскр. т. VIII).

[3]) Отъ смерти Святослава Игоревича до смерти Ярослава Владиміровича лѣтописецъ считаетъ 85 лѣтъ. Однако, если взять число лѣтъ отъ кончины Святослава (972) до кончины Ярослава (1054), то выйдетъ всего 82 года. Думаю, что игуменъ Сильвестръ въ хронологическомъ распредѣленіи событій, доведенномъ до смерти Святополка-Михаила, руководился, между прочимъ, Похвалой монаха Іакова, по которой Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ въ *осьмое* лѣто по смерти отца своего Святослава, именно 11 іюня 6486, т. е. въ

Мирный договоръ 971 г. былъ, по смерти Святослава, подтвержденъ, вѣроятно съ дополненіями, въ 978 г. сыномъ его Ярополкомъ вскорѣ послѣ посольскихъ сношеній руссовъ («ruscorum») съ императоромъ Оттономъ въ Кведлинбургѣ, происходившихъ около 973 г., совмѣстно съ греческими послами (Pertz. т. III, 63), и совпадающихъ съ посольствомъ къ нему отъ датскаго Геріольда (A. Altakens.). «Того же лѣта пріидоша послы отъ греческаго царя (Василія) къ Ярополку и *взяша миръ и любовь* и яшася ему по дань, яко же и *отцу* его и *дѣду* его» (Собр. лѣтоп. т. IX, 39). Въ началѣ княженія Владиміра Святославича до успѣшнаго похода его на Корсунь, около 989 г.,—по словамъ монаха Іакова, на третье лѣто по крещеніи,—завоеванный имъ и возвращенный потомъ грекамъ «за вѣно царицы дѣля Анны», тетки Оттона III, которую братья ея Василій и Константинъ принудили будто-бы ѣхать въ Корсунь для вступленія съ Владиміромъ въ бракъ «да ся бы болма на крестьянскій законъ направилъ» (мон Іаковъ) [1]),—мирныя отношенія русскихъ къ грекамъ продолжались по старому. Въ 980 г., расправляясь съ крамольной партіей варяговъ, возбудившихъ къ себѣ народную ненависть насиліемъ и поборами, и стремясь къ переселенію ихъ въ Грецію послѣ убійства Ярополка и наглаго ихъ требованія отъ кіевлянъ дани по двѣ гривны съ человѣка, Владиміръ отправилъ съ послами дружеское предупрежденіе царю Василію: «Вотъ идутъ къ тебѣ варяги, не позволяй держать ихъ въ Царьградѣ, нето учинятъ тебѣ тамъ такія же пакости, какъ и здѣсь, но расточи ихъ по разнымъ мѣстностямъ, а сюда не пускай ни единаго». Вообще переговоры Владиміра съ царями Василіемъ и Константиномъ Романовичами изложены довольно подробно въ лѣтописи нашей, проливая свѣтъ на обыденный порядокъ дипломатическихъ сношеній Руси съ Греціей въ концѣ X столѣтія. Лѣтопись приводитъ содержаніе грамотъ Владиміра—одну съ угрозой взять Царьградъ въ случаѣ отказа отдать за него сестру царей Анну и оповѣщеніе отъ нихъ, начинающееся словами:... «не достоитъ хрестьяномъ за поганыя даяти», съ увѣщаніемъ креститься; затѣмъ отвѣтъ Владиміра съ изъявленіемъ готовности принять крещеніе, и наконецъ обѣщаніе царей прислать Анну, если Владиміръ крестится. Все это было продолженіемъ сношеній съ императорами, предпринятыхъ въ 987 г. и

---

978 г.. Тогда, при отнесеніи смерти Святослава къ 970 г., выходило бы 37 лѣтъ Владимірова княженія (Ярополкъ 8 л., Владиміръ 37 л., Ярославъ 40 л.=85 л.). Несогласіе погодныхъ записей съ основнымъ хронологическимъ перечнемъ можно объяснить недосмотромъ Сильвестра или его продолжателей.

[1]) Принужденіе сопровождалось такимъ увѣщаніемъ: «Греческую землю избавишь отъ лютыя рати, видиши ли колько зла створиша русь грекомъ, и нынѣ, аще не идеши. то же имуть створити намъ».

сопровождавшихся испытаніемъ вѣры. Быть можетъ, къ означенному времени примыкаетъ показаніе Ибнъ-анъ-Надима о посольствѣ владѣтеля кавказскаго къ царю руссовъ (А. Гарк: Сказ. мус. пис. № 18), а также персидскаго писателя Мухамеда-ай-Ауфи объ отправленіи русскимъ царемъ Буладиміромъ четырехъ пословъ изъ своихъ родственниковъ къ хорезмашу, о полученіи ими почетныхъ подарковъ и отряженіи имъ къ русскимъ одного изъ имамовъ поучать ихъ правиламъ ислама [1]). Тогда переговоры съ царями къ желанному соглашенію не привели, иначе Владиміру не представлялось бы уважительнаго повода двинуться на Корсунь. Греческіе и армянскіе историки сообщаютъ, что въ исходѣ X в. Владиміръ посылалъ въ Грецію шеститысячное вспомогательное ополченіе. Возстаніе Варды Фоки было подавлено императоромъ Василіемъ II при участіи вспомогательныхъ русскихъ дружинъ (Цселлъ, Скилица [2]). Къ этому моменту пріурочиваетъ лѣтопись посвященіе Византіи десятью выборными русскими послами для ближайшаго ознакомленія съ греческимъ богослуженіемъ и приходъ къ Владиміру легатовъ отъ папы съ пресловутымъ заявленіемъ: «земля твоя—яко и земля наша, а вѣра ваша—не яко вѣра наша» (986 г.), и такой, приводимый нашими византинистами (Васильевскій, Успенскій и др.) разсказъ арабскаго писателя: «Когда царю Василію угрожала опасность, то, по недостатку собственныхъ силъ, нужда заставила его послать съ просьбою о помощи къ царю враговъ своихъ—руссовъ, который склонился на просьбу, и *заключили они между собою договоръ* о свойствѣ и женился русскій царь на сестрѣ царя Василія, поставивъ условіемъ крещеніе его самого и его народа». Лѣтописное выраженіе: «живяше Владиміръ *по строенью* дѣдню и отню» разумѣетъ, кажется, въ особенности, строенье *мирное*.

Исторія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Византіей въ X вѣкѣ обрывается на глухомъ извѣстіи Никоновскаго свода о приходѣ, около 988—990 г., греческихъ уполномоченныхъ къ Владиміру св.. Послѣ крещенія... «многи послы приходиша изъ грекъ отъ царей со многою честью и зъ дары и *съ любовію*» (стр. 57) «Того же лѣта 990 пріидоша отъ греческихъ царей послы *о любви*». Мирный договоръ открылъ Владиміру, между прочимъ, возможность навербовать въ Греціи мастеровъ для сооруженія кіевской церкви св. Богородицы. Миру съ греками предшествовало

---

[1]) Сообщ. Бартольда въ IX т. Зап. восточн. отд. Имп. Арх. Общ.. Изъ еврейской приписки къ пятикнижію оказывается, что Владиміръ дѣйствительно посылалъ изъ Кіева («князь Рошъ Мешехъ изъ г. Ціобъ») къ хозарскому царю Давиду по дѣламъ вѣры (Д. Хвольсонъ: Евр. надгробн. надп. въ Крыму, 75).

[2]) Въ византійскомъ трактатѣ по стратегіи упоминается о какомъ-то *русскомъ* отрядѣ при греческ. императорѣ около того времени (Визант. Врем. т. VII, в. 1—4).

заключеніе Владиміромъ договоровъ съ Болеславомъ польскимъ, Стефаномъ угорскимъ, Андрихомъ чешскимъ: «И бѣ жива Володимiръ съ князи околними миромъ... и бѣ *мирз* межи ими и *любы*». О пріѣздѣ къ Владиміру пословъ отъ князей чешскаго и ляшскаго сохранилась подъ 992 г. запись въ Никоновскомъ сводѣ, согласная съ приведеннымъ мною свидѣтельствомъ Длугоша. По словамъ Иларіона, — «единодержецъ Владиміръ покоривъ подъ ся *иныя окрулныя страны миромъ*».. Любовныя узы, связывавшія Русь съ Греціей, не разрывались и въ первой половинѣ XI вѣка, до 1043 г. По Кедрину, Зонарѣ и др., миръ, въ силу договора и родства греческаго царскаго дома съ русскимъ княземъ, возстановившій право русскихъ вести торговлю съ греками, длился весьма долго, пока не былъ прерванъ въ томъ году, на три года, убійствомъ въ Царьградѣ русскаго мужа, которое вызвало несчастный походъ русскихъ къ Царьграду. Однако, сближеніе ихъ съ греками бросило уже столь глубокіе корни, что въ 1069 г., на вѣчѣ, кіевляне рѣшили въ случаѣ, если Изяславъ отдастъ ихъ ляхамъ на разореніе, то они зажгутъ градъ свой и *ступятъ въ землю греческую*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Правда, составляющая главный предметъ договоровъ 912 и 945 г., есть, по времени, первый сохранившійся оффиціальный источникъ нашихъ познаній о русскомъ правѣ. Въ дѣлахъ между русскими и греками каждая договаривающаяся держава опиралась не только на обоюдную, договорную Правду (законъ грекорусскій), но и на свою собственную, національную Правду, ограждавшую, подъ защитой верховной власти, интересы подданныхъ личные и имущественные. Договоры отъ начала до конца проникнуты правовымъ характеромъ. Къ достиженію «*правой* любви» вело «*правое*» или правовое обсужденіе договорныхъ статей («право судихомъ»), выражавшееся въ «*правомъ* свѣщаніи». Корни греческой Правды хорошо извѣстны. Первообразъ Правды Русской или Роськой—«закона русскаго» свѣтскаго донынѣ не удалось раскрыть ученымъ. По моему убѣжденію, такимъ первообразомъ послужила Правда *варяго-словенская*. Лѣтописецъ нашъ выставляетъ отсутствіе Правды у обитателей велпкой и обильной земли, прослывшей Русскою,— «не бѣ въ нихъ Правды» — однимъ изъ побудительныхъ поводовъ приглашенія варяжскихъ князей [1]). Съ ихъ прибытіемъ

[1]) Норманнская теорія до послѣдняго времени сильно поддерживается многими учеными. Къ ихъ лагерю примкнулъ Н. Рожковъ въ «Обзорѣ русской ист. съ соціологич. точки зрѣнія». По его мнѣнію,—«мотивы, вызвавшіе появленіе варяговъ, имена пришельцевъ, данныя о ихъ завоеваніяхъ, сомнѣнія возбудить не могутъ... варяговъ—русь надо считать *норманнами*» (стр. 71 и 72).

туземныя союзныя племена, вошедшія въ составъ Русскаго государства, приняли Правду *договорную*, сдѣлавшуюся для нихъ обязательною чрезъ примѣненіе въ судебной практикѣ по княжескому приказу и ограничившую господство племеннаго самосуда и произвола, а вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе внутреннихъ раздоровъ, слѣды которыхъ запечатлѣлись въ 16 ст. Псковской судной грамоты: «по грѣхамъ на кого *родъ ополчится*».. Правда варяго-словенская легла также въ основаніе договоровъ Новгорода съ нѣмцами, восходящихъ къ XI вѣку, какъ можно предполагать по сохранившимся спискамъ договора конца XII вѣка,—времени новгородскаго князя Ярослава Владиміровича, подтвердившаго *старый миръ* съ ними на началахъ изложенной въ договорѣ Правды. Лѣтописное преданіе содержитъ ясные слѣды дипломатическихъ сношеній съ варягами союзныхъ чудскославянскихъ племенъ для установленія, по добровольному договору, правового порядка верховною властью иноземнаго князя, «иже бы судилъ (въ нѣкоторыхъ спискахъ «рядилъ») по *ряду*, по *праву*» [1]). Іоакимовская лѣтопись знаетъ заключеніе старѣйшиною словенъ Гостомысломъ, послѣ одержанныхъ надъ ними побѣдъ, *мира* съ варягами.—Упомянутое добровольное соглашеніе на почвѣ *правовой* представляется наиболѣе могучимъ двигателемъ въ образованіи Русскаго государства. Подлинный текстъ договора съ варягами враждовавшихъ между собою племенъ, имѣвшихъ своихъ правителей, но не имѣвшихъ, до его заключенія, обязательной для себя, единой руководящей Правды, не дошелъ до насъ, но съ нимъ знакомятъ лѣтописные его отголоски, статьи Ярославовой Правды, въ связи съ договорами между новгородцами и нѣмцами, стремящіяся объединить національные правовые обычаи тѣхъ племенъ и заморскихъ варяговъ, коимъ лѣтопись приписываетъ *русское* происхожденіе, а также скандинавскія саги (Еймундова и др.). Знаменательно въ высшей степени извѣстіе большинства лѣтописей подъ 882 г., что изъ Новгорода, по установленію Олега, платилась варягамъ дань—300 гривенъ, «мира дѣля» [2]); т. е. ради соблюденія или

---

[1]) «.... судити имъ (князю и посаднику) взираа въ Правду... судити *право* по крестному цѣлованью» (Псков. судн. грам.).—«А судить имъ (посаднику, намѣстнику, тысяцкому) «*право* (Новг. судн. грам.). «Право» – справедливо: «Да аще мя просите *право*» (Лѣтоп. п. 946 г.). «Давидъ глаголаше.. *право* судите» (Ипат. 94). «Наю слово *право* будеть» (Ib. 371). Лѣтописецъ, подъ 1015 г., по поводу убійства Святослава Святополкомъ Окаяннымъ, приписываетъ праву божественное происхожденіе: «Аще бо кая земля управится предъ Богомъ,—поставляетъ ей цесаря или князя *праведна*, любяща судъ и *правду*, и властеля (Богъ) устрояеть и судью *правящаго* (творящаго правый) судъ».. (Лавр. 136). Князья давали обѣты *правосудствовь* (Воскр. 1103 г.).

[2]) Бояринъ Володиславъ погибъ изъ-за присвоенія себѣ княжеской власти, «*княженія дѣля*». Дѣти его остались безъ призрѣнія со стороны князей, «того ради» (Ипат. 489).

для сохраненія мира, до смерти Ярослава 1-го, въ Никон.: «дани устави по всей Русстѣй землѣ, словеномъ, кривичамъ, мерянамъ дань даяти варягомъ... еже и нынѣ дають». Русская Правда, увѣковѣчившая имя единодержавнаго русскаго законодателя, и упомянутый договоръ съ нѣмцами уравниваютъ: первая — (послѣ перечисленія состояній русиновъ) права *изгоя* [1]) (выходца) и *словенина*, второй — *варяга* (иноземца) и *русина* (туземца), съ подчиненіемъ варяговъ во всѣхъ ихъ похожденіяхъ на территоріи Русскаго государства мѣстному русскому закону, какъ нѣкогда подчинялъ и эдиктъ Ротара пришельцевъ—varegang'овъ мѣстному лонгобардскому закону. По скандинавскимъ сказаніямъ, главенство надъ полночною или верхнею Русью было предоставлено Ярославу 1-му въ качествѣ конунга, съ тѣмъ чтобы полоцкая и сосѣднія области, *съ данью*, оставались подъ владычествомъ Эймунда. Наша лѣтопись вспоминаетъ, подъ 980 г., полоцкаго князя Рогволода, «пришедшаго изъ-за моря и имѣвшаго волость свою въ Полоцкѣ», который Рюрикомъ былъ данъ въ управленіе одному изъ своихъ мужей (862). Коренныя начала,—«поконы», написанной въ Кіевѣ, но дарованной Ярославомъ сперва новгородцамъ Русской Правды, съ ея терминами, заимствованными отъ нѣмцевъ (вира—werhrgeld, поле—kampf или kamp, и т. д.), по духу, по формѣ, по классификаціи преступленій и по языку, во многомъ тождественны съ нормами частнаго международнаго права и ихъ воспроизведеніемъ въ договорахъ русскихъ съ греками X в..

Положенія договорной Правды 912 и 945 г., составляющія юридическое существо договоровъ, ихъ «истину» (актъ 945 г.) [2]), можно, для упрощенія, подраздѣлить на три основныхъ отдѣла, смотря по тому, какую ка-

---

[1]) Готское ussgaqja (Морошкинъ). На языкѣ иллирійскомъ izhajati—выходить (Иванишевъ). *Выходиться*—выходиться, въ смыслѣ возстановленія способности передвиженія (Акт. Гродн. земск. суда, изд. Виленск. Арх. Ком., т. XVII, стр. 240 и 291). Въ древнемъ Уставѣ о мостовыхъ изгои—варяги, давшіе названіе одной изъ улицъ Новгорода (Вареская,—Варяжская), гдѣ стоялъ Нѣмецкій дворъ (Новг. I, 1229 г.). Въ законахъ лонгобардскаго короля Ротара, VII в., (cap. 390) постановлено: «Omnes *vargangi*, qui *ex exteris finibus* in regni nostri finibus *advenerint*, sequc sub scuto potestatis nostrae subdiderint, legibus nostris Longobardorum vivere debeant, nisi legem suam a pietate nostra meruerint».

[2]) Слова истина и правда или справедливость употребляются часто безразлично, напр.: «судя судъ истиненъ»,—«истинный судъ правды» (лѣтопись подъ 1212 г. и т. VI, 162). Въ 43 ст. Смоленскаго догов. съ нѣмцами «правый коупьчъ»—истинный купецъ. Ср.: «стоять въ крестномъ цѣлованьи со всею *правдою истиньною* нелицемѣрно;—*правда и истина* съ нимъ ходяста;—*правдою* оболченъ, *истиною* обитъ».. (Ипат. 605–607).

тегорію правовыхъ нормъ онѣ затрогиваютъ: уголовную, гражданскую, или государственную. — Договоръ 912 г. системѣ преступленій и наказаній предпосылаетъ систему доказательствъ, къ которой, въ процессуальной сферѣ, примыкаютъ правила международной подсудности, вмѣстѣ съ правилами о выдачѣ преступниковъ и утраченныхъ или бѣглыхъ челядиновъ. Большое государственное значеніе придаютъ договоры выкупу плѣнныхъ, составляющему предметъ нѣсколькихъ статей договорной Правды. Статья о доказательствахъ приспособлена спеціально къ случаямъ *смертоубійства*, а не ко всѣмъ видамъ *проказъ*[1])—злодѣяній, предусмотрѣнныхъ договоромъ 912 г. Нѣкоторые виды проказъ, по своимъ особенностямъ и по указаніямъ въ договорахъ 912 и 945 г., не терпятъ примѣненія системы доказательствъ головной проказы. Тѣмъ не менѣе весьма легко смѣшать въ мирномъ актѣ 912 г. «главы» съ «головами»: «Суть... *главы* таковыя», то есть capitula sequuntur[2]). Въ концѣ договорной грамоты русскіе клянутси, слѣдуя покону и закону народа своего, «не преступати... отъ уставленыхъ *главъ* (въ Ипат. «глаголовъ») мира и любве»—pacis et concordiae. Главы начинаются положеніемъ объ убійствѣ: «А о *головахъ* (Лавр., Ипат.)[3]) урядимся сице».. Затѣмъ излагаются дополнительныя главы или статьи о правовыхъ отношеніяхъ, опирающіяся на принципіальной главѣ о взаимномъ сохраненіи, *по прежнему договору*, искренняго и полнаго любовнаго единенія русскихъ съ греками.

Упомянутая глава о доказательствахъ смертоубійства предшествуетъ третьей главѣ договора 912 г., предоставляющей ограниченную свободу родственникамъ убитаго въ отмщеніи смертельной обиды. Правила о доказательствахъ убійства не повторены въ договорѣ 945 г., но въ немъ помѣщено особое правило о порядкѣ удостовѣренія несостоятельности подлежащаго денежному взысканію за нанесеніе ударовъ. Предлагаю свой переводъ, съ комментаріемъ, главы второй договора 912 г. на современный

---

[1]) Иногда проказа—зло, злополучіе, чаще — злодѣяніе. Ср.: «Иже ся ключитъ *проказа*;—«аще-ли ключиться тако же *проказа*»;—«аще-ли ключится *проказа* нѣкака»... Въ латинскихъ грамотахъ проказа—pestilentia. Это объективный элементъ преступленія, обиды; субъективный его элементъ есть грѣхъ: «явится *свѣрѣшеніе*» (дог. Олега);—«да того дѣля *грѣха* заплатитъ»,.. (дог. Игоря). Понятіе о немъ внушено русскимъ подъ вліяніемъ христіанства, ставившаго на первый планъ нравственное нарушеніе закона, подлежавшее очищенію посредствомъ *эпитимій*.

[2]) Въ договорѣ 847 г. у Bernard'a: Requeil des traités d. 536—1700 г; здѣсь собраны древнѣйшіе трактаты, которыхъ нѣтъ у Dumont'a: Corps universel dipl. du droit des gens, только съ 800 г., и Rymer'a: Foedera, conventiones, съ 1101 г., и т. д.

[3]) Въ 3-мъ изд. Лавр. лѣтоп. Арх. Коммиссія неудачно замѣнила головы главами, какъ въ Радз.: «А во *главахъ* урядили сице».

языкъ: Сколь (преступленіе) явно будетъ (при) доказательствѣ чрезъ свидѣтелей, да имѣютъ (судьи) вѣрное (подтвержденіе правдивости) таковыхъ въ свидѣтельствѣ; если же ему (свидѣтельству) начнутъ не вѣрить, то да не клянется сторона та, которая ищетъ, (вопреки) недовѣрію; пусть, когда (она) клянется по вѣрѣ своей, и будетъ (примѣнено) наказаніе, смотря потому какъ обнаружится («и будеть казнь якоже явится») [1] преступленіе,— за это («о семъ»). Глава начинается словами: «Елико явѣ будеть *показаніи явленьми*». Въ одной изъ статей договора 912 г.—«*покажется* отъ челядина»—въ смыслѣ *докажется* относительно челядина, по жалобѣ русскихъ на утрату его, ибо одного свидѣтельства челядина найденнаго было бы едва-ли достаточно для возвращенія его хозяину во всѣхъ перечисленныхъ статьею случаяхъ утраты челядина, посредствомъ кражи, побѣга, принудительной продажи. По договору 945 г., утрата бѣжавшаго отъ русскихъ гостей, послѣ прибытія ихъ въ Грецію, и не найденнаго челядина доказывалась ими своей присягой. Въ законѣ Винодольскомъ, какъ и въ Кормчей—въ статьяхъ, извлеченныхъ изъ Градскихъ и др. законовъ, о *явленіи* истины послухами, показать значитъ *доказать* преступленіе или прегрѣшеніе (ст. 23, 27, 28, 30, 47, 52, 53, 60). Тоже въ иныхъ статутахъ (В. Ягичъ: Законъ Винод., прим. 36). Судъ Божій надъ Святополкомъ Окаяннымъ «*показываше явь* посланая пагубная рана» (Ипат. 102). Явленые—обыкновенно свидѣтели послухи, выставленные или выведенные для обнаруженія истины, которая чрезъ нихъ являлась. По ст. 30 византійскихъ законовъ Эклоги, постановленіямъ Прохирона «Объ имовѣріи», сперва свидѣтели даютъ показаніе безъ клятвы, затѣмъ подтверждаютъ его клятвой, а въ Законѣ Юстиніана «О записаніи», между прочимъ, установлено «если свидѣтели не свѣдокоуютъ вьси еднако, да се не вѣруютъ» (А. Павловъ: Кн. законныя; Кормч. и др.). Въ Законѣ судномъ людемъ, занесенномъ во многіе списки лѣтописи, устраняются изъ числа достовѣрныхъ доказательствъ показанія ближайшихъ родственниковъ тяжущагося, и т. п. По Русской Правдѣ, различающей видоковъ отъ послуховъ не очевидцевъ, достовѣрными свидѣтелями могутъ, напр., быть только люди свободные: «холопу вѣры не няти». Въ нашемъ древнемъ процессѣ *явное* или явленое—открытое, противополагаемое тайному, заочному, скрытному образу дѣйствій, только и можетъ носить на себѣ признаки несомнѣнной достовѣрности [2].—Въ договорѣ 912 г. рѣчь собственно идетъ о клятвѣ не свидѣ-

---

[1]) «Не подобаетъ судити о чародѣяніи дондеже *явится грѣхъ*» (Кормчая). «Аще *обличится* грѣхъ» (Запов. св. отецъ, ст. 83),—«*изличивъ*, казнити по винѣ,... а *доличать* коего головника» (ст. 8 и 96 Псков. судн. гр.).

[2]) По Уставной грамотѣ жителямъ Кіевской области 1507 г., явное обвиненіе лишь послѣ судебнаго разбирательства могло повести къ наказанію оговореннаго: «А хто кого

телей, но истца, какъ стороны или партіи (pars), *участвующей* въ начатомъ ею судебнымъ порядкомъ преслѣдованіи и домогающейся раскрытія преступленія всѣми зависящими отъ нея мѣрами:—«да не клянется *часть* та, иже ищетъ».. Искъ уголовный есть тяжа, возбужденная противъ кого-либо по иниціативѣ правительственной, у русскихъ—вел. князья въ случаѣ убійства, напр., членовъ посольства («да не изыщеться смерть ихъ отъ князя вашего», въ догов. 945 г.), или жалобой потерпѣвшаго, въ формѣ объявленія (proclamatio). Держаться тяжи — придерживаться иска: «да *держится тяжи*, дондеже (убійца) обрящется» (догов. Олега), «да ищютъ его (убійцу), дондеже обрящется» (догов. Игоря). Истцу, по дѣламъ объ убійствѣ, запрещалась присяга, когда «явленіе», сводившееся къ заявленію, подкрѣпленному свидѣтелями, (ср. 20 и 33 ст. Псковск. судн. гр.), а иногда и вещественными уликами, не внушало судьямъ достаточнаго довѣрія по какимъ либо причинамъ. Выраженіе «о тацѣхъ» ни къ чему иному нельзя, мнѣ кажется, примѣнить, какъ только къ «явленымъ». «Вѣрное» содержитъ въ себѣ намекъ на присяжное удостовѣреніе. Терминъ этотъ (часто «вѣра»), въ значеніи клятвеннаго обряда, удержался во многихъ позднѣйшихъ памятникахъ [1]). Религіозный смыслъ «вѣрнаго» сквозитъ въ выраженіи: «егда клянется по вѣрѣ своей», предполагающемъ, что о вѣрномъ—присягѣ говорится раньше и что въ основѣ «вѣрнаго» кроется обращеніе къ божеству. Тѣсная сплоченность стороны истцовой съ ея послухами помощниками, въ первобытномъ процессѣ, не даетъ простора опроверженію, что совмѣстно съ истцомъ принимали присягу и его свидѣтели, хотя о присягѣ свидѣтелей договоръ прямо не упоминаетъ. По русскому обычаю, присягѣ истца съ его помощниками, готовыми неуклонно отстаивать его правдивость и доброе имя, придавалось нерѣдко значеніе непреложнаго доказательства. По Русской Правдѣ, поклепъ въ убійствѣ считался имовѣрнымъ при подтвержденіи его семью лучшими мужами послухами—«то ти (тебѣ) имоутъ вѣру»... (ст. 15 Кар. сп. [2]). Для согла-

---

обадитъ, а любо обмовитъ тайно ль, *явно ль*, ино того ни одною виною не казнити... оли жъ поставити на явномъ суду (обвинителя и отвѣтчика) и, досмотрѣвъ межи ними, право вчинити».—Въ 1097 г. князья Владиміръ, Давидъ и Олегъ, по поводу ослѣпленія Василька, говорили Святополку: «аще ти бы вина какая была на нь, обличилъ бы... и уприѣвъ бы и, «створилъ ему, а нынѣ *яви* вину его, оже ему се створилъ еси» (Лавр. 253).

[1]) Напр., въ Уставн. грам. г. Шуѣ 1606 г.:—«присуживати *вѣру*—крестное цѣлованье» (А. Арх. Э., II, 52).

[2]) Въ рецензіи на превосходный трудъ Бруннера о судѣ присяжныхъ Hettier замѣчаетъ, что если Русское государство основано норманнами, что̀ весьма вѣроятно, то это установленіе отъ нихъ и заимствовано. (De l'enquête franque et des origines du jury)..

сованія русскаго и болѣе утонченнаго, греческаго способовъ раскрытія истины въ важнѣйшихъ дѣлахъ уголовныхъ присяга истца, какъ «части», принята договоромъ въ качествѣ вспомогательнаго и рѣшающаго доказательства лишь въ случаяхъ вѣроятности совершенія обвиняемымъ преступленія, благодаря представленію обвинителемъ вѣскихъ доводовъ или уликъ, склонявшихъ убѣжденіе судей въ его пользу. Отрицательное «не» (клянется) помѣщено въ древнѣйшихъ, наиболѣе исправныхъ лѣтописныхъ сводахъ, и устраненіе его, по Радзивиловскому и подобнымъ спискамъ, допускаемое многими учеными, исказило бы разсматриваемую статью, редактированную съ достаточною полнотою и ясностью, несмотря на свойственное древнерусскому лаконическому языку опущеніе предлоговъ. Къ договорной системѣ доказательствъ по смертоубійству весьма близко примыкаетъ практиковавшійся въ древнѣйшемъ польскомъ правѣ способъ доказательства смертоубійства «(O glowe»), по которому, если оговорившій нѣсколькихъ лицъ въ душегубствѣ *самъ присягалъ*, то оговоренные всѣ признавались виновными и подвергались наказанію. Казиміръ Великій установилъ: чтобы признавался виновнымъ только одинъ оговоренный въ непосредственномъ убійствѣ, когда оговоръ подтвержденъ *клятвою того, кто его оговариваетъ*. Однако, если другіе, которые могли быть *пособниками* убійства, такъ рекутъ: «тотъ убилъ съ помощью только тѣхъ, то тогда (другіе), буде имѣютъ доскональныхъ свидѣтелей, освобождаются, а буде не могутъ имѣть, признаются виновными» (разд. Стат. 64). Сопоставленіе стародавняго правила, измѣненнаго Казиміромъ, съ раздѣломъ 69 Статута приводитъ меня къ заключенію, что въ Польшѣ одного оговора въ убійствѣ, при готовности обвинителя подтвердить оговоръ своей присягой, было недостаточно для изобличенія въ убійствѣ, ибо служебникъ получалъ вознагражденіе лишь послѣ того, какъ убійство *докажется свидѣтельствомъ*. Очевидно, оговорившій подкрѣплялъ оговоръ своею присягою, при помощи свидѣтелей. По Винодольскому закону, обвинитель принималъ присягу, когда у него были *свидѣтели*. Чешско-моравское право, по дѣламъ объ убійствѣ въ пути, на присягу условно уполномочиваетъ также обвинителя. По Статуту Оттона 1237 г., въ подобныхъ случаяхъ къ общему правилу «zok (сокъ или истецъ) aliquem accuset nisi *certo* sub *testimonio*»... присоединялось требованіе, чтобы «ille *quis accusat* et dominus *debet jurare* super sancta sanctorum» (J. Jirecek: Cod. jur. Bohem. 70, 71). Во всѣхъ средневѣковыхъ законодательствахъ можно подмѣтить однообразную черту, заключающуюся въ томъ, что *изобличенный* въ убійствѣ, разбоѣ, или кражѣ, не смѣлъ оправдываться [1]). Непреложнымъ доказатель-

[1]) Къ такому же выводу пришелъ А. Кенигсонъ въ обстоятельномъ Очеркѣ происхожденія и развитія суда присяжныхъ: «при очевидныхъ правонарушеніяхъ не дава-

ствомъ виновности служило достовѣрное или имовѣрное *свидѣтельство*. Такъ, по Кульмскому праву: «is sy (обвиняемый) denne das her yn hanthaftiger tat geuangen sy, so mag her *nicht entschuldigen werden*, ab der cleger uf yn *das tzuget*» (E. Leman: Das alte Kulmische Recht, 60 [1]). Въ случаяхъ похищенія имущества, по русскому выраженію—«въ поклепѣ оже не будеть лица», обвиняемаго брали на испытаніе тó горячимъ желѣзомъ, то водой, или же ему давалась очистительная присяга съ опредѣленнымъ количествомъ послуховъ (Laband: Magdeburger Rechtsquellen, 64, 66; Русская Правда и др. законодат. сб.). При распространеніи нѣмецкаго права въ чешско-моравскихъ земляхъ съ XII в., роковое значеніе имѣла очень часто присяга *семи* достовѣрныхъ мужей, какъ по Закону судному и по Русской Правдѣ, дозволяющей обвиняемому въ убійствѣ оправдываться двумя свидѣтелями, кажется, тогда, когда у обвинителя не было семи имовѣрныхъ свидѣтелей. По ст. 152 закона Стефана Душана: «И ако кто *поиде* соудомь гоусара (разбойника) и татя, а *не боудѣ обличенїа*, да имь есть оправданіе железо». И польское право, подобно южнославянскому, по болѣе важнымъ дѣламъ, обвиняемому дозволяло свести съ себя вину при отсутствіи ясныхъ ея доказательствъ (ст. 43—48 Казим. Стат. и др.). По болѣе гнуснымъ и опаснымъ преступленіямъ, напримѣръ, поджога, Псковская судная грамота допускаетъ присягу отвѣтчика, когда «кто на комъ оучнетъ [2]) сочить, а *долѡки никаковы не будеть*» (ст. 116). Иной принципъ проводится, по крайней мѣрѣ по нашему праву, въ дѣлахъ *гражданскихъ*, особливо при взысканіи, обращенномъ чужеземцемъ къ чужеземцу. Въ нихъ отвѣтчикъ, по состязательному началу, пользуется не только равноправностью съ истцомъ, нерѣдко достигаемой посредствомъ *жребія*, но и преимущественнымъ правомъ принятія присяги. (Русск. Правда, Судебники, Псков. гр., Договорн. грам. и др.). Такое различіе слѣдуетъ приписать преобладанію въ дѣлахъ уголовныхъ интереса *публичнаго* надъ индивидуальнымъ. Можно предполагать, что въ тяжбахъ русскихъ съ греками, какъ и по договорамъ новгородцевъ, смольнянъ и полочанъ съ нѣмцами,

---

лось очистительной присяги обвиняемому». Одинаковаго мнѣнія—иностранные ученые, напр., P. Дарестъ (Etudes d'histoire du droit), E. Glasson (Hist. du droit et des instit. de la France), и т. д.

[1]) По славянскимъ законодательствамъ, отъ пойманнаго съ *поличнымъ* обвиняемаго не принималось оправданій, за рѣдкими изъятіями.

[2]) Отъ глагола оучати, оучинати происходитъ «оучанъ»—вчинаніе Новг. судн. грам., сопровождающійся крестнымъ цѣлованіемъ и противополагаемый *кончанію* дѣла или суда (ст. 19, 20 и др.). Въ Смоленской Правдѣ: «а что боудеть докончано, того не «починати» (ст. 33). Въ Судебникѣ 1550 г., «дѣло по суду кончати» (ст 67); и т. д.

а также по Русской Правдѣ [1]), суды предпочитали въ подлежащихъ спорахъ между иноплеменниками свидѣтельство лицъ *смѣшанной* національности..

Постановленія договоровъ 912 и 945 г. объ убійствѣ, выдвинутомъ въ договорѣ 912 г., при перечнѣ правонарушеній, на первый планъ, одни считаютъ чисто славянскими (Бѣляевъ, Иванишевъ), другіе полагаютъ, что греки, назначивъ за него въ договорахъ смертную казнь, вовсе не соображались съ русскими народными обычаями (Сергѣевичъ), третьи усматриваютъ въ этихъ постановленіяхъ стремленіе примирить византійскія понятія о смертной казни за лишеніе жизни съ русскимъ обычаемъ мести (Владимірскій-Будановъ). Первыя два мнѣнія отвергаю потому, что, по договору 945 года, *русскій*, виновный въ убійствѣ кого либо изъ гребцовъ потерпѣвшей крушеніе *греческой* лодьи, подвергался дѣйствію *закона русскаго и греческаго*, а законовъ русскимъ и греческимъ представляется законъ *международный*, установленный, по нормамъ русскаго и греческаго правъ, предшедшимъ взаимнымъ соглашеніемъ русскихъ и грековъ 912 г.. Договоръ, тогда заключенный, предусматриваетъ *убійство*, біеніе и взятіе вещей греками при крушеніи *русской* лодьи: «аще ключится *кому* отъ тоя лодья въ ней убьену быти, или бьену быти *отъ насъ, руси*» . , т. е. изъ насъ, русскихъ, какъ и въ началѣ статьи:.. «обрящются тамо иже *отъ насъ, руси*», т. е. изъ насъ, русскихъ [2]), «или взяти что любо, да повиньни будуть то створшія прежереченною епитемьею отъ тѣхъ» [3]), т. е. совершившіе... изъ тѣхъ (грековъ). Соловьевъ и др. превратно переводили выраженіе «отъ руси»—*русью*. Очевидно статья эта дополнена въ договорѣ 945 г. случаями нарушенія *русью* правъ личныхъ, или имущественныхъ *греческихъ* мореплавателей: «Аще обрящутъ *русь* кубару *гречьскую* вывержену»... Такъ какъ ссылка договора 912 г. на вышесказанное въ немъ

---

[1]) «*Полная* видока» – не семь свидѣтелей, какъ многіе полагаютъ, но двусторонніе, сполные, выставляемые обѣими сторонами, въ равномъ числѣ, какъ по ст. 13 Смоленской Правды. У южныхъ славянъ, напр. у сербовъ, для дѣлъ съ иноплеменниками составъ поротниковъ образовывался наполовину изъ туземцевъ, наполовину изъ иноземцевъ (Майковъ: Присяжн. судъ у южныхъ славянъ). Въ Законникѣ Стефана Душана постановлено: «иновѣрьцѣмь и трьговьцемь поротци половина срьбли, а половина инна дроужина»... (ст. 155).

[2]) Ср.: въ догов. 945 г.: «посылаеми бываютъ *отъ нихъ* сли и гостье». «Аще ли кто *отъ* людій царства нашего»; «Да аще кто *отъ* руси, или *отъ* грекъ створить криво».—«Аще ли кто покусится *отъ* руси взяти что»... «и *отъ тѣхъ* (русскихъ) паволокъ аще *кто* крьнеть»... «да возметь *отъ него* золотника два».

[3]) Выраженіе «отъ тѣхъ» (Лавр., Ипат.) ошибочно отрѣзываютъ отъ статьи о кораблекрушеніи и приставляютъ къ слѣдующей статьѣ о плѣнныхъ, съ которой оно не вяжется и въ которой есть соотвѣтственное выраженіе «отъ тѣхъ грекъ»...

наказаніе—«вышереченную эпитемью» обнимаетъ вмѣстѣ съ убійствомъ и преступное взятіе изъ лодьи чужого имущества, причемъ наказаніе за *кражу* русскими у грековъ или греками у русскихъ договоромъ 945 г. полагается *по закону гречьскому, по уставу* [1]), *и по Закону русскому*», а подъ уставомъ разумѣется прежнее *договорное установленіе*, какъ въ ст. 1-й «яко же имъ уставлено», въ ст. 3-й и послѣдующихъ «яко же *уставлено* есть преже, по Лавр. сп., и «пѣрвое» по Ипатск. сп. [2]) въ (догов. 912 г.: «не переступати... отъ *уставленныхъ* главъ мира и любве»), то отсюда вывожу, что статья о кораблекрушеніи въ актѣ 945 г. имѣетъ въ виду отвѣтственность по закону русскому и греческому, установленную въ 912 г. Третье мнѣніе вполнѣ отвѣчаетъ моему анализу договорнаго сплетенія русскаго и греческаго законовъ, подтверждаясь и всѣмъ дальнѣйшимъ моимъ разборомъ системы преступленій и наказаній по договорамъ Олега и Игоря, во многомъ существенно расходящимся съ выводами по тому же предмету юристовъ Д. Мейчика (Юр. Вѣстн. 1875 г., кн. 2 и 3), Гальперина (Очерк. первоб. права) и др.

По договору Олега 912 г., убійца предавался смерти на мѣстѣ совершенія убійства: «да умретъ, *идѣ-же* аще створитъ убійство». Такъ и въ лѣтописномъ разсказѣ объ Олеговомъ конѣ: «Олегъ пріидѣ *на мѣсто, идѣже* бѣша лежаще кости его» (Лавр. 912 г.). Въ ст. 15 древняго Закона о казнѣхъ: «Именитіи разбойници, *въ мѣстѣхъ, идѣ-же* бродили, *тамо* и повѣшени боудуть; достойно бо яко отъ видѣнія оубояться начинающе таковыя дѣлати, еще же и нѣкое оутѣшеніе боудеть племенникомъ оубиваемыхъ тамо» (Павловъ: Кн. закон., 65). Тоже самое въ Кормчей: «На рочитіи [3]) разбойници *на мѣстѣхъ, на нихъ же разбой творяху*, повѣшени

---

[1]) Чтеніе Ипат. и Радзивил.: «по устуву грецкому» нельзя принять.

[2]) Ср. лѣтоп. выраженіе подъ 1019 г.: «Ярославъ давъ... Правду и *уставъ* (Правды) списавъ»... (Новг., Соф.) и подъ 1209 г.: «Новгородци получили *уставъ* старыхъ князей отъ вел. князя Всеволода» (Лавр. 466), и подъ 1213 г.: «по первому *уставу* и закону греческихъ царей и князей русскихъ» (т. X стр. 64). Даніилъ, хотя *уставити* землю, поѣхалъ въ Бакоту и Каліусъ. Мстиславъ *уставилъ* ловчую повинность на берестьянъ (Ипат. 527 и 613). «Правда *оуставлена* Русской земли»... «яко же *оуставилъ* Изяславъ»... «*уставили* до третьяго рѣзу», и т. д. Уставъ въ нашихъ договорахъ соотвѣтствуетъ международному установленію. Напр.: Pactum Justinopolitanum венеціанъ съ греками 977 г. подтверждаетъ прежнюю конвенцію: «per hanc presentem convenientiam et *constitutionem*»... (Tafel. и Thomas: Font. rer. Austr. XII, I, 32). Въ догов. 1568 г. Сигизмунда Августа съ турецкимъ султаномъ: «А купцы, водле *уставы* и постановенья нашого, мыто отдавши...» (Оболенскій и Даниловичъ: Кн. посольск. в. княж. Литов., т. 1).

[3]) Интересна замѣна, въ первой редакціи, слова *нарочитый* словомъ *именитый*. Таковыми въ дѣйствительности были т. наз. *нарочитіи люди*, напр. «нарочитіи гости» (Ник. т. X, 164), «нарочитая чадь» (988 г.). Въ ст. 5 закона Конрада: «*Naroc*, quod-

да будуть» (гл. 48, гр. 3). Въ выпискахъ изъ зак. царей Леона и Константина: «Разбиваяй и присѣданія творя и убивая, *на немъ же мъстъ ятъ будетъ*, да востокнутъ его на древо». Греко-римскій законъ (Прохиронъ, tit. 39, cap. 11, 16) разрѣшалъ убивать злодѣя помимо суда, въ необходимой оборонѣ, лицу, жизни коего угрожала неминуемая опасность отъ нападенія. «Разбойника лѣть есть комуждо убивати безбѣдно» (безнаказанно). Иже нашедшаго на нь убіетъ, внегда хощетъ самъ отъ него *убіенъ* быти, безъ вины есть» (Кормч. гл. 48, гр. 3, ст. 16, 39 и др.). По Юстиніанову Закону о казнѣхъ, совпадающему съ объясненіемъ Ульпіана о безнаказанности убійства ночного вора: «si parcere ei sine periculo suo non potuit»,—«Аще кто *въ ночи* крадущаго убіетъ, тогда не повиненъ будетъ, внегда немощно ему безъ своея бѣды оставити оного» (Павловъ: Кн. закон. 63, ср. Башилова—Судебн. стр. 18). По договорамъ Новгорода съ Ганзою XII—XV в., при оборонѣ отъ насильственныхъ дѣйствій дозволялось потерпѣвшему расправиться съ преступникомъ на мѣстѣ преступленія [1]). По ст. 71 зак. Винодольскаго, если застанутъ разбойника *ночью* у себя на шкодѣ, не смогутъ поймать его живого и жаловаться на него и убьютъ, то убившіе освобождаются отъ отвѣтственности. Согласно съ этимъ и всѣ южно-славянскіе кодексы, рѣзко отличая убійство волею и *нужею или неволею*, за которое, по выраженію Синтагмы Матвѣя Властаря, «прощеніе даваетсе», устанавливаютъ безнаказанность вынужденнаго убійства, когда потерпѣвшему угрожала неотразимая опасность. Опасность эта усугубляется въ ночное время, принимаемое въ соображеніе Закономъ судныхъ: «Аще въ подкопаньи застанется тать (до восхода солнца), тый язвенъ умретъ, нѣсть ему убоя», а также Русской Правдой, оставлявшей безнаказанными «муки» за «прихоженіе нощное» и убійство вора, если нельзя было додержать его *до свѣта* [2]). Въ особенности опасность велика,

---

latine vocatur *accusatio furum vel nocturnorum*» (H. Jireček: Slovanšco pravo w Čechach a na Morave, 247). Это нашъ *поклепъ – нареканіе*: «оже хощетъ истецъ *нарекати* тако» (Русск. Пр., ст. 99). Два-волхва... «*нарекаста* лучьшиѣ жены» (Лѣтоп. подъ 1071 г.). Съ нареканіемъ не трудно смѣшать нареченіе, означающее не только наименованіе, но иногда и назначеніе: Мстиславъ посылая рать на ляховъ, *нарекъ* Чюдина воеводу» (Ипат. 614). Весьма интересно, по языку, слѣдующее мѣсто лѣтописи подъ 1015 г.: «Ярославъ, шедъ *нарокомъ* (ошибочно читаютъ «на Рокомо»)... позва къ собѣ *нарочитые* мужи, иже бяху иссѣкли варягы».

[1]) Въ Брюннскомъ правѣ: «vim vi repellendo, id est notwerude» (Boczec, Dipl., III, 22, 23).

[2]) По разд. 88 Казимірова Статута: «Когда бы какой либо кметь или слуга хлѣбъ, кому либо принадлежащій, на полѣ *ночной порою* бралъ или кралъ, тогда, если бы его тотъ убилъ, чей хлѣбъ, за то вовсе не отвѣчаетъ; но когда бы тотъ злодѣй того, чей хлѣбъ, ранилъ, либо убилъ, тогда за раны долженъ его достойно вознаградить, а за голову—дѣтей».

когда преступникъ обнаруживаетъ попытку къ сопротивленію (Зак. XII табл., VIII, 11, 12; ср. Исходъ, XII, 2. Полицкій Статутъ и т. п.). Въ договорѣ Олега право потерпѣвшаго убить вора прекращается, когда воръ «связанъ будетъ», также какъ и въ Русской Правдѣ: «Ожели оубьють, а люди боудуть видѣли *связанъ*[1]), то платити въ немъ» (Акад. ст. 38), по другой редакціи—«платити въ томъ 12 гривенъ» (Кар. ст. 37). Договоръ 912 г. не вмѣняетъ въ вину убійство вора, когда, будучи застигнутъ при кражѣ, онъ не сдается и «*приготовится*», не къ побѣгу, какъ думалъ напр. Мейчикъ, и не къ кражѣ, какъ не логично полагали Станиславскій, Гальпернъ и нѣкоторые др., но *къ сопротивленію* потерпѣвшему (Эверсъ, Хлѣбниковъ и мн. др.). Такое толкованіе подтверждается статьями договоровъ 912 и 945 г., по коимъ подвергнутыхъ задержанію подозрительныхъ лицъ изъ пріѣзжавшихъ въ Грецію руссовъ можно было безнаказанно убивать въ случаѣ ихъ сопротивленія: «аще ли руку не дадитъ и *противятся*[2]), да убіены будуть, и да не изыщется смерть ихъ отъ князя вашего». Если «въдасть руцѣ украдый», то крадущаго нельзя уже было убить[3]). Къ такимъ сопротивляющимся злодѣямъ законъ Вратислава 1039 г. примѣняетъ выраженіе—«si sunt rebelles». Побѣгъ имовитаго убійцы, по договору 912 г., сопровождается отобраніемъ части имущества его, принадлежащаго ему по закону, въ пользу ближнихъ убитаго, съ предоставленіемъ такой же части того имущества женѣ убійцы[4]):... и жена убившаго пусть имѣетъ (часть), «толцѣмъ же»[5]), т. е. со столькимъ же (имуществомъ)

---

[1]) Ср. эдиктъ Ротара о вторгнувшемся въ домъ и не давшемъ себя *связать* злодѣѣ. Въ Коричей: «убити хотять *противящеся* имъ».

[2]) Ср. въ договорѣ 945 г. «хотѣти вои на *противящаяся* намъ».

[3]) По Литовск. Стат., дозволялось убить преступника, захваченнаго на мѣстѣ преступленія, при его *сопротивленіи*. Ср. Улож. Алекс. Мих.: вора можно убить, когда онъ начнетъ «*дратися* и изымати себя не дасть».

[4]) Ср. Русск. Пр.: «Головничество а то самому головнику... заплатити изъ дроужины *своею частью*.» «Аще жена сядеть по мужѣ, то дати ей *часть*», и ст. 89 Псковск. грам. о пожизненномъ кормленіи жены отчиной или животомъ умершаго безъ рукописанія мужа.—Уставной грамотой Кіевской области 1507 г. подтверждено «жены и дѣтей» подлежащаго казни преступника «въ имѣньи не рушити». В. Сергѣевичъ, поддерживая свое возраженіе Неволину, ошибочно утверждаетъ, что статья не столько ограждаетъ права русскихъ женщинъ, сколько греческихъ (Лекціи и изслѣдов. по древн. ист. русск. права 277, также: Греческ. и русск. право въ догов. съ грек.). Заслуживаетъ вниманія старѣйшій переводъ Левека, одобренный Болтинымъ въ Примѣч. на Истор. Леклерка (т. I, 69): «Жена убійцы получаетъ другую часть имѣнія, которая, по силѣ закона, долженствуетъ ей принадлежать».

[5]) Въ грам. Мстислава Данилов. 1289 г.: «а *потолку* (повинности) со всякого ста» (Ипат. 613), Ср.; «*въ толко* (вар. «толико») проданъ будетъ» (дог. 945 г.).

пребудетъ по закону. Арабскій писатель Ахмедъ ибнъ-Фадланъ (X в.) сообщаетъ, что $^1/_3$ имущества *богатаго* преступника русскаго, приговореннаго къ смерти, отдавалась его *семьѣ* (А. Гаркави: Сказ. мусульм. писат., 96). Многія законодательства не заботятся о распредѣленіи отбираемаго имущества убійцы, напр. въ Улож. Борибоя II чешскаго 1101 г.: «Si quis alium occidit, omnibus spoliatur», H. Jirecek: Cod. jur. Bohem., № 15), во и правила разверстки имущества убійцы, и вообще тяжкаго преступника, съ опредѣленіемъ женпной доли, встрѣчаются нерѣдко. Заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, венгерскій законъ Андрея II, изд. въ XIII в., о правѣ жены присужденнаго къ смертной казни на полученіе своего приданаго, грамота Владислава польскаго 1388 г., по которой *половина* имущества *казненнаго* вора, за удовлетвореніемъ потерпѣвшаго, отчислялась его женѣ, или дѣтямъ, или ближикамъ: «aliam furis *medietatem* (bonorum) pro furis *uxore*, vel ipsius pueris, aut affinibus relinquat» (J. Bandtke—Jus Polonicum., 192, 193 арт. 3). По договору Новгорода съ нѣмцами 1270 г., одна *половина* имущества убійцы шла законнымъ его наслѣдникамъ, другая—истцу (ст. 40). Нѣсколько позднѣе нѣмцы ссылались на такое договорное правило: «кто разбой учинилъ, тому дати вина по его дѣлу, а товаръ его свободенъ своему племени». (Изв. Ак. Наукъ т. X, 634—636). При побѣгѣ состоятельнаго злодѣя, какъ и послѣ казни его, прежде всего удовлетворялись тѣ ближніе кому причиненъ вредъ, о переходѣ же, при побѣгѣ, его имущества къ нимъ и къ женѣ убійцы могла бы быть рѣчь лишь при увѣренности, внушенной тщетной погоней, что онъ не возвратится. Отдача достоянія скрывшагося и убѣжавшаго убійцы истцамъ на удовлетвореніе иска вошла въ обычай и въ западнорусскихъ земляхъ. Такъ въ 1435 г. староста галицкій Михаилъ Бучацкій и земляне уложили, чтобы при побѣгѣ злодѣя, если онъ не возвратится, тогда «тому истцеви (который пойдетъ за своимъ злодѣемъ горячимъ пытомъ), маетъ панъ того села заплатити имѣньемъ того збѣглого человѣка» (Act. grod. и ziem. XII, p. 425), а по первому Литовскому Статуту, разд. VII, арт. 3: «если бы тотъ кгвалтовникъ, убивши кого, втекъ зъ земли прочь, тогды зъ имѣня его маетъ плачена быти убитого голова» По договору Игоря, убійца «да *держимъ* будетъ отъ ближнихъ убьенаго, да убьютъ и»... (ср: «полоняникъ *держимъ есть*» и зак. Винод. ст. 29, 31). При побѣгѣ убійцы имущество *его*, въ причитающейся долѣ, получаютъ ближніе убитаго[1]); а если убійца не состоятеленъ, то, согласно съ Олеговымъ договоромъ, по коему бѣжавшій убійца «держится тяжи, дондеже обрящется,

[1]) Въ догов. Игоря «да возмутъ»..., съ умолчаніемъ о правѣ жены на законную долю имущества, которое остается, повидимому, неприкосновеннымъ.

яко да умретъ»,—«да *ищуть* его, дондеже обрящется; аще ли обрящется, да убьенъ будетъ»[1]). Послѣднее постановленіе есть развитіе и переработка постановленій Олегова договора объ убійствѣ, съ употребленіемъ одного и того же глагола «держати», заключающаго въ себѣ понятіе *преслѣдованія*, направленнаго къ *задержанію* убійцы. Договоръ Игоря поясняетъ, что экзекуція надъ убійцей, *тотчасъ же застигнутымъ*, принадлежитъ задержавшимъ его ближнимъ убитаго, коимъ злодѣя предоставляется немедленно лишить жизни на мѣстѣ преступленія: «и да убьютъ и». Коль скоро родственникамъ убитаго удавалось задержать убійцу чрезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени послѣ преступленія (длящаяся тяжа), то, естественно, что, при отсутствіи примиренія съ убійцей путемъ выкупа, позднѣе называемаго «смирнымъ» или «смирщиной», «части той, иже ищетъ», надлежало уже обратиться въ судъ посредствомъ жалобы—reclamatio, съ предъявленіемъ доказательствъ виновности задержаннаго, указанныхъ во второй главѣ договора 912 г.[2]). Всякое убійство, какими бы оно ни было вызвано побужденіями, всегда порождало вмѣшательство органовъ власти. Такъ капитуляріи Карла Великаго 802 г. и Людовика Благочестиваго 819 г. и законы Gragas обязывали мстителя немедленно заявить о совершонномъ имъ убійствѣ подлежащему правителю. По Саксонскому Зеркалу, убившій вора, или разбойника, даже на мѣстѣ преступленія, въ случаѣ жалобы на убившаго ближнихъ убитаго, обязанъ былъ семью свидѣтелями подтвердить виновность убитаго, иначе жалобщикъ могъ требовать поединка (kampf) съ убійцей, а при убійствѣ въ необхо-

---

[1]) Древнѣйшій слѣдъ этого обычая—въ сагѣ Олафа, убившаго Клеркона (Русск. Ист. Сб. т. IV, 41 и Ant. russes).

[2]) М. Владимірскій-Будановъ, говоря, что при Игорѣ греки потребовали, чтобы *месть* совершалась родственниками убитаго *послѣ суда*, ссылается на ст. догов. 945 г., по которой руссы ни за какое преступленіе не вправѣ налагать наказаніе на грека; онъ получаетъ наказаніе *по приговору* греческаго суда, съ выдачею его будтобы въ подлежащихъ случаяхъ русскимъ для исполненія надъ нимъ *кровавой мести* (Обз. Ист. Русск. Права). Толкованіе, раздѣляемое многими юристами, не подтверждается текстомъ статьи: «не имате волости *казнити* я, но повелѣньемъ царства нашего *да пріиметъ*» (казнь). Подъ казнью въ договорныхъ актахъ разумѣется *наказаніе*, назначавшееся *по суду*, за преступленія, вслѣдствіе предъявленнаго обвинительнаго иска (ср. ст. 912 г. *о казни* за убійство и въ др. статьяхъ выраж.: «*показнена* будетъ» и исключающее понятіе о *мести*, въ предѣлахъ *Византіи*, какъ о *самосудѣ*, настолько, насколько послѣдній несовмѣстимъ съ *самообороной*. Месть *родственниковъ* убитаго распространялась лишь на территорію *Русскаго государства*, гдѣ, по церк. Уст. св. Владиміра и по Закону судному, месть, какъ и въ Польшѣ (см изслѣд. Павинскаго) называлась *враждою* или врожбою, особенно въ западныхъ окраинахъ (ср. faida quod est inimicitia, въ зак. Ротара).

димой оборонѣ—для пріобрѣтенія права на полученіе wehrgeld'a (кн. I, гл. 64, кн. II гл. 14) и для избѣжанія преслѣдованія самого родственниками убитаго имъ. С. Шпилевскій, разбирая мнѣнія ученыхъ и соглашаясь съ И. Калачовымъ, пришелъ къ основательному заключенію, что по нашимъ договорамъ преимущественное право мести принадлежало *ближайшему* родственнику [1]) убитаго, но въ осуществленіи мести ему пособляли и другіе родственники (Союзъ родств. защ. у древн. герм. и слав., стр. 63). По договору Игоря, никакое злодѣяніе («проказа нѣкака») грековъ, состоящихъ подъ верховною юрисдикціей («властью») царскою, т. е. когда оно совершено *на греческой территоріи*, не подлежало наказанію русскими, но разсматривалось и наказывалось по велѣнію царскаго правительства. Судъ отправлялъ «in regali curia» такъ называемый «cancellarius vie», а въ отсутствіи послѣдняго, заступавшій его мѣсто вельможный логаріастъ или логофетъ [2]). Этому цареву мужу нашими договорами даны большія полномочія, между прочимъ, по надзору за русскими, входившими въ Царьградъ, чрезъ городскія ворота, для торговли. Онъ вѣдалъ дѣла о всякихъ столкновеніяхъ и спорахъ по торговлѣ между греками и русскими: «да аще кто отъ руси, или отъ грекъ створить криво, да оправляеть то» [3]).

---

[1]) Ближайшіе родственники такъ перечислены въ 1-й ст. Русской Правды древнѣйшихъ списковъ: «мстить брату (убитаго) брата, либо отцу (убитаго), или сыну (убитаго), либо брату чаду (сыну брата убитаго), или сыну сестры (убитаго).

[2]) «Apud magnum logariastam». Въ хрисовулѣ императоровъ Василія и Константина венеціанскимъ купцамъ о свободной торговлѣ сказано: «jubemus ut per solum logotheta... navigia de istis veneticis et ipsi venetici scrutentur et pensentur et judicentur secundum quod ab antiquo fuit concludendo, et quibus judicium forsitan inter illos aut cum aliis crescentur scrutari et judicare pro ipso solo logotheta»... (Tafel и Thomas: Font. rer. Austr. XII, № 16, 94, 276, 376). По договору импер. Мануила Комнена и генуэзской коммуной 1169 г. условлено: «De offensionibus.. quas fortasse ianuenses fecerint in terris domini imperatoris grecis vel *aliis gentibus* que non sunt ianuenses debent judicari in curia domini imperatoris sicut venetici et cetere latine gentes» («Atti d. soc. Ligure di storia patria, vol. 28, f. II, № III. 358).

[3]) Въ лѣтоп. подъ 1078 г.: «Изяславъ *кривою* ненавидя, любя правду». Подъ 1289 г.: «кровь будетъ на виноватомъ, кто будеть *криво* учинилъ» (Ипат. 612). Въ поученіи Владиміра Мономаха: «люди *оправливати*»—то же, что судить *по праву*; тамъ же: «*оправить* вдовицу». Въ южнославянскихъ грамотахъ *кривина* судомъ *поправлялась*. Въ латинскихъ грамотахъ оправить судебнымъ порядкомъ—«corrigere». Въ книжныхъ послѣсловіяхъ, напр. евангелія 1164 г.: «Аже вы гдѣ *криво*, а исправивше, чьтете-же» (Востоковъ: Опис. рукоп. Рум. муз.). Часто глаголъ «оправити» употребляется въ смыслѣ оправдать; оправливаться оправдываться (Ипат. 366) Въ Псковской судной грамотѣ: «виноватаго не оправити» (ст. 59). И. Срезневскій различалъ три формы: оправити, оправливати и оправляти (Словарь др. русск. яз., стр. 690 и 691). О значеніи глагола оправити» см также у П. Мрочекъ-Дроздовскаго: Изслѣд. Русск. Пр., в. II, 3–6).

Ему же ввѣрено было исполненіе функцій таможеннаго начальника по осмотру и клейменію купленныхъ русскими паволокъ, дабы онѣ не вывозились въ количествѣ большемъ положеннаго. Договоры Олега и Игоря, какъ мы видѣли, стремятся предупредить всякое, внѣ крайней въ томъ необходимости, самоуправство русскихъ въ Греціи, требуя отъ великаго князя положительнаго запрещенія его посламъ и купцамъ творить тамъ какія либо безчинства. Гость русскій, во время пребыванія въ Греціи утратившій челядина, обязанъ былъ, для возстановленія своего нарушеннаго права, жаловаться греческому правительству и подчиняться неизбѣжной процедурѣ повѣрки жалобы (догов. 945 г.).

Статьи Олегова договора 912 г. о посягательствѣ на тѣлесную неприкосновенность нанесеніемъ побоевъ, ранъ и увѣчій порождаютъ лексикологическія недоразумѣнія: «Аще ли ударить мечемъ, или *бьеть* кацѣмъ любо ссудомъ»... (Лавр., Ипат.). Въ иныхъ спискахъ вмѣсто «бьеть»—«убьеть» (Радз. и сходн. съ нимъ). И то, и другое чтеніе можетъ быть принято безъ ущерба для основного смысла статьи. Глаголъ «убити» вообще означаетъ или лишеніе жизни—душегубство, или же, подобно глаголу «бити», —причиненіе побоевъ [1]). Въ спискахъ Русской Правды замѣтно колебаніе между «бити» и «убити» въ томъ же значеніи (ст. 16 Акад. и 76 Кар.). Тоже самое въ Судебникахъ, гдѣ «убитого» даютъ на поруки, и иныхъ законодательныхъ сборникахъ. Въ литовскорусскомъ памятникѣ XIV в. читаемъ: «Если бы христіанинъ жида *убилъ*, жебы *крови не розлилъ*, образонному маетъ досыть учинити, яко шляхтичу». (А. Вил. Ком. т. V, 134). Для отличія убіенія, какъ душегубства, отъ простыхъ побоевъ нерѣдко къ глаголу «убити» прибавлялось «до смерти», какъ напр. въ Законѣ о казнѣхъ: «Иже мечемъ оударить кого, аще до *смерти* оубіеть, мечемъ казненъ будеть» (ст. 63). Въ Смоленской Правдѣ: «Того Богъ не дай, ажбы промѣжю нами бой былъ, а любо человѣка *аубіють до смерти*»... Впрочемъ, убіеніе до смерти» не всегда предполагаетъ полное прекращеніе жизни, напр.: «*кричь* живыхъ и *до смерти убіеныхъ*» (Соф. 1216 г.). Выраженіе «оубить до смерти» удержано и Уложеніемъ Алексѣя Михайловича. Въ статьяхъ договоровъ 912 и 945 г. о лишеніи жизни мы встрѣчаемъ форму «убійство» или «убой», какъ въ лѣтописномъ разсказѣ подъ 907 г.: «Олегъ много *убійство* сътвори»... Однако, Олеговъ договоръ, какъ и лѣтопись (Святославъ бралъ дань на «убьеныя»), и Русская Правда («отложиша *убьеніе* за голову»), употребляетъ и форму убіеніе въ смыслѣ душегубства, различая его отъ біенія въ статьѣ объ аваріи: «Аще ли ключится кому отъ тоя лодья въ ней *убьену* быти, или *бьену* быти». (Лав., Ипат., Воскр.

[1]) Въ ст. 26 Уст. Яросл. Владиміров. о церковныхъ судахъ: «бой, убійство и душегубство»..

и т. п. списки). Смертельный исходъ насильственныхъ дѣйствій, хотя бы и безъ прямого умысла на лишеніе жизни, обращаетъ ихъ въ душегубство. Въ Русской Правдѣ: «потнеть ли на смерть, а вира»... [1]) Разбираемая статья Олегова договора изложена въ редакціи весьма сходной съ редакціей ст. 3-й Акад. списка Русской Правды, которая начинается такими же словами: «Аще ли кто ударить».. и завершается выраженіемъ: «то тоу конець».—Нерѣдко ударъ предполагаетъ причиненіе поврежденія или раны, даже опасной для жизни. Въ договорѣ новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г.: «Оже *оударить*—6 гривенъ *за рану*». Въ Уставной Двинской грамотѣ 1397 г.: «А кто кого *до крови ударитъ*, или на немъ *синевы* будуть»... (ср. «*кровавъ* или *синь*» во 2-й ст. Акад. и 24 ст. Кар. сп. Русской Правды). Договоры X в. не различаютъ свойства ударовъ, полагая за нихъ одно наказаніе—пеню въ пять литръ серебра, но строгость пени сама по себѣ можетъ возводить удары на степень серьезнаго разстройства здоровья причиненіемъ раны или увѣчья, какъ и въ ст. 5 догов. новгородцевъ съ нѣмцами XII в. Редакторы договора 945 г., исключивъ слово «біеніе», употребленное въ договорѣ 912 года, подробнѣе перечислили орудія преступленія, добавивъ къ мечу *копье*. Мечъ и копье приводятся для примѣра, но виновный одинаково отвѣчалъ за членовредительный ударъ (percussio) всякимъ орудіемъ, называющимся разно, тѣ *сосудомъ* (Ипат., Радз. и др. сп.), какъ и въ Кормчей («Сосуды ими же сотворися смерть»), то *оружіемъ* [2]) (Лавр. и подобн.), подъ которое Юстиніановъ законъ о казнѣхъ подводитъ и *палицы* (ст. 24, 64 пзд. Павлова). Въ договорной статьѣ о нанесеніи ударовъ есть указаніе на *законъ русскій*, съ умолчаніемъ о законѣ греческомъ, дающее поводъ ученымъ распространяться о перевѣсѣ въ ней перваго надъ послѣднимъ. Не могу допустить, чтобы въ договорахъ 912 и 945 г., вопреки повороту политическихъ событій не столько къ торжеству Руси, сколько къ торжеству Греціи, при Игорѣ, потерпѣвшемъ отъ нея пораженіе, *размѣръ* пени за удары и послѣдствія несостоя-

---

[1]) По 11 ст. Уст. Двин. грам. XIV в., нанесеніе смертельнаго удара хозяиномъ своимъ холопу или рабѣ—«кто осподарь *огрѣшится*, т. е. согрѣшитъ (ср. въ договорахъ: Олега—«явится съгрѣшеніе», Игоря—«да того дѣля *грѣха*»), ударитъ своего холопа или робу»—не вмѣняется въ вину, если, конечно, холопъ или раба заслужили побои (Русск. Пр.). Въ лѣтописи ударамъ придается также грѣховный характеръ: Единъ (волхвъ). *грѣши* (шибнулъ) Яня топоромъ, Янь же, оборотя топоромъ, и удари тыльемъ»...(Ипат. подъ 1071 г.). Въ томъ и въ другомъ случаѣ огрѣшеніе сводится къ ошибкѣ—промаху. Овчарь Святополковъ хотѣлъ ударить Василька въ око,—«и *сгрѣшися* ока и перерѣза сму лице... и посемь удари и въ око и изя зѣницю, и посемъ—въ другое око» (Лавр. 251).

[2]) Ср. «*сосуды* ратные и градные» (Ипат. 532). «Полагаютъ мечѣ и прочая *оружья*..; заколенъ будетъ своимъ *оружьемъ*», и о входѣ въ городъ «безъ *оружья*» (догов).

тельности виновнаго опредѣлялись всегда по чужестранному закону *для грековъ*, отвѣтственность коихъ договоръ 945 г. приравниваетъ къ отвѣтственности русскихъ,—«Ци аще ударить *русинъ* грьчина или *грьчинъ* русина»,—воспроизводя съ большею въ этомъ отношеніи полнотою ту же статью договора 912 г., гдѣ совершающіе преступленіе не различаются по національностямъ. Мнимое подавленіе русскимъ закономъ грекоримскаго по наиболѣе часто случавшимся преступленіямъ ничѣмъ не подтверждается, а, напротивъ, опровергается другими договорными статьями, не только не приносящими грекоримскаго права въ жертву русскому праву, но, какъ мы видѣли, стремящимися ихъ объединить и уравнять. Счетъ на *литры* самъ по себѣ идетъ въ разрѣзъ съ древнерусскимъ денежнымъ счетомъ, принятымъ въ договорѣ 907 г.: «по 12 *гривенъ* на ключъ» [1]), и замѣна русской монетной единицы греческою не улаживалась бы съ исключеніемъ примѣненія греческаго закона въ дѣлахъ о нанесеніи ударовъ. За то же преступленіе, сопровождавшееся увѣчьемъ руки, ноги, или какого нибудь сустава (въ договорѣ 912 г., по Лавр. списку, «аще ли ударить мечемъ, или убьеть,—въ Ипат. бьетъ,—кацѣмъ любо съсудомъ» [2]), въ Смоленской Правдѣ 1229 г., по ст. 3-й, полагалась пеня во столько гривенъ серебра, во сколько литръ по договорамъ Олега и Игоря. Вообще размѣръ пени въ пять серебряныхъ литръ, почти совпадающій съ количествомъ гривенъ, положенныхъ въ пеню за однородныя преступленія въ договорахъ новгородцевъ съ нѣмцами [3]), не позволяетъ признавать соотвѣтствіе ея только съ русскимъ обычаемъ и несоотвѣтствіе съ обычаемъ или закономъ грече-

---

[1]) См. разысканія Заблоцкаго, Казанскаго, Круга, Прозоровскаго, Шодаура, Погодина, Мрочекъ-Дроздовскаго. Предполагаютъ, что въ X—XI в. кіевская гривна вѣсила менѣе полуфунта, около 36 золотниковъ, тогда какъ вѣсъ греческой литры серебряной былъ вдвое больше (А. Черепнинъ: О кіевскихъ денежныхъ гривнахъ; Труды XI Арх. съѣзда въ Кіевѣ, т. II, отд. 2, стр. 38—61). Новгородская гривна равнялась 48 золотникамъ. Такими гривнами, вѣроятно, платилась дань варягамъ при Олегѣ (300 гривенъ). Измѣненія денежной системы всегда затрудняли ученыхъ. У насъ она усложнялась счетомъ на куны ветхія и новыя. Вотъ два примѣра, приведенныхъ И. Срезневскимъ:—«За гривну серебра—по 4 гривны кунами или пенязи» (XI в.).—«А за гривну серебра—полъ осмы ($7^1/_2$) гривны кунъ». (Допол. ст. къ Русск. Пр: «О безчестьи»). Фунтъ пенязей серебра (марка или гривна) у венедовъ (славянъ), по Саксонскому Зеркалу (art. XLV), содержалъ въ себѣ 20 шиллинговъ, называвшихся въ Руси щелягами, которые долго были ходячей въ ней монетой.

[2]) Далѣе: «... за то удареніе или убьеніе да вдасть»... въ Лавр. и Ипат., въ иныхъ «біеніе»... Позднѣе, даже въ XV в., за percussio часто суды присуждали пеню въ 5 марокъ (Act. grod и Ziem. т. XII, 60).

[3]) По Русской Правдѣ—12 гривенъ. По Уст. Ярослава Владим. о церк. суд. «за сромъ добрыхъ людей *пять гривенъ серебра*».

скимъ. Вопросъ о томъ,—какую именно сферу обнимаетъ примѣненіе закона русскаго въ дѣлахъ о причиненіи ударовъ, рѣшается мною по соображеніи договора 912 г. съ договоромъ 945 г.. По договору 912 г., біеніе вообще (удареніе или убіеніе), какъ сказано выше, облагается пеней въ 5 литръ серебра, которую долженъ дать виновный—«да вдасть». Вслѣдъ затѣмъ помѣщено выраженіе—«по закону русскому», далѣе же говорится о несостоятельности виновнаго. На основаніи того же договора, за біеніе кого либо изъ гребцовъ потерпѣвшей крушеніе лодьи полагается такое же наказаніе. По договору 945 г., «кто *изъ русскихъ* грека убьеть (или бьетъ)[1]), или поработитъ, воспользовавшись крушеніемъ лодьи, или возметъ что либо у него,—повиненъ закону *русскому и греческому*[2]). Тотъ же договоръ біеніе облагаетъ пеней, одинаковой съ назначенной въ договорѣ 912 года (5 литръ серебра); затѣмъ повторяетъ выраженіе—«по закону русскому». Если за біеніе при крушеніи лодьи положено наказаніе по закону русскому *и греческому*, то въ другихъ случаяхъ, очевидно, за біеніе не могло бы быть въ томъ же самомъ договорѣ назначено наказаніе по одному закону *русскому* и въ Россіи, и *въ Греціи*. Слѣдовательно, выраженіе въ договорѣ 912 г. «по закону русскому» относится не къ размѣру пени, каковой могъ быть согласованъ и съ греческимъ закономъ, а къ порядку ея платежа («да вдасть»), будучи внесено, по иниціативѣ русскихъ пословъ, въ видѣ *особаго* изъятія изъ смѣшанныхъ русско-византійскихъ правовыхъ институцій договорной Правды, для примѣненія по дѣламъ, возникающимъ въ русскомъ государствѣ[3]). Сличеніе русскаго права съ византійскимъ въ отношеніи послѣдствій несостоятельности показываетъ, что вторая половина разбираемой статьи составлена примѣнительно къ русскому обычаю. По грекоримскому праву, несостоятельность присужденнаго къ пенѣ влекла за собою, кромѣ тѣлеснаго наказанія, часто заточеніе и изгнаніе (Proch. tit. 39, cap. 54; Eccl. tit. 17, cap. 11; Кн. законовъ и Кормчая). Соединеніе этихъ двухъ мѣръ, повидимому, противорѣчитъ рус-

---

[1]) Подъ словомъ «убьеть» разумѣется здѣсь и смертоубійство, и причиненіе побоевъ, ибо въ догов. 912 г.: «убьеть, или бьеть».

[2]) Ср. Второзаконіе, XXIV, 7. Если обнаружится, что кто либо укралъ кого либо изъ братьи своей, поработилъ его и продалъ, то такой воръ предается смерти.

[3]) *Общее* изъятіе изъ смѣшанныхъ правовыхъ установленій, не допускающихъ отступленія при примѣненіи ихъ *и въ Россіи, и въ Греціи*, предполагаетъ дѣйствіе *и тамъ, и здѣсь своего національнаго закона* настолько, насколько онъ не покрывается смѣшанными договорными установленіями. Таковы *законы* о собственности и распоряженіи ею, на которые прямо ссылается приведенная статья договора 912 г. о распредѣленіи имущества имовитаго убійцы между ближними убитаго и женою убійцы и о владѣніи ею подлежащею долею того имущества.

скому обычаю. По закону Ярослава, холопъ, ударившій свободнаго мужа, подлежалъ битью («оуставилъ оубити», по ст. 16 Акад. сп.—«да *бьютъ* его»). Сыновья Ярослава установили одно изъ двухъ: «или бити *развязавше*, или взяти гривна коунъ за соромъ» (ст. 76 Кар., Софіевск. и др. сп.). Послѣ битья виновный увольнялся изъ подъ стражи. Поэтому выраженіе договоровъ 912 и 945 г.г.—«по закону русскому» употреблено, полагаю, не въ смыслѣ поглощенія русскимъ закономъ греческаго закона въ отношеніи опредѣленія *количества* вознагражденія за нанесеніе удара грекомъ русскому и наоборотъ, въ Россіи или въ *Греціи*, но въ предвидѣніи тѣхъ случаевъ несостоятельности виновнаго, когда преступленіе совершено *на русской территоріи* грекомъ или русскимъ, причемъ, по русскому закону, какъ сказано въ договорахъ, виновный отвѣчалъ въ платежѣ пени всѣмъ своимъ достояніемъ, а если его не хватало на покрытіе взысканія и никто не могъ помочь ему въ платежѣ, то *отпускался* на свободу («пущенъ будетъ») послѣ клятвы, *по своей вѣрѣ*, о недоимкѣ по оставшемуся долгу—«о прочѣ (о процѣ), яко никако иному помощи ему» (догов. Олега)—«яко не имѣя ничто же» (догов. Игоря [1]). Русская Правда знаетъ споры по взысканію прочаго долга: «Аще гдѣ възыщеть на дроузѣ *проче*...», или: «Аще кто взыщеть *коунъ* на друзѣ» (ст. 14 Ак., 44 Кар. сп.), предоставляя разрѣшать ихъ изводомъ предъ 12 присяжными послухами. Но тамъ рѣчь идетъ о взысканіи остатка неуплаченнаго долга при *запирательствѣ* отвѣтчика, (ср. ст. 10 догов. Новг. съ нѣмц. XII в. [2]). Помощь виновному

---

[1]) Статья Олегова договора оканчивается словами: «да пребываеть тяжа *оттолѣ* невзискаема о семъ». Ср.: «начаша *оттолѣ* быти безъ льсти» (Ипат. 228). «*Оттолѣ* нача работати руская земля татаромъ» (Новг. IV. 33).

[2]) Въ объяснительномъ словарѣ П. Мрочекъ-Дроздовскаго «проче» значитъ *впредь* (Изслѣдов. Русск. Пр. в. II, 250), но текстъ 97 ст. Русской Правды Кар. сп. не подтверждаетъ его объясненіе: «Аже кто зажьжетъ гоумно, то—на потокъ и на грабежь домъ его; *преже* пагоубу расплативши, а *въ проуть* (въ остальномъ) князю; поточити тако-же, оже кто дворъ зажжетъ». Читаютъ неудачно: «а въ процѣ князю поточити». Сначала удовлетворялись убытки потерпѣвшаго, все же остальное имущество поджигателя шло въ княжескую казну. Въ Новгор. судн. грам.: «истцю *убытки* подоймутъ». Въ ст. 69 Русск. Правды Кар. сп. о долзѣ: «... княжи коуны *переже* взяти, а *прокъ*—въ дѣлѣ» (раздѣлѣ). Въ той же ст.: «отдати *первое* гостеви коуны, а домачнымъ что *ся останеть*». Въ ст. о сводѣ: «а истцу ждати *прока*». Въ ст. о закупѣ, по Синод. сп.: при продажѣ господиномъ закупа, самовольно взявшаго чужое имущество, господинъ «отдасть же *переди* (за то) что боудеть чужего взялъ, а *прокъ* ему (господину) самому взяти себѣ»;—«въ процѣ», «о процѣ»—тоже, что: въ прокѣ, о прокѣ. Однако, *проче* имѣетъ значеніе не только указанное И. Срезневскимъ въ Словарѣ древн. русск. яз., на стр. 1607; въ юридическихъ памятникахъ иногда «проче»=въ прочемъ. Такъ въ лѣтоп.: «*прочее* и смерть горькую прия» (Лав. 200). Новгородецъ Климентъ въ XIII в. завѣщалъ что *останется* изъ своего имущества игумену Варламу и всей братіи, кланяясь имъ «проче». Предоставивъ полу-

въ платежѣ могла быть оказана не только его семейными, но и посторонними, напр. при нахожденіи у послѣднихъ имущества виновнаго, или же изъ состраданія. Наши лѣтописцы ставятъ въ большую заслугу князьямъ *искупъ должныхъ* (Ипат. 602 и др.). Означенное постановленіе напоминаетъ обрядъ «chrenechruda»» закона Салическаго, отмѣненный Хильдебертомъ. Если всего достоянія преступника—убійцы, которое обращено на возмѣщеніе положеннаго взысканія, оказывалось недостаточнымъ, то онъ выставлялъ 12 присяжныхъ послуховъ въ доказательство того, что у него никакого болѣе имущества не осталось. Помощниками преступника въ платежѣ являлись отецъ, мать, братъ и другіе ближайшіе его родственники (Lex. Sal., LXI, 1, 2). Въ грекоримскомъ правѣ искъ объ удовлетвореніи долга сводился къ формулѣ «actio in quod facere potest», причемъ кредиторъ старался побудить родныхъ должника помочь послѣднему, если ему за неплатежъ угрожало личное задержаніе. Должникъ отвѣчалъ всѣми своими имущественными средствами (facultates), въ чемъ бы таковыя ни заключались (res corporales и incorporales).. Вопреки русскому закону о снятіи съ должника портовъ «въ нихъ же ходитъ», византійскіе сборники и схоліасты считали неподлежащею аресту за долги носимую одежду [1]). И по нашимъ исконнымъ обычаямъ, всякая помощь нуждающемуся въ ней ожидалась имъ и исходила прежде всего отъ ближайшихъ его родственниковъ. Они помогали обоимъ тяжущимся, когда дѣло рѣшалось поединкомъ (Ибнъ-Даста). Они же являлись мстителями по Русской Правдѣ, договорамъ и лѣтописнымъ сказаніямъ. Князь Вячеславъ Изяславовичъ говорилъ угорскому королю: «ты нама еси тако учинилъ, яко можеть такъ

ченіе розданныхъ въ кредитъ денегъ. Климентъ говоритъ въ концѣ: «*ли* кто *начнетъ ся запирати*, то ты, Варламе, исправи» (ср. выраж. Русск. Правды). При толкованіи договорной статьи слѣдуетъ обратить вниманіе и на ст. 76 Псков. грам. о предоставленіи государю (хозяину) продать за его покруту животъ бѣжавшаго съ села за рубежъ изорника и взыскивать съ него, по явкѣ, *остатокъ* своей покруты. По Губнымъ грамотамъ: «*досталь* татиныхъ животовъ», за удовлетвореніемъ потерпѣвшихъ, отдавалось намѣстникамъ и тіунамъ (С. Шумаковъ: Губн. и Земск. грам. 135). См. также разсказъ о томъ, какъ «Левъ князь послалъ Семена своего Дядьковича съ *прочими* рѣчми» (Ипат. 612).

[1]) Ср. Е. Ефимова: Посильная отвѣтственность должника. Пихно: Истор. очеркъ гражд. взысканій, и др. О выкупѣ родственниками постановлено и въ одной статьѣ Церковнаго Устава Ярославова о лишеніи жизни женщиною незаконно прижитаго ребенка: «обличивше пояти ю въ домъ церковный, а чимъ ю пакы *роде окупить*», въ Переяславск. спискѣ: «олижъ родъ выкупитъ». По англосакс. закон. Эдуарда Гудруна, убійца послѣ обѣщанія уплаты wergeld'a» долженъ былъ искать соотвѣтственнаго поручительства 12 родственниковъ. Помощь родственниковъ въ платежѣ виры установлена ютландскими и другими древнѣйшими законодательствами (Wilda: Das Strafrecht der Germanen). Помощь эта обыкновенно оказывалась по степенямъ родства. О ней упоминаетъ уже Тацитъ (De Germ. c. 21)

братъ роженый *брату* своему, или *сынъ отцю*, яко же ты нама *помогла*» (Ипат. 291). По закону Винодольскому: «Ако убигне (убійца), имаю нега *ближики* осудъ платити пол, а пол нега реди (наслѣдники), ако е́ има». Законникъ Стефана Душана опредѣляетъ порядокъ платежа за преступника ближайшими его родными (ст. 51). Въ червонорусскихъ актахъ, какъ и въ Русской Правдѣ, помощь членовъ верви головнику въ платежѣ виры, плата истцовыхъ убытковъ за отвѣтчика третьимъ лицомъ сохранила названіе помочи. Если панъ отказывался *помочь* суду въ уплатѣ истцовыхъ убытковъ имѣньемъ своего скрывшагося послѣ злодѣянія человѣка, то самъ уплачивалъ *помочь* (Грам. Мих. Бучацкаго, 1435 г., Act. grod., XII, p. 425 [1]). Итакъ, отобраніе имущества виновнаго, со снятіемъ съ него портовъ, замѣняло излюбленныя греками заточеніе и ссылку [2]), при совершеніи преступленія *въ Руси* грекомъ противъ русскаго, или русскимъ противъ грека. Договоры, можетъ быть, имѣли въ виду и круговую поруку верви за русскаго на русской территоріи, какъ по Русской Правдѣ, при платежѣ дикой виры за вложившагося въ нее. Очевидно, послѣдствія несостоятельности, указанныя договорами въ главѣ о нанесеніи ударовъ, существенно отличающіяся отъ послѣдствій неимовитости убійцы, распространялись на случаи несостоятельности осужденнаго по дѣламъ о похищеніи имущества, не сопровождавшемся убійствомъ хозяина. Самая редакція договорной статьи обличаетъ ея русскую закваску: «Ци аще ударить» (въ догов. Игоря, по мног. спискамъ),... да (заплатить) како можеть, втолько же проданъ будеть, яко да и порты, въ нихъ же ходить, да и то съ него сняти»; по догов. Олега—«да соиметь съ себе и ты самыя порты своя, въ нихъ же ходнть»... [3]) По Псковской судной грамотѣ,

---

[1]) Весьма подробныя постановленія о платежной помощи преступнику его *домашними* содержатся въ литовско-русскомъ законодательствѣ, уясняющемъ, между прочимъ, и выраженіе: «тако пущенъ будетъ»:—«А кому татя выдадутъ... а усхочетъ на немъ заплату побрати, а его *пустити*»... (ст. 12 Судебн. Казим. Ягел. XV в.). Ср. лѣтоп. подъ 1043 г.: «миру бывшю *пущенъ* бысть Вышата въ Русь». Помощь ближнихъ въ дѣлахъ судебныхъ достаточно характеризуется актомъ 1378 г., въ которомъ изложено, что нѣкая женщина явилась въ судъ «съ дѣтьми своими, и съ зятемъ, и съ внучаты, и со всѣмъ родомъ-племенемъ своимъ» (Akt. grod. и Ziemsk. II, 9). Неудивительно, что Новгор. судн. грамота допускаетъ въ судъ только двухъ понятыхъ (ятцевъ),—«а инымъ *на пособье* не итти къ суду ни къ росказу» (ст. 41).

[2]) По Губнымъ грамотамъ: «которымъ (преступникамъ) платить нѣчимъ, и тѣхъ ссылать въ Сибирь» (С. Шумаковъ: Губн. и Земск. грам., 133).

[3]) Ср.: «кто вдасть *порть, въ немъ же ходивъ, церкви*» (ст. 86 Уст. митр. Георгія). Въ догов. 912 г.: «да вдасть, елико можеть».. Отсюда, кажется, *продажа* Русской Правды, означающая обращеніе въ продажу, при несостоятельности осужденнаго, его наличнаго имущества на уплату или для выкупа пени, первоначально шедшей въ пользу потерпѣвшихъ, а позднѣе—въ княжескую казну.

даже съ мертваго поединщика снимался доспѣхъ: «ино ему взять, чего сачилъ на исцы, а на трупу кунъ не имати, толка ему *доспѣхъ снятн*» (ст. 37). Доспѣхъ же есть особый видъ портища—одѣяніе военное, *походное*. Въ Правдѣ Ярославовой доспѣхъ названъ портомъ—«изломитъ портъ».. Обычай снимать порты съ убитыхъ, даже во время кулачныхъ боевъ, засвидѣтельсвованъ митрополитомъ русскимъ Кирилломъ: «бьющеся дрькольемь до самыя смерти и *взимающе отъ убиваемыхъ порты*» (Русск. Достоп. I, 114). Согласно договорной статьѣ, послѣдствіе несостоятельности нанесшаго ударъ («кто кого оударить») какимъ либо орудіемъ, опредѣлено 2-мъ отдѣломъ 3 ст. Русской Правды по Акад. сп: «аще сего не постигнуть тѡ платити ему, то тоу конець». По моему разумѣнію: если сего не достигнутъ, чтобы онъ тѡ заплатилъ (12 гривенъ), то здѣсь конецъ дѣлу, т. е. судебная власть принимала мѣры ко взысканію; при безуспѣшности же ихъ, виновный освобождался судомъ и потерпѣвшему предоставлялось вѣдаться самому съ обидчикомъ [1]).

Перехожу къ отдѣлу о преступленіяхъ противъ чужого имущества. Договоры разграничиваютъ кражу (furtum) отъ самовольнаго взятія чужой вещи. Договоръ 912 г. обставляетъ второе преступленіе условіями, отвѣчающими и разбою [2]) Русской Правды, когда онъ не сопровождается лишеніемъ жизни, и понятію грабежа другихъ памятниковъ, наприм. Псковской судоой грамоты: «А *возметъ* (кредиторъ) чтѡ за свой долгъ *силою*, ино быти ему оу *грабежу*» (ст. 67, ср. ст. 48 о *снятіи* портища въ посулѣ) Для обозначенія насильственныхъ дѣйствій существовалъ въ сѣверной Руси болѣе краткій терминъ «сбой», напр. «холопи *сбои*» (Новг. I. 81), отъ глагола «сбивати», употр. въ Новгородской судной грамотѣ (ст. 5). Въ Никон. лѣт.: «*збойчатые* и лукавые люди» (т. X, 213). Въ чешско-моравскомъ правѣ «выбой». Терминъ «сбой» въ Польшѣ означалъ открытое, насильственное отнятіе имущества: «*Spolium* publicum, quod *sboy* dicitur» (Hube: Prawo Pol. XIII w. 150). «Zboy» встрѣчается въ Вислицкомъ Статутѣ Казиміра (разд. 123 и др.). Грабежъ часто называется лупомъ, лупленіемъ, т. е. обдираніемъ. Лѣтописецъ говоритъ: «законъ бяше въ ляхохъ таковъ: челяди не имати, ни бити, но *лупяхутъ*» (Ипат. 582);—«добрыя жены и дѣвица видяще надъ собою *лупленіе* отъ татаръ».. (лѣтоп., т. IV, 68, 69). Кромѣ того, читаемъ въ лѣтописяхъ: «людии *полупита*,—

---

[1]) Арабскій писатель Ибнъ-Даста упоминаетъ о поединкѣ тяжущихся руссовъ при ихъ недовольствѣ княжескимъ приговоромъ (А. Гаркави: Сказ. мусульм. писат. 269).

[2]) «Разбойници *избиваютъ*.... по злобѣ и имѣніа желанію» (Рус. Достоп. I, 67). Псковская судная грамота разумѣетъ подъ разбоемъ взятіе чужого имущества, сопровождавшееся *боемъ*. «Розбойники *разбиваютъ*» (Губныя грамоты). «Сумежныя брани и деревенскія драки» въ разбой не ставились.

«ятровь свою *облупи*», и т. под. Лупу подвергались и мертвые: «мертвыхъ во гробѣхъ *лупящеі*» (Павловъ: О казнѣхъ, 72). Въ червонорусскихъ актахъ грабежъ—отнятіе, обираніе: «*неcz*, alias *grabycz*» (Act. grod., т. XII, p. 138). И въ кражѣ, и въ грабежѣ, договоры русскихъ съ греками не дѣлаютъ существеннаго различія между *покушеніемъ* на осуществленіе злого намѣренія, переходящимъ въ дѣйствіе, и *совершеніемъ* задуманнаго преступленія, но сливаютъ ихъ при назначеніи наказанія, по пріемамъ римскаго и древнегерманскаго правъ. Это раскрывается изъ слѣдующихъ выраженій Олегова договора 912 г., по моему чтенію, примѣняемыхъ къ застигнутому потерпѣвшимъ, во время самаго учиненія кражи, съ поличнымъ, которое еще не успѣлъ унести и скрыть или сбыть (furtum manifestum—«татба съ поличнымъ» Новгор. судн. грам.), сдавшемуся—«аще въдасть («руцѣ свои» по Радз.) «украдый» (ср. «вдасть ему руку» Ип. 540) или покорившемуся и связанному вору: «да отдасть тое, еже *смѣ створити и створить*, триичи о семъ (ср. въ ст. о головахъ: «и будетъ казнь... о семъ»); т. е. долженъ возмѣстить то, что осмѣлился (дерзнулъ) совершить и совершитъ, втройнѣ за сіе. Глаголъ «отдати» въ значеніи возвращенія покупной цѣны плѣнника встрѣчается въ томъ же договорѣ, а въ значеніи вознагражденія потерпѣвшаго господиномъ за то, «что боудеть взялъ» незаконно его закупъ, употребленъ статьею 75 Русской Правды, замѣняющей отдачу *платой* татьбы и продажи въ ст. 88 (Кар. сп.). Въ Судебникѣ XV в. Казиміра Ягеллона: «платити *татбу* истцу и *вину*» (ст. 17). Въ Уставной Смоленской грамотѣ: «Поличное *отдать* назадъ истцу, который приведетъ татя съ поличнымъ» (Собр. Гос. Гр. и Дог., № 148). «Татиное беремя *опять отдати* тому, у кого што украдено» (Сб. Муханова, № 85 [1]). Далѣе въ договорѣ 912 г. сказано: «Аще кто отъ хрестьянъ илп отъ русп *мученья образомъ* [2]) *искусъ начнеть творити* и на-

---

[1]) При ненахожденіи украденнаго - «паки лица не будеть»—примѣнялось правило объ оцѣнкѣ, изложенное въ ст. 41 и др. Русской Правды, Кар. сп.. По Уставн. Губн, грам.: «вы бы на татѣ доправя истцовы иски *отдавали* истцемъ, а въ *продажѣ* тотъ тать намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіунамъ» (С. Шумаковъ: Губн. и Земск. грам., стр. 135).

[2]) «Мученья образомъ»—посредствомъ мученья. Образъ—способъ, средство. Ср. въ Русской Правдѣ: «кымъ любо *образомъ* не ожжется».—«Побоями *оумучи*» (О казнѣхъ, ст. 66). «Смердъ *оумучать*» (Русск. Пр. Ак. сп.). «Ни *мучить*, ни бить» (Псков. грам., ст. 27). Въ лѣтописяхъ и юридич. актахъ часто «примучить»—принудить: «А никоторая злая воля *примучени*» (Arch. Sang. I, № IX. Вотъ поразительный примѣръ жестокихъ истязаній: Попа Патрикѣя «емше начаша *мучити*.. многи *муки* претерпѣ, на сковрадѣ пескоша и, и за ногти щепы биша, и ногы прорѣзавъ, ужа въдергавъ, по хвостѣ у конь волочиша, и тако въ той *муцѣ* скончася» (Воскр. т. VIII, 85, п. 1410 г.).

силье явѣ, или *взяметь* что любо *дружне*, да въспятить *троиче»* (въ нѣкот. сп. «трипче» (ср. «*потроичи* мече каменьемъ», Ипат. 563), т. е., если кто изъ христьянъ, или изъ русскихъ мучительнымъ образомъ (посредствомъ мученья—физическаго принужденія, притѣсненія, или истязанія) попытку (пробу или покушеніе) учнетъ совершать и насилье явно (для взятія) или возметъ что либо дружеское (другому принадлежащее) [1]), то да возвратитъ втройнѣ. Здѣсь необходимо оговориться. Въ нѣкоторыхъ спискахъ (Ипат. и т. п.) стоитъ «дружинне», что напрасно предпочитаютъ Н. Лавровскій (О Визант. элем. въ яз. догов., 124, 125), Тальбергъ (Насильств. похищ. Ж. М. Н. Пр. 1879 г. ч. 206, 24), М. Владимірскій-Будановъ, усматривающій въ дружинномъ похищеніи разбой (Обз. ист. русск. пр., 259). Подтвержденіемъ того, что искусъ [2]), вопреки толкованію И. Срезневскаго, разумѣвшаго подъ нимъ, въ изслѣдованіи о договорахъ, идею пиратства, правильно принятъ мною за tentatio (первое значеніе искуса по его-жс Словарю древне-русск. языка (ср. «кушатися», Ипат. 300), и что покушеніе, въ договорной Правдѣ, какъ продуктъ воли, карается лишь при достиженіи преступной цѣли посредствомъ совершенія задуманнаго, служитъ параллельная статья договора Игоря: «Аще ли кто *покусится* (попробуетъ, попытается) отъ руси взяти что отъ людій царства нашего, иже то *створить*, покажненъ будетъ вельми: аще ли *взялъ* будетъ, да *заплатить сугубо*; и аще *створить* грьчинъ русину, да пріиметъ ту же казнь» (наказаніе). Тройному взысканію Олегова договора соотвѣтствуетъ *triplum* древненѣмецкаго права за подобныя же преступленія (rapina) въ Капитуляріяхъ Карла Великаго, lib. VI, и Людовика Благочестиваго 826 г., cap. 1. Lex Bajuvariorum (tit. VIII, § 11) обязываетъ виновнаго за похищеніе изъ публичныхъ мѣстъ отдать втройнѣ: «ter niun geldum componat, hoc est ter novem [3]) reddat». Впрочемъ, и римскому праву не чуждо взысканіе

---

[1]) Въ Законѣ судномъ: «положеніе *дружне*; украдъ, да дасть сугубь *другу*». Въ Русской Правдѣ: «аще взыщеть на *дроузѣ*», «платити изъ *дроужины* свою часть». Въ Смоленской Правдѣ: «кто бьеть *дроуга* дѣревѣмъ,—аще кто *дроуга* ранить». Въ Псковск. грам.: «за *друга* не тягаться» (ст. 69). Въ Зак. Стефана Душана: «Кто проведи *дружняго* человѣка оу тоуждую землю» (ст. 93).

[2]) Искусъ, какъ попытка, совпадаетъ, по значенію, съ *искушеніемъ* въ догов. 912 г., имѣющемъ разные оттѣнки. Ср: requisitio, alias *pythane*, въ Полицкомъ и др. ю. слав. законахъ и въ Статутѣ Мазовецкаго князя Конрада 1421 г. Въ русск. конномъ правѣ—*опыть*. Въ лѣтописи—*испытаніе*: «Янь, испытавъ, чья есть смерда».. (подъ 1071 г.). Мстиславъ кіевскую чадь безъ вины погубилъ, «не испытавъ». Въ Лавр. пропущенъ глаголъ «начнетъ» (творити), очевидно, по недосмотру.

[3]) Тройную девятину. Въ девятину, при Меровингахъ и Каролингахъ, включалось *девять частей* пени, остававшихся за отчисленіемъ *десятины* въ пользу церкви, какъ

тройной цѣны похищеннаго. Такому взысканію подвергался, по иску furti concepti, домохозяинъ—«мѣстникъ», у котораго при обыскѣ обнаруживалась украденная вещь, или же, по иску furti oblati, тотъ, кто ее подло. жилъ (Зак. XII таблицъ [1]). Правило о тройномъ вознагражденіи получило широкое распространеніе въ древней Руси; оно узаконено, между прочимъ, ярлыкомъ Узбека 1315 г.: «что̀ *возмуть* (въ видѣ запрещенныхъ поборовъ), и они отдадутъ назадъ *третицею*» (Собр. Гос. Грам. и Догов., № 7). Если устранить превратныя сужденія о системѣ и деталяхъ договорной Правды X в., въ томъ числѣ предположеніе нѣкоторыхъ, напр. Станиславскаго, что объ одномъ наказаніи за взятіе чужого имущества («покажненъ *будеть вельми*:—аще ли взялъ будеть, да *заплатить сугубо*»), договоръ Игоря *умалчиваетъ* (Юрид. Сб. Мейера, 167), то окажется, что потытка или покушеніе измѣряется и облагается соотвѣтственнымъ съ виною наказаніемъ по одинаковому съ совершеніемъ преступленія масштабу, приложенному, по Олегову договору, и къ взятію чужого имущества у людей потерпѣвшей крушеніе лодьи: «аще ли ключится *кому* (у кого) *отъ тоя лодья. . . взяти* что любо, да повинни будуть то̀ *створшіи прежереченною епитемьею*» [2]) (тройному взысканію), буде, очевидно, взятіе было *открытое*, или же не вполнѣ осуществившееся преступное намѣреніе воплотилось въ сопровождавшейся насиліемъ попыткѣ взять чужое имущество [3]).

Развитіе и согласованіе съ договоромъ 912 г. въ договорѣ 945 г. системы наказаній за разнаго рода обиды примѣнительно къ русскимъ и греческимъ обычаямъ и законамъ, вытекаетъ изъ стремленія достигнуть

«съ суда — девять частей князю, а десятая—церкви» по церковному Уставу Владиміра св. (списокъ Кормчей XIII в.) и по Русской Правдѣ, принявшей *условныя* девятину и десятину.

[1]) Наши изслѣдователи договоровъ X в., говоря, что за furtum *manifestum* у римлянъ полагалось *четверное* взысканіе, упускаютъ изъ виду не только законъ XII таблицъ, предоставляющій потерпѣвшему широкую власть надъ явнымъ воромъ, но и слова Гая, что «ante poenam quadrupli явная кража считалась *капитальнымъ* (уголовнымъ) преступленіемъ». Четверное взысканіе за нее, какъ утверждаютъ лучшіе знатоки римскаго права, было установлено позднѣе, преторскимъ эдиктомъ, уполномочивавшимъ и на искъ furti prohibiti—in quadruplum противъ того, кто препятствовалъ производству у него обыска, и на искъ furti non exhibiti противъ того, кто отказывался выдать обнаруженную у него краденую вещь.

[2]) «Въ латинскихъ грамотахъ, напр. гл. V догов. 1271 г., уравниваются также «graviora *attentata* sive *facta* (Boczek: Dipl. IV, 52). «Епитимія—рекше *запрещеніе*» (Прав. св. Василія въ древн. Кормчей).

[3]) По ученію римскихъ юристовъ,—«quamvis qui rapuit, fur improbus esse videtur. Julianus scribit—eum qui *vi* rapit, furem esse improbiorem». Начиная съ претора Лукулла (76 г.), вошелъ въ практику actio *vi* bonorum raptorum—in quadruplum (Гай).

возможно полной гармоніи между ними и равновѣсія правъ договаривающихся сторонъ. Вообще, замѣчу кстати, конвенціи 912 г. и 945 г., представляющія стройное цѣлое, чуждое противорѣчій, гораздо болѣе связаны правовымъ единствомъ, чѣмъ многіе думаютъ, но единство разновременной договорной Правды двухъ національностей сводится къ основнымъ руководящимъ началамъ и признакамъ, не достигая, по необходимости, вызывавшейся правовыми особенностями каждой изъ этихъ національностей, абсолютной ассимиляціи частностей, свойственныхъ грекоримскому и русскому правамъ въ отдѣльности и искусно выгороженныхъ греческими и русскими дипломатами при помощи изрѣченій, нерѣдко обнимающихъ цѣлую совокупность правовыхъ нормъ, процессуальныхъ обрядовъ и условій наказуемости. Несмотря на то, Правда договоровъ русскихъ съ греками не только по своему составу, но и по опредѣленію послѣдствій преступныхъ дѣяній, гораздо богаче договоровъ грековъ съ венеціанами, генуэзцами и другими народностями, гдѣ господствуетъ упрощенная формула: «puniantur per potestatem secundum jura legum et secundum qualitatem delicti». (Atti d. soc. Ligure, vol. 28, 501 [1]).

Всѣ изслѣдователи нашихъ договоровъ *сугубое* (двойное) вознагражденіе по преступленіямъ противъ собственности, принятое договоромъ 945 г., признаютъ измѣненіемъ *тройного* вознагражденія, назначеннаго договоромъ 912 г. Послѣ тщательнаго изученія договорной Правды X в. мною обнаружено, что измѣненія количества вознагражденія за похищеніе и самовольное взятіе чужого имущества договоръ Игоря, обновившій старый миръ съ греками, не вноситъ, но дополняетъ прежній договоръ 912 г., предусматривая кражу не явную—furtum *nec manifestum*, облагаемую двойной пеней (poena dupli) по закону XII таблицъ, одинаково съ самовольнымъ взятіемъ чужого имущества безъ признаковъ разбоя или грабежа съ насиліемъ, раздробляя притомъ удовлетвореніе потерпѣвшихъ на вознагражденіе въ видѣ возвращенія похищеннаго или его стоимости по принадлежности и наказаніе виновнаго сообразно съ цѣною похищеннаго. Какъ по закону XII таблицъ, воръ nec manifestus приговаривался *duplione* damnum decidere и удовлетворить потерпѣвшаго за украденную вещь, такъ и по аттическому праву, воръ долженъ былъ отдать обокраденному уворованную вещь или ея цѣну, а кромѣ того, уплатить *двойную* ея цѣну (Telfy: Corp. jur. att.). Возвращеніе украденнаго и уплата двойной его стоимости

[1]) Въ договорахъ между греками и генуэзцами съ XII в. объ отвѣтственности за преступное взятіе чужого имущества при кораблекрушеніи трактуется обыкновенно такъ: «.. si navigium genuense a quocumque loco veniens in Romaniam periclitetur et contigerit ut aliquid ex iis, quae in ipso sunt, ablatum fuerit a quocumque, fiat de his vindicta a majestate mea et restauratio hujusmodi rerum».. (Ib. № II, 351).

потерпѣвшему свойственны византійскому праву, по которому за первую кражу виновный, *сверхъ возвращенія украденнаго* или его равноцѣнности, приговаривался къ платежу *двойной* стоимости похищеннаго (Eccl. tit 17, cap. 11; Proch. tit 39, cap. 54). Законъ царей Льва и Константина, въ славянскомъ переводѣ, помѣщенномъ въ Кормчей, гласитъ: «Каждый... аще свободенъ есть и *можетъ*,—на *оустроеніе* оукраденнаго, посемъ *соугубу* оукраденнаго *цѣну* да подасть; аще ли *неимовитъ* есть, да біенъ боудеть и заточенъ (варіантъ—«въ заточеніе да *пущенъ* будетъ»). «Аще богати и свободни суть, да *возвративше* украденное, и *сугубицею толико же да вздадять татьбу* потерпѣвшему». По другой редакціи: «*къ количеству оукраденнаго* и *сугубу* отдадятъ татьбу пострадавшему», какъ изложено въ выпискахъ изъ новыхъ заповѣдей царя Юстиніана (Кормч. гл. 44, ср. Павлова, Кн. закон., 71). По договору 945 г.: «да прииметь туже *казнь*», независимо отъ обязанности возвратить взятую вещь хозяину, какъ и по 12 ст. Русск. Правды Акад. сп. и 29 ст. Карамз. сп., кромѣ возмѣщенія *убытка* въ видѣ возвращенія самовольно взятаго или его стоимости, уплачивается виновнымъ *за обиду* пеня, иногда вдвое, напр. за украденную лодью—30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ (ср. ст. 91 Карамз. «лицемъ воротити»). Въ 43 ст. Русск. Правды за кражу, учиненную холопомъ, постановлено, согласно съ нашими договорами, «*двойчи* платити къ истцу *за обиду*», конечно сверхъ возвращенія поличнаго или его стоимости, реальной, либо урочной, смотря по обстоятельствамъ [1]). Въ древнемъ Законѣ земледѣльческомъ есть нѣсколько статей о *двойномъ* вознагражденіи за нарушеніе чужой собственности, кромѣ отдачи незаконно взятаго и присвоеннаго имущества (ст. 59, 60, 63, 67). По Юстиніанову закону, даже тотъ, кто «раздѣлитъ землю криво, да въдасть *двое*».. (R. Hube: Знач. правъ римск. и римсковизант. у народ. слав.). Двойное вознагражденіе за укра-

---

[1]) Примѣненіе закона *русскаго* въ ст. догов. 945 г. о кражѣ ставитъ изслѣдователя въ необходимость обратиться къ Русской Правдѣ, языкъ которой мѣстами темнѣе языка договорнаго. Въ ней неоднократно упоминается о *поличномъ и о томъ, что съ нимъ погибло* (ст. 30, 33, 36, 40 Кар. сп.). Особенно важна послѣдняя статья: «... а у него же погыбло, *оже будеть лице*, лицемъ посмлеть, а за лѣто възметь по полугривнѣ». Три гривны за княжаго коня, а за иныхъ—двѣ гривны (ст. 41) уплачивалось въ случаѣ отсутствія лица, какъ при кражѣ хлѣба изъ гумна или ямы по ст. 40 и лодьи по ст. 91 (ср ст. 29, соотв. ст. 12 Академ. сп.). Размѣръ платы за гибель назывался урокомъ: «... за пагоубу гривна *оурокъ* платити» (ст. 98 Кар.), по своему *условному* характеру, какъ «*уреченые* уроки» относительно раздѣла плѣнныхъ въ Судебникѣ царя Константина и уроки, полагавшіеся въ вознагражденіе судебнымъ органамъ, рабочимъ, мостившимъ мосты и т. под., т. е. елико *оуречено*» (Лѣтоп. Перенсл.—Суздал. подъ 907 г.), или же въ пользу церквей и на другія надобности: «Ярославъ даваxъ имъ имѣнія своего *урокъ*» (Лавр. 149) Ольга уставила *уроки* въ Деревской землѣ, и т. д.

денное полагается и по Синтагмѣ Петра Властаря XIV в., составленной примѣнительно къ греко-римскому законодательству (см. изслѣдов. о ней Н. Ильинскаго). Въ судебныхъ книгахъ Привислинскаго края (акты 1348 и 1394 г.) мы находимъ, независимо отъ возвращенія украденнаго, «*duplex* poena furticia», обложеніе «*duabus* marcis racione dampni» (R. Hube: Prawo polsk. XIV w., стр. 279). Изъ древнихъ узаконеній, между прочимъ и Закона суднаго, дѣйствовавшаго, по крайней мѣрѣ отчасти, въ Руси при Владимірѣ св., ветхозавѣтная *сугубина*, полагавшаяся по тому Закону и въ наказаніе татю, съ отдачею истцу противъ указной цѣны, проникла въ Судебникъ и въ Уложеніе Алекс. Мих. (гл. X, ст. 210). Въ старѣйшихъ южнославянскихъ законодательствахъ, составляющихъ смѣсь грекоримскихъ правовыхъ нормъ съ мѣстными обычаями, преобладаетъ всюду двойное взысканіе—*двоина* или *дупла* (duplum) въ пользу потерпѣвшихъ отъ подобныхъ преступленій. Таковы Юстиніановъ законъ о записаніи, уставы Вшнодольскій, Сплетскій, Корчскій и др. (Monum Slav. и Monum. hist. juridica). Наряду съ этимъ излагаются постановленія о личбѣ, т. е. *лицѣ* или поличномъ. Литовско-русское законодательство переименовало «duplum» въ совитое вознагражденіе: «*совито* або водвое» (Лит. Стат. 1588 г., XI 28).

По договору Игоря, воръ долженъ возвратить не только наличностью все украденное, но и цѣну его, если оно не было отыскано. Похищенное подлежало возврату всецѣло, какъ и снесенное челядиномъ: «да вспятять и опять, и еже что̀ принеслъ будеть,—все цѣло» [1]). Цѣна давалась и за обиду потерпѣвшаго, въ наказаніе вора, при неявной кражѣ, всегда сугубая—двойная, независимо отъ возврата поличнаго, или его стоимости, въ возмѣщеніе убытка: «достойно есть да возворотить е́ (что̀ украдено) не точью едино, но и *цѣну его*; аще украденое обрящется, *продаемо* [2]) (най-

[1]) Уложеніе Алекс. Мих. повторяетъ выраженіе договора: «отдати истцу *все въ цѣлѣ*» (гл. X, ст. 210). Если не найдена была лишь часть похищеннаго, то приплачивалась ея стоимость

[2]) Во всѣхъ лѣтописныхъ спискахъ, исключая Лавр. и нѣкот. сходн., гдѣ «предаемо», стоитъ «продаемо». Ср.: «се *продаеми* бываютъ»... Нельзя «продаемое» не считать проданнымъ или сбытымъ (ср. «по нужи *проданъ* будеть»), ибо въ противномъ случаѣ полагалось бы *тройное* наказаніе и не было бы соотвѣтствія съ *наказаніемъ* за незаконное взятіе чужого имущества («показненъ будетъ вельми»), заключающемся въ *сугубомъ платежѣ* («да заплатитъ сугубо»), конечно, *цѣны* взятаго, причемъ обязанность возвращенія поличнаго, *если оно не отобрано*, или его стоимости, сама собою разумѣется. Когда украденъ, или же подвергнутъ принудительной *продажѣ* челядинъ русскій, то онъ *возвращался* хозяину («да ищутъ... обрѣтаемое да имутъ е́»), но укравшій челядина, кромѣ того, подлежалъ общему *наказанію*, положенному за кражу.—По римскому праву, при *продажѣ* чужой вещи собственникъ ея, посредствомъ actio auctoritatis, могъ взыскать съ продавца *двойную* стоимость вещи.

дется, будучи продаваемымъ), «да вдасть и *цѣну его сугубо* (въ Ипат. «сугубу»), и тъ *показнень* будеть по закону гречьскому, по уставу, и по закону русскому». Такимъ образомъ постановленіе Олегова договора о тройномъ вознагражденіи потерпѣвшаго также имѣетъ, отрицаемый Влад.-Будановымъ, по недоразумѣнію (Обз. ист. русск. пр. 258), характеръ наказанія, размѣръ коего не измѣнялся отобраніемъ того «иже будеть погубилъ» потерпѣвшій—«паче убо да възметь свое».

Стремленіе къ обобщенію и согласованію индивидуальныхъ и публичныхъ интересовъ на почвѣ національнаго права державы, въ предѣлахъ которой совершено преступленіе, сказалось, между прочимъ, въ статьѣ договора 912 г. о кражѣ, побѣгѣ, принудительной продажѣ и укрывательствѣ челядина русскаго, изъ которой выдѣлено въ договорѣ 945 г. бѣгство русскаго челядина, съ назначеніемъ цѣны его въ томъ случаѣ, если онъ не найденъ. По первому договору, гости русскіе, утратившіе челядина, искали его въ Греціи при содѣйствіи греческихъ органовъ власти. «Аще ли кто искушенія сего не дасть створити мѣстникъ,—да погубитъ правду свою» [1]). Погубленіе заподозрѣннымъ въ укрывательствѣ челядина обывателемъ своей правды за препятствованіе къ производству у него обыска,—навлекаемое имъ на себя возмездіе,—есть эквивалентъ утраты гостемъ челядина. Отвѣтственности укрыватель челядина подлежалъ по законамъ своей страны. Считающіе мѣстника мстителемъ [2]), какъ Эверсъ, Владимірскій-Будановъ и др., заблуждаются. Нельзя не согласиться съ Срезневскимъ, Соловьевымъ, Бѣляевымъ, Сергѣевичемъ, что мѣстникъ (откуда помѣстникъ, помѣщикъ, ср. намѣстникъ и мѣстичъ)—мѣстный домохозяинъ, ибо въ Судебникѣ царя Константина (Законъ судный) мѣстникъ упоминается въ томъ же значеніи, а по правамъ Рипуарскому, Бургундскому и Салическому, домохозяинъ, укрыватель утраченнаго признается воромъ. Укрывательство челядина вошло и въ Русскую Правду. Къ сожалѣнію, статью 10 Акад. сп. (ст. 27 Караиз.)—«Аще ли челядинъ съкрыется любо *оу варяга, любо оу колбяга*», превратно толкуютъ въ смыслѣ укрывательства челядина *варягомъ* или *колбягомъ* [3]). Наоборотъ, статья разумѣетъ по-

---

[1]) По Псковскому законодательству, препятствовавшій произвести у себя обыскъ для обнаруженія краденныхъ вещей признавался виновнымъ въ татьбѣ, какъ и тотъ, у кого, по оговору, найдено поличное (ст. 57 и 60).

[2]) Въ догов. Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ, XV в., месть—отмѣстъ или отместка: «а *отмѣста* кунъ не имати» (ст. 1); въ Псковской судной грамотѣ: «судомъ не *мстится*» (ст. 3).

[3]) М. Владимірскій-Будановъ неизвѣстно почему колбягами считаетъ восточныхъ инородцевъ (Обз. ист. русск. пр., 265). Если слово «колъбягъ» славянскаго корня, то оно, кажется, въ тѣсной связи съ простонароднымъ словомъ *колобъ* — кругъ, округъ, откуда

бѣгъ челядина, *принадлежащаго варягу* или *колбягу*, являющимся здѣсь *пострадавшими*,—«изымати *ему свой челядинъ*» [1]). Достаточно въ доказательство привести, напр., ст. Закона суднаго «о мачехахъ, *крыющихъ* имѣніе *оу чюжей чади*», съ угрозой мачихѣ лишеніемъ того, «его же будетъ крыла». Мачиха, скрывающая имѣніе, *принадлежащее чужимъ дѣтямъ*, лишается сокрытаго ею, т. е. оно отъ нея отбирается. Извращеніе статьи Русск. Правды объ укрывательствѣ произошло отъ недостаточнаго пониманія духа и особенностей древнерусскаго языка.

Одна статья договора 912 г. посвящена праву наслѣдованія, безъ духовнаго завѣщанія и по духовному завѣщанію, послѣ умершихъ въ Греціи русскихъ, состоящихъ на службѣ («работающихъ») у греческаго («хрестьянскаго») *царя* и, слѣдовательно, ему подчиненныхъ въ качествѣ пришлыхъ добровольцевъ, поступившихъ въ ряды его войска, которыхъ необходимо отличать отъ плѣнныхъ, порабощенныхъ *греками* [2]): «Аще ли обрящутся русь *работающе у грекъ*, аще суть *плѣнници*».., подлежавшіе, по договору 945 г., выкупу за опредѣленную плату. Въ договорѣ 912 г. условлено, что когда предстоитъ грекамъ война, то приходящіе въ Грецію русскіе, сколько бы ихъ ни было, если въ удовлетвореніе военныхъ потребностей захотятъ *почтить* («почестити») *царя* и *у него* остаться (на службѣ)

географич. назв. «Колбяжичи», и съ глагол. «колобоить», употребительномъ въ сѣверной Россіи,—т. е. говорить *околичности*, нести *околесицу* (ср. Дополн. къ Опыту областн. великорусск. Словаря, изд Акад. Наукъ, стр. 84). Патріархъ Фотій говоритъ о подчиненіи руссамъ *окружного* населенія. По Димешки, *келябіи* живутъ на берегахъ Варяжскаго моря (Frähn: Ibn-Foszlan's Berichte, 192—194) Въ скандинавскихъ сагахъ: «Kyblingar, Kilpingar, Kyfflingar», торговавшіе съ финнами. Исландскій аббатъ Николай (XII в.) пишетъ, что на сѣверѣ лежитъ земля «Kylvingarum, quam vocamus regnum Gardarum»; а въ географич. соч. Хаука Эрлендзона (XIV в.): «Russia, quam nos Gardarikiam appellamus» (Ant. Russes).

[1]) Ср.: «аще кто челядина пояти хочетъ» (ст. 15 Акад.);—«свой челядинъ пояти, а оному платити» (ст. 37). По договорамъ 912 и 945 г: «Аще *ускочитъ* челядинъ».—«Ускочи Игорь *у половецъ*»., т. е. отъ половцевъ (Лавр. подъ 1186 г.). А *оу кого* стулится должникъ въ записи (ст. 93 Пск. судн. гр.), т. е. *отъ котораго* спрячется или укроется,—уклонится отъ платежа.

[2]) «Отъ *людій* царства нашего ускочитъ челядинъ нашъ къ вамъ». Плѣнъ, въ X в. и позднѣе, былъ источникомъ рабства, противъ чего возставалъ 3-й Латеранскій соборъ 1179 г. и церковные проповѣдники. По словамъ императора Маврикія, у славянъ плѣнные... «in servitute tenentur», но «ablata mercede, velent dein reverti ad suos aut manere apud ipsos».. По Ибнъ-Дасту (около 912 г.), руссы обращали плѣнныхъ въ рабство. Клятва пословъ Игоря «да будуть *раби*... да будеть *рабъ*» предполагаетъ взятіе въ плѣнъ. Примѣръ работы въ смыслѣ службы: князья болоховскіе «обѣщашася (Даніилу Романовичу) *работи* быти» (Ипат. 527).

(«и хотять остати *у царя*»),—«своею волею да будуть», т. е пусть располагаютъ (собою) по своей волѣ [1]). Не повторяя извѣстныхъ фактовъ, касающихся почетной службы варяговъ у греческихъ императоровъ, отмѣчу лишь, что когда крестоносцы захватили Царьградъ въ 1204 г., то изгнали изъ города варяговъ,—«иже бяхуть *ся остали*» (Воскр. лѣт. т. VII); въ оставшихся дружинахъ были, вѣроятно, и русскіе. Упомянутый договоръ охраняетъ имущественныя права отсутствующихъ наслѣдниковъ послѣ умершихъ въ Греціи на службѣ у царя русскихъ, возлагая на греческое правительство заботу о возвратѣ *не завѣщаннаго* ими имущества, кому слѣдуетъ, чрезъ посредство забирающихъ товаръ русскихъ,—разныхъ лицъ, приходящихъ въ Грецію и въ ней подолгу остающихся («удолжающихъ») [2]). Первая половина статьи трактуетъ объ умершихъ *безъ завѣщанія*: «Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци и *своихъ* не имать, да възвратить имѣнье къ *малымъ* (въ нѣкот. сп.: «къ милымъ») *ближикамъ* въ Русь». Подъ «своими» часто разумѣютъ нисходящихъ, а подъ «малыми ближиками»—боковыхъ родственниковъ (напр. Владим.-Будановъ—Обзоръ ист русск. пр., стр. 407, Ключевскій—Боярская дума древн. Руси, гл. V),- тогда какъ ближніе убитаго, и нисходящіе, и боковые, по договорамъ, расправляются, въ качествѣ мстителей, съ убійцей и получаютъ часть его имущества [3]). В. Никольскій, въ диссертаціи «О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ», подвергъ статью весьма подробному разбору и все-таки не далъ вполнѣ удовлетворительнаго комментарія, пренебрегши актами, на которые обратилъ вниманіе А. Неклюдовъ, хотя, къ сожалѣнію, безъ связи съ договоромъ 912 г., въ изслѣдованіи о зауморщинѣ (Начало снош. Россіи съ Турціей, Сб. Моск. Гл. Арх. М. И. Д.). Въ 1492 г. вел. князь Іоаннъ III Васильевичъ вступилъ въ сношенія съ турецкимъ султаномъ Баязетомъ по поводу притѣсненія русскихъ гостей»

---

[1]) Ср. ст. 68 Русской Правды Кар. сп: «ждутъ ли ему, продадутъ ли его, *своя имѣ воля*». Такъ и въ Смоленской Правдѣ взаимная военная помощь нѣмцевъ и русскихъ зависитъ отъ ихъ воли: «аже самъ хочеть, тотъ ѣдеть»....

[2]) Ср. «удолжися остоя въ градѣ» (Лавр. 124). Къ такимъ удолжающимъ принадлежали напр. руссы, принимавшіе участіе въ критской экспедиціи грековъ 949 г., на семи вспомогательныхъ судахъ, дѣйствовавшихъ въ Диррахіи и Далмаціи: «Russorum erant viri 584, quibus si accensentur 45 pueri seu servi in castris servientes, erant russi universi 629». J. Stritter: Memoriae popul., т. II, 972 и 973).

[3]) М. Владимірскій-Будановъ, утверждая, что къ боковымъ родственникамъ, по Русской Правдѣ, не могло переходить имущество наслѣдодателя, ни по завѣщанію, ни по закону (Обзоръ, 410), въ примѣч. къ ст. 13 договора Игоря поясняетъ, что общественная власть удовлетворяетъ родственника – *наслѣдника* убитаго (Христ. по ист. русск. права). Нельзя, однако, допустить, чтобы законъ Ярославовъ «мстить брату брата» былъ чуждъ руси X в.

отправлявшихся съ торговою цѣлью въ занятыя турками греческія земли. «Нигдѣ», писалъ вел. князь, «такая сила не чинится надъ нашими гостьми, какъ въ салтановѣ землѣ: разболится человѣкъ да учнетъ товаръ свой давати *брату своему, или племяннику, или съ товарищомъ своймъ учнетъ посылати къ женѣ своей да къ дѣтямъ*, и они еще у живаго у него товаръ его отъимутъ, а товарищовъ его къ нему не припустятъ. И мы нынѣ, на сей веснѣ, тѣхъ дѣля дѣлъ своихъ гостей въ Азовъ и въ Кафу [1]) не отпустили... Еще нашихъ гостей будетъ *человѣкъ пять или шесть въ одномъ котлѣ* и одинъ человѣкъ изъ нихъ разболится какою болестью, да еще онъ живъ... а они отъ него всѣхъ его товарищовъ отошлютъ, а у тѣхъ... товаръ запечатаютъ, а какъ тотъ человѣкъ умретъ и они у всѣхъ у нихъ товаръ возмутъ, а назовутъ тотъ товаръ того мертваго человѣка»... Въ грамотѣ Баязета отъ 1497 г. приводится тѣтъ по содержанію рѣчей русскаго посла: «А кой дей отъ твоихъ гостей умретъ, а свой животъ кому прикажетъ, а мои дей зауморщики того живота тѣмъ приказникомъ не даютъ»... Возражая на это, Баязетъ ссылается на принимаемыя его зауморщиками охранительныя мѣры. Товаръ больного описываютъ, «доколѣ оможется», выздоровѣвшему товаръ возвращаютъ; товаръ умершаго отдаютъ на сохраненіе «дотолѣ, хто по тотъ жывотъ приѣдетъ, а какой человѣкъ больной, не будетъ у него *никово* (Неклюдовъ прибавилъ—«изъ своихъ», чего нѣтъ въ текстѣ), а въсхочетъ духовную писати на чье имя заочи, кого воименуетъ, кадый ему духовную напишетъ, и онъ умретъ»... Употребивъ часть имущества на похороны, «остатокъ жывота взявъ, блюдутъ, доколѣ тотъ его *приказчикъ* приѣдетъ, на чье имя писалъ... и они ему исъ тово живота дадутъ половину по обыску, а другую половину дадутъ зауморщикомъ... А коего твоего человѣка не станетъ *въ нашей землѣ*, гдѣ ни будетъ, а *тутъ у него будетъ братъ, или племянникъ*... приди къ кадыю да ему скажися,—братъ-ли, или племянникъ, и свидѣтелей на себя постави, и они правду Божію дадутъ, да животъ возмутъ». При отсутствіи подлѣ умершаго родныхъ, имущество сохраняется въ теченіе года,—«или

---

[1]) Въ 1476 г. «турове взяша Кафу (нынѣ Феодосія) и гостей московскихъ много побиша, а иныхъ поимаша, а иныхъ пограбивъ, на окупъ подаваша» (Воскрес. т. VIII, 181). Гости московскіе отправлялись великимъ княземъ въ Крымъ, а позднѣе въ Царьградъ, съ послами. Въ 1497 г. Иванъ Васильевичъ послалъ пословъ своихъ въ Крымъ, къ царю Менглигирѣю, князя Ивана Звѣнца, а въ Царьградъ, къ султану Баязету, Михаила Плещеева, «и съ ними *многыхъ гостей* съ Москвы отпустилъ» (Ib. стр. 233). Споры о зауморщинѣ продолжались до 1501 г., когда гости жаловались великому князю, что имъ «сила чинится въ судѣ .. къ Кафѣ: чего станетъ искать русинъ на бусурманинѣ, или кто изъ русскихъ умретъ, и если у русскихъ не будетъ свидѣтеля бусурманина, то сколько бы ни было свидѣтелей русскихъ, судьи имъ не вѣрятъ и русиновъ обвиняютъ въ судѣ и въ *зауморкахъ*»... (С. Соловьевъ: Ист. Рос., т. V, гл. IV).

кто пріѣдетъ о томъ статкѣ... кадый обыскавъ, ему тотъ животъ отдастъ. А если у больного *не будетъ съ нимъ роду его ни племени, а языкъ его говоритъ, и онъ себѣ пишетъ духовную на имя сыну ли, или брату* [1]), *или племяннику, кто будетъ у него на Руси*, и духовную бы писалъ собѣ передъ добрыми людьми». Пріѣзжему имущество отдавалось по повѣркѣ... «А который человѣкъ въ моей землѣ умретъ, а брата у него *тутo* не будетъ, ни племяни, и язъ тѣ дѣла приказалъ своимъ людемъ беречи... а его самого похоронити и по немъ поправити, какъ се будетъ его приказъ въ духовной» (Собр. Гос. Гр. и Догов. ч. V, № 22, 23, 34). Турки, въ 1453 г., завоевавъ Царьградъ и затѣмъ окрестныя земли, столкнулись съ обрядами, соблюдавшимися тамъ искони греками по отношенію къ имуществу умершихъ русскихъ гостей. Нарушеніе турками освященныхъ договоромъ стародавнихъ правилъ вызвало протестъ вел. князя Іоанна Васильевича, имѣющій для насъ, въ связи съ попыткой султана оправдать турецкое правительство, очень важное значеніе, косвенно помогая разъяснить договорную статью о наслѣдованіи. Если умершій *безъ завѣщанія* не имѣлъ подъ рукою никого изъ своихъ (родныхъ) [2]), кому бы наслѣдственное имущество могло быть поручено или передано, то оно *возвращалось* къ его *малымъ ближикамъ* въ Русь, при содѣйствіи греческаго правительства, принимавшаго охранительныя мѣры [3]). Такъ и по ст. 111 и 115 Русской Правды Кар. сп., имущество умершаго подлежало *возвращенію* опекунами

---

[1]) Ср. изданную И. Срезневскимъ духовную новгородца Климента, XIII в.: «Того дѣля написахъ, зань да не было *у мене, брата, ни сыну*».. Всѣ читаютъ: «не было у мене брата, ни сыну». Дѣло въ томъ, что самъ завѣщатель, «рабъ Божій, постригшись въ чернецы, поступилъ въ среду монашеской *братіи*, къ которой обращено завѣщаніе и въ пользу которой оно составлено, называя *себя* братомъ. Въ концѣ онъ угрожаетъ нарушителямъ завѣщанія стать предъ Богомъ не съ нимъ однимъ, завѣщателемъ, но со всѣмъ *его племенемъ*. Въ посланіи къ Мстиславу, подъ 1287 г., Владиміръ Васильковичъ заявлялъ:.. «а *ни* у мене дѣтей, а даю тобѣ... землю свою всю и городы, по своемъ животѣ» (Ипат. 591).

[2]) Въ статьѣ не упомянуто—*идъ* именно умершій «своихъ не имать», но точно также и въ 84 ст. Псковской грамоты: «А которой изорникъ пооумретъ оу государя на сели, а *не будетъ оу него* (т. е. въ селѣ) ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни племени»,—государь (хозяину) предоставляется попродать изорничъ животъ въ возмѣщеніе своей покруты,.. «а потомъ(ъ) *у племени изорничи ни брату* не сочить живота изорнича». Читаютъ—«потому» неправильно.

[3]) Когда нельзя было призвать къ опекѣ ближайшаго родственника (tutela legitima), опека назначалась правительствомъ (tutela dativa). Договоръ предполагаетъ существованіе малолѣтнихъ наслѣдниковъ на родинѣ умершаго въ Греціи безъ завѣщанія и, слѣдовательно, не сдѣлавшаго распоряженія объ опекѣ, возможнаго въ случаѣ оставленія умершимъ завѣщанія (tutela testamentaria).

законнымъ наслѣдникамъ. Порядокъ наслѣдованія членовъ рода въ договорной статьѣ не указанъ. Онъ зависѣлъ отъ мѣстныхъ національныхъ обычаевъ и обстоятельствъ каждаго даннаго случая. *Свои* въ договорѣ—домашніе, близкіе или родственники. То же самое въ законѣ XII таблицъ о наслѣдованіи. *Sui*, по толкованію Гая,—*domestici*. Въ 941 г. русскіе «повѣдаху кождо *своимъ*» о гибельномъ дѣйствіи греческаго огня. Подъ 980 г., въ лѣтописномъ разсказѣ о добродѣтельной женѣ читаемъ: «не печется мужъ ея о *дому своемъ*... вси *свои* ея одѣни будуть»... Въ Измарагдѣ (изд. Яковлева) сказано: «Егда милостыню твориши,.. ближнихъ бо роду своего не презри; первые *домашняя своя и родъ свой* безъ печали створи».. *Свои* могли быть и дѣти, и иные родственники: «Аще кто роздѣлитъ домъ *дѣтемъ своимъ*, на томъ же стояти; паки ли безъ ряду умреть, то всѣмъ дѣтемъ»... (Ст. 105 Русск. Пр. Карамз. сп.). «*Свой* ми еси *сестричичъ*» (Ипат. 233), и т. под. За своихъ можно было мстить. Въ 1071 г. Янъ, мужъ в. кн. Святослава, вопрошалъ: «ци кому (изъ) васъ *родинъ* убьенъ отъ сего (волхва)? Они же рѣша: мнѣ *мати*, а другому *сестра*, и иному *родичъ*. Онъ же рече имъ: мьстите *своихъ*». И. Срезневскій и многіе другіе предпочитаютъ эпитетъ «къ *малымъ*» [1]—«милымъ» ближикамъ (Радз. и сходн. съ нимъ сп.). Второе чтеніе, хотя отвѣчаетъ естественному чувству привязанности и любви между родными (эпитетъ «милый» былъ очень употребителенъ и вполнѣ умѣстенъ [2]), однако, нельзя отвергать существованія въ погибшихъ старѣйшихъ спискахъ договоровъ выраженія «малымъ ближикамъ», откуда оно проникло въ наиболѣе сохранившіеся списки, почему Н. Хлѣбниковъ основательно принялъ это чтеніе (Общ. и Госуд. въ домон-

---

[1]) «Виждь своего *малаго*», восклицалъ Иларіонъ въ мысленномъ обращеніи къ умершему кн. Владиміру, разумѣя его малолѣтняго сына Георгія-Ярослава. «Игорь *малъ* бѣ—дѣтескъ вельми» (Ник., т. IX. 15). «Аще боудуть въ домоу дѣти *малы*»... (Русск. Правда). «А што будуть *малыи* дѣти, ниже 7 годовъ» (Судебн. Казим. Ягел. XV в.) Вел. князь Всеволодъ молвилъ новгородцамъ: «сынъ мой, а вашъ князь—*малъ*, а даю вы сынъ свой старѣйшій» (Соф. подъ 1205 г.). Въ словарѣ И. Срезневскаго единственный примѣръ: «Князь еще *малъ* бяше» (Новг. 1, подъ 1264 г.). По достиженіи 12 лѣтняго возраста, дѣти, по крайней мѣрѣ княжескія, допускались къ самостоятельной присягѣ. По догов. можайскаго князя Ивана Андреевича съ вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ и его дѣтьми 1448 г., послѣднія имѣли *сами* крестъ цѣловать къ нему, Ивану, когда имъ «исполнятся... по *двенатцати лѣтъ*» (Собр. Гос. Грам. и Догов., № 68).

[2]) «Ярославъ... не бѣ вѣдалъ такого встанья на сына своего *милого* Олександра» (Лавр. 455). «Всеволодъ ѣха по *милов* свое дочери». Конрадъ Мазовецкій въ 1281 г. обращался къ русскимъ дружинамъ, какъ къ милой братіи: «братья моя *милая*, руси, потягнете за одино сердце». «Княгини моя *мила*... *миловахъ* ю (пріемыша Изяславу) аки свою дщерь» (Ипат. 443, 584, 593), и т. п.

гольскій періодъ). Въ концѣ концовъ необходимо, по моему мнѣнію, упразднить вопросъ о тождествѣ малыхъ съ *отдаленными* родственниками и склониться къ совершенно новому выводу: о принятіи греческими властями мѣръ къ охранѣ и возвращенію имущества умершаго безъ завѣщанія въ Греціи русскаго, въ Русь для своевременной передачи малымъ, т. е. *малолѣтнимъ* его родственникамъ, при наличности на родинѣ умершаго *малыхъ* дѣтей или иныхъ близкихъ и при отсутствіи около умершаго возмужалыхъ ближиковъ [1]), которые могли бы сами позаботиться о наслѣдственномъ имуществѣ, *распорядиться* имъ, либо *взять* его, какъ, непосредственно, или чрезъ *душеприкизчиковъ*, можетъ взять тотъ, кому отказано имѣніе по завѣщанію умершаго—«*взмети* уряженое его... отъ *взимающихъ* куплю руси» [2])... Слово «малый» ни въ нашихъ, ни въ иныхъ славянскихъ юридическихъ памятникахъ никогда не прилагается въ смыслѣ, приданномъ ему Срезневскимъ, *незначительнаго* (по кровной связи) родственника (Словарь древнерусск. языка). Его взгляду противорѣчатъ и примѣры, приведенные имъ подъ словомъ *ближикъ* или ближика, означающимъ всякое близкое родство, безъ подраздѣленія его на *большее* или *меньшее*, которые дополню двумя выдержками въ подкрѣпленіе моего взгляда на малыхъ ближиковъ: По ст. 29 Юстиніанова закона, приведеннаго Губе въ славянскомъ переводѣ (О знач. правъ римск. и римсковизант. у слав.): «Аще кто ухватитъ мужа съ своею женою или *дщерью*, или *инако ближикою*»... По ст. 31 Зак. Винодольскаго, за убійство кметя уплачивалось 100 либръ «*ближикамъ* онага, ки се убиенъ». Половину берутъ «*дитце* убіеного, ако има дитцу, а други пол него *ближика*», т. е. *остальные ближики*». Итакъ юридическіе памятники включаютъ дѣтей въ кругъ ближиковъ, иногда формально выдѣляя ихъ изъ общей массы ближиковъ, *ближнихъ*, что одно и тоже [3]). Въ

---

[1]) И. Бѣляевъ перевелъ: «не будетъ имѣть *при себѣ* своихъ» (Лекціи по ист. Русск. законод., стр. 71), а Н. Хлѣбниковъ.. «*при себѣ* ближнихъ» (Общ. и госуд. въ до монг. пер. стр. 115).

[2]) Конструкція статьи такова, что легко принять «взимающихъ куплю... различныхъ ходящихъ въ Грекы».. за наслѣдодателей, но о нихъ во множественномъ числѣ говорится только въ заголовкѣ—«о работающихъ»..., въ самомъ же текстѣ статьи наслѣдодатель упоминается въ *единственномъ* числѣ: «*кто* умреть.... *створить* обряженіе... уряженое *его*, кому будеть *писалъ*»... Роль посредниковъ между завѣщателемъ и наслѣдникомъ играли *забиравшіе* въ Греціи товаръ русскіе гости, предполагаемые *душеприказчики*. Вмѣстѣ съ товаромъ они привозили въ Русь наслѣдственное имущество, а отъ нихъ *получалъ*, прямо или чрезъ опекуновъ, тотъ, кому оно отказано. Выраженіе «таковый възметь... кому будеть писалъ наслѣдити имѣнье да наслѣдить е», предлагаю перевести такъ: тотъ возметъ... кому писалъ наслѣдовать имѣнье, съ тѣмъ чтобы *унаслѣдовалъ*, т. е. осуществилъ наслѣдственное право согласно волѣ завѣщателя.

[3]) См. договорн. ст. объ убійствѣ, позднѣйшіе юридич. акты и богатый Словарь Срезневскаго.

договоры, заключенные между греками и венеціанами съ X вѣка, вошли постановленія объ охранѣ наслѣдственнаго имущества умиравшихъ въ Греціи венеціанъ. Договоръ 977 г. ссылается на обоюдное установленіе объ имуществѣ умершаго въ Греціи венеціанца. По договору 1123 г., въ случаѣ смерти съ языкомъ (завѣщаніемъ) и безъ языка, имущество, умершаго препровождается въ распоряженіе венеціанъ: «si veneticus ordinatus, vel *inordinatus*, quod nos *sine lingua* dicimus, obierit, res sue in potestatem veneticorum reducantur». Въ привиллегіи, данной венеціанамъ императоромъ Алексѣемъ III въ 1199 г., приводится ихъ просьба оградить имущество скончавшагося на греческой территоріи венеціанца отъ самоуправныхъ захватовъ мѣстными державцами и обезпечить распредѣленіе наслѣдственнаго имущества согласно волѣ умершаго, или его *душеприказчиками*, если онъ умеръ, составивъ завѣщаніе, или *тѣми изъ венеціанъ, которые въ то время тамъ обрѣтутся*. Императоръ уважилъ просьбу и выдалъ по этому поводу особый хрисовулъ. Наконецъ, грамотою императоръ Левъ II, подтверждая силу завѣщаній венеціанъ, умершихъ въ Греціи, и объ оставленіи наслѣдственнаго имущества *въ рукахъ венеціанца, или кого либо иного* при отсутствіи на мѣстѣ венеціанца, все равно — оставилъ или неоставилъ умершій завѣщаніе, повелѣваетъ имущество умершаго передавать всецѣло, для охраны, *архіепископу*, съ тѣмъ чтобы потомъ оно возвращалось по принадлежности дипломатическимъ путемъ (Tafel и Thomas: Font rer. Austr. в. XII, № 15, 49, 85, 94). Въ приведенныхъ актахъ духовное завѣщаніе разсматривается, какъ «ordinatio», соотвѣтствующее уряженію или обряженію—завѣщательному обряду Олегова договора, пользовавшемуся такимъ же покровительствомъ у грековъ, какимъ пользовались у римлянъ духовныя завѣщанія иностранцевъ (Ulp. 20 § 14). Оно называется языкомъ (lingua), какъ *изустное* объявленіе воли, не только въ Правдѣ Ярослава и его преемниковъ («аще умретъ *безъ языка*» и т. д.), въ письмѣ Владиміра Мономаха къ Олегу («Черниговъ *языкомъ* братьѣ пожаловахъ») и другихъ русскихъ памятникахъ, но и у южныхъ славянъ, напр. въ хрисовулѣ Стефана Родослава 1234 г. (P. Safarik: Pom- drewn. pism. 18), въ мирномъ договорѣ Дубровника съ царемъ болгарскимъ Михаиломъ Асѣномъ 1253 г. Изъ послѣдняго видно, что правительство договаривающейся стороны принимало подъ свою охрану имущество умершаго въ его владѣніяхъ чужеземца, когда съ умершимъ не было *товарищей*, передававшихъ имущество наслѣдникамъ: «Аще ключить сьмьрть некому человѣку п·п купьцу отъ твоего св. ти царства, или человѣку или купьцу Петра высокого севастократора въ княжество Дубровьско, или *съ езикомъ* яли *безъ езика*, и да будеть *безъ дружине*, да весь добитькъ онога мьрьца чинимо написати, и егда тво св. царьство за ихъ пошлеть свое книге (грамоту), да дамо»... и т. д. (F. Miklosich: Monum. Serb., № 11). Изустное

объявленіе воли переходило въ *память*, обыкновенно излагавшуюся *письменно*, какъ и посольская память. Почти всегда завѣщаніе называлось *словомъ*, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы завѣщательное слово не предавалось письму. Всѣ извѣстныя намъ завѣщанія—*слова* облечены въ письменную форму [1]), которая была даже обязательна по договору 912 г.: «возметъ уряженое его, кому будеть *писалъ* наслѣдити имѣнье его»; поэтому завѣщаніе представляется изустною грамотою или памятью [2]), какъ напр. духовная князя Ивана Глинскаго 1586 г.: «душя моя устроити и дочеришкомъ промыслити и людишка надѣлити по сей моей *изустной грамотѣ*» (Н. Лихачевъ: Сб. актовъ, в. I, № 191). Исключительно словесныя духовныя завѣщанія, «чтобы и рукописанія не было», знаетъ Псковск. судн. грам. (ст. 100) и узаконяетъ ихъ.

Обезпеченіе союзныхъ торговыхъ интересовъ и правъ договаривающимися государствами простиралось на лодьи, потерпѣвшія крушеніе или бѣдствіе (naufragium). Русскіе и греки обязались, по договору 912 г., въ статьѣ седьмой, взаимно содѣйствовать возвращенію такой лодьи въ свою страну и сбереженію ея груза. Подобная же статья находится въ договорахъ грековъ съ венеціанами, генуэзцами и иными державами. Такое же, въ сущности, обязательство, неоднократно повторялось въ договорахъ сѣв. верноруссскихъ княжествъ съ Ганзою и вошло, между прочимъ, въ довольно сходной сравнительно съ договорами X вѣка редакціи, съ нѣкоторыми варіаціями, въ торговый договоръ Смоленска съ нѣмцами 1229 г. Въ упомянутой статьѣ ярко отразилась совмѣстная совѣщательная работа пословъ русскихъ и греческихъ. Въ ней разглагольствуютъ и русскіе, и греки. Обязательство русскихъ, коимъ начинается и заканчивается статья, *пространное* обязательства грековъ, помѣщеннаго въ серединѣ статьи и сводящагося къ препровожденію ими потерпѣвшей крушеніе русской товарной лодьи *въ Русскую землю* и непрепятствованію продажи груза той лодьи. Вторая половина статьи налегаетъ на усердную заботливость русскихъ о цѣлости продажнаго греческаго груза и о доставкѣ его въ Грецію. Мѣсто крушенія есть *чужая земля*, куда бурей выбрасывается лодья (по догов. 945 г.: «выверженa на коемъ любо мѣстѣ»), для грековъ земля Русская—побережья Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго и Балтійскаго морей, для рус-

---

[1]) Владиміръ Васильковичъ объявилъ Мстиславу *словесно* свою предсмертную волю, а послѣ продолжительныхъ съ нимъ переговоровъ велѣлъ написать *духовную грамоту* (Ипат. 593, 594). «А *пишу* вамъ се *слово* того дѣля», говоритъ Семенъ Іоанновичъ въ духовной 1353 г.,—«чтобы не перестала *память* родителей нашихъ и наша и свѣча бы не угасла» (Собр. Гос. Гр. и Дог. № 24).

[2]) Изустною памятью назывался и предсмертный разсказъ о какихъ либо важныхъ событіяхъ, записанныхъ со словъ умирающаго Такова изустная память 1626 г. инока Іоны (А. Истор. т. III, № 141).

скихъ земля Греческая, съ Корсунскою страною, свобода которой гарантируется спеціальною статьею того договора, причемъ принимается въ соображеніе и ставится непремѣннымъ условіемъ препровожденія бѣдствующей лодьи въ свою страну *близость* мѣста крушенія въ чужой территоріи отъ своей территоріи, русской, или греческой. Подъ «чужую землю» отнюдь нельзя подводить землю третьяго народа или государства, ибо въ Смоленскомъ договорѣ съ нѣмцами, въ договорахъ грековъ съ венеціанами, пизанцами и генуэзцами X—XII в. и позднѣйшихъ нашихъ договорахъ мѣсто разбитія судна—челна или корабля не переносится за границы областей дружественной державы [1]). Помощь оказывается выброшенной бурею на берегъ греческой лодьѣ, если обрѣтутся тамъ русскіе: «обрящуться тамо иже отъ насъ, руси, да аще кто,—идеть снабдѣти лодью съ рухломъ своимъ (т. е. оснастить съ ея грузомъ) и отсылати паки на землю хрестьянскую». Трудовая помощь («спотружаемся гребцемъ тоя лодья») тѣми, кто тамъ окажется, подавалась настолько, насколько она вызывалась недостаточностью у постигнутыхъ несчастьемъ отъ бури собственныхъ силъ и средствъ для спасанія лодьи и отправки ее въ отечество. И по Смоленскому договору, затонувшій товаръ извлекался на берегъ *своею* дружиною,—тѣхъ, у кого разбилось судно, другая сторона привлекалась къ сотрудничеству «аже надобѣ ему *болше* помъчи» (ст. 44). Въ договорахъ Новгорода съ Ганзою говорится, что при кораблекрушеніи никто не смѣетъ причинять какое либо зло пострадавшимъ, а, напротивъ, каждый долженъ оказывать имъ всякое зависящее отъ него покровительство и пособіе (см. м. пр. А. Лерберга: Изслѣд. къ объясн. др. русск. ист., стр.

---

[1]) Въ грамотахъ 1140 и 1153 г. Раймунда и Райнальда Антіох.: «si naufragium in *terra mea* seu in *terra baronum meorum* passi fuerint de rebus suis nihil perdant salve quanto melius possint et navem et omnia sua recoligant».. (Font. rer. Austr. XII, № 46, 55). Въ догов. 1495 г. между датскимъ королемъ Іоанномъ и в. кн. Іоанномъ Васильевичемъ условлено: «Если случайно которые изъ нашихъ подданныхъ, застигнутые бурею на морѣ, причалятъ *къ берегамъ его государства*, или которые изъ подданныхъ его—*къ берегамъ нашего владѣнія*, таковыхъ обоюдно мы и онъ, наши и его приставы и смотрители, должны не только оставлять неприкосновенными пожитки и товары, но и оказывать имъ возможную помощь безъ всякой мзды и притѣсненія»... (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 110). Въ грамотѣ царя Ѳеодора Іоанновича 1584 г. купцу Говарду съ товарищами о свободной торговлѣ въ Россіи сказано: «.. а придетъ Англинскіе земли гостемъ и купцомъ на море которое изнеможенье—разобьетъ корабль и принесетъ тотъ корабль къ которому мѣсту *нашея земли* и мы животы ихъ велимъ сыскати въ правду»... (Ib. № 141). По Столбовскому договору 1617 г., между русскими и шведами, условлено: если корабли или суда подданныхъ обоихъ государствъ разобьетъ бурею и принесетъ къ берегу или *Соленаго моря*, или *Ладожскаго озера*, то ихъ отпускать безъ замѣшки со всѣмъ имѣніемъ, которое сберегутъ, а прибрежнымъ людямъ имъ помогать и беречь ихъ имѣніе (С. Соловьевъ: Ист. Рос., т. IX, гл. 1).

210, 211). Такое же правило помѣщено въ договорахъ грековъ съ латинянами XI—XIII в. Выраженіе «допровадимъ съ куплею ихъ (товаромъ) *поздорову-ти*»[1]) имѣетъ въ виду защиту въ «страшныхъ», опасныхъ мѣстахъ отъ непогоды и разбойническихъ нападеній кочевниковъ на морскихъ и рѣчныхъ побережьяхъ, состоявшихъ подъ владычествомъ вел. князя русскаго: «аще таковая лодья отъ буря или бороненія (препятствія) земного боронима (обороняема будучи), не можетъ възборонитися (побороть препятствіе къ возвращенію) въ своя си мѣста»...[2]) .

Изслѣдованіе договорной Правды X в. закончу разборомъ составленныхъ примѣнительно къ византійскому законодательству и славянорусскимъ обычаямъ (Маврикій и др.) постановленій о выкупѣ плѣнныхъ и о содѣйствіи одного государства другому къ выдачѣ преступниковъ. Правила о выкупѣ и освобожденіи плѣнныхъ, по моему чтенію и буквальному переводу, излагаются такъ въ договорѣ 912 г.: 1) Если плѣнникъ обѣихъ странъ содержится, *русскими*, *или греками*, *будучи проданъ въ иную*[3]) *страну* (греческую, или русскую), если обрѣтется (плѣнникъ) русскій или грекъ, да выкупятъ его (въ Лавр. ошибочно—«не купягъ»), и возвратятъ выкупленное (или по выкупѣ—«искупленное») лицо (въ нѣкот. сп. ошибочн. «лицемъ») въ свою страну, и возмутъ *цѣну его* покупщики («купящии»), или полагается (Радз. «вмѣняется»), въ возмѣщеніе покупки, на уплату («или мнится[4]) въ куплю на дачу») *челядинная цѣна*. 2) Также, если вой-

---

[1]) Въ ст.—«допровадимъ» и «да проводимъ». Ср: «одва *препровадиша* рѣку Лютую.—Кто ми *допровадить* рать мою домовь.—Рогволодъ изъ Полоцка *допровади* Святослава до Смоленска» (Ипат. 359, 485, 577). Въ путевыхъ запискахъ своихъ Аѳанасій замѣчаетъ, что морскимъ буруномъ судно «разбило о берегъ,.. Василей *поздорову* пришелъ, а мы пограблены», и что по Индѣйскому морю «не пройти никакому костяку (ср. kosten —костки во многихъ юридич. актахъ); кто ... не увидитъ, тотъ *поздорову* не проидетъ моремъ» (Лѣтоп. т. VI, 331, 338).

[2]) Тацитъ приводитъ одинъ случай гибели римскихъ кораблей отъ бури у береговъ Крымскаго полуострова еще въ 1-мъ столѣтіи, когда они возвращались домой послѣ пораженія Босфорскаго царя Митридата. «Корабли выброшены были на берега Тавриды и окружены варварами, которые убили префекта когорты и многихъ центуріоновъ (Annal. lib. XII, 17).

[3]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ—«ону», т. е. другую. *Иная* страна, одна изъ «обою страну», противополагаемая «своей странѣ», для грековъ Русская, для русскихъ Греческая (ср. въ др. ст.—«страна Русская, страна Греческая»), но отнюдь не третья страна, откуда договорный выкупъ плѣнныхъ былъ бы не мыслимъ,—хотя однажды договоръ 945 г. называетъ третьи страны иными: «... да увѣдятъ *ины страны* коку любовь имѣютъ греци съ русью» (ср. 26 ст. Смоленск. Правды).

[4]) «Мнится»—отъ глагола мнѣти— полагать (ср. Лавр. 398 и др., а также Словарь Срезневск., т. II, 228—230, гдѣ договорное выраженіе пропущено.

скомъ захваченъ будетъ (кто либо) изъ тѣхъ (содержащихся въ иной странѣ) *грековъ*, также да возвратится въ свою страну и отдана будетъ *цѣна его*, какъ сказано, какъ сдѣлана покупка («яко же есть купля»). Два правила: а) о выкупѣ *русскихъ и греческихъ* плѣнныхъ, попавшихъ, *по продажѣ* тѣхъ или другихъ, *въ союзную страну*, и б) о выкупѣ у русскихъ *греками* плѣнныхъ своихъ соотечественниковъ, непосредственно взятыхъ *на войнѣ* договаривающихся сторонъ и пребывающихъ въ Руси, соединяются учеными напрасно въ одну статью; по смыслу подлинника и по принятой договорами системѣ разглавленія, при сопоставленіи этихъ правилъ съ соотвѣтственнымъ постановленіемъ договора 945 г., необходимо раздѣлить ихъ на двѣ статьи. 3) Множество [1]) изъ какой либо страны (третьей) приходятъ *въ Русь* (плѣнниковъ разныхъ національностей) и продаются христіанамъ, притомъ-же («еще-же») *изъ грековъ* плѣнныхъ множество изъ какой либо страны приходятъ *въ Русь*; вотъ этимъ быть продаваемымъ («се продаеми бываютъ») по 20 золотыхъ («золота»), и пусть возвращаются *въ Грецію*, т. е. продажная при выкупѣ цѣна каждаго изъ сихъ грековъ за освобожденіе и возвращеніе въ Грецію исчисляется въ 20 «aureos» или «златицъ» (Никон.). [2]) Такъ какъ греки вели безпрерывныя войны, то и ихъ плѣнники въ большомъ количествѣ продавались по разнымъ странамъ, откуда перепродавались въ Россію. Игорь, въ ознаменованіе любви къ грекамъ, возвѣщенной миромъ 945 г., одарилъ ихъ пословъ, вѣроятно, тою *челядью* греческою, которая содержалась у него въ плѣну. Такую же челядь, препровождавшуюся для продажи изъ Руси въ Царьградъ, разумѣли: и Ольга въ обѣщаніи своемъ послу Цимисхія Косомѣру прислать царю «*челядь*, воскъ, скору и воевъ въ помощь» (Ник. т. IX, 30), и Святославъ,

---

[1]) Ср.: «отъ русскаго плъка *множайшихъ* порази и устроснѣмь огнемь *множайшее* корабле пожеже» (Лавр. изд. I, прилож., 245).

[2]) Цѣна эта имѣетъ основаніе въ римскомъ законодательствѣ. Источники приведены у Ф. Круга (Zur Münzkunde Russland's.—Критич. разысканія о древне русск. монетахъ, стр. 117 — 119). Не предпринимая нумизматическихъ изысканій, мы можемъ легко составить себѣ понятіе о договорномъ золотникѣ — золотомъ, если обратимся къ закону судному («Судебникъ царя Константина»). Въ главѣ этого законодат. сборника «О дѣвицѣ» постановлено, что лишившій ее невинности долженъ дать ей за посрамленіе *литру злата* (Законъ Юстиніана), «спрѣчь златицъ 72 стлязя», т. е. солидовъ (около 1050 франковъ). Памятникъ, приводимый мною ниже, считаетъ литру золотую также равной 72 золотникамъ, т. е. золотымъ монетамъ. Златицы назывались стлязями въ XI—XII в. (И. Срезневскій: Словарь). Кругъ, Рейске и др. полагаютъ, что золотникъ или solidus составлялъ 74-ю долю фунта. Золотую монету имѣетъ въ виду и ограниченіе, по договору 945 г., права каждаго русскаго покупать парчу не болѣе какъ на 50 золотниковъ. Въ торговомъ оборотѣ Россіи XVII в. былъ въ ходу обмѣнъ товаровъ на *литры пряденаго золота* «по семи рублей литра» (Русск. Ист. Библ. т. XV, № 116, 127).

когда сидѣлъ въ Дунайскомъ Переяславцѣ по занятіи 80 болгарскихъ городовъ, и императоръ Константинъ Порфирородный въ описаніи пути русскихъ торговцевъ въ Грецію. Обремененные товарами, они возили съ собою и скованныхъ невольниковъ. Между челядью, которая, по словамъ Святослава, привозилась изъ Руси въ Болгарію и которою «ополонялись» русскія дружины, вѣроятно, не мало было грековъ, какъ и между тою, которая привозилась русскими, вмѣстѣ съ мѣхами, въ Итиль на устье Волги, въ Хозарію и Булгарію (Ибнъ-Даста, Якутъ и Ибнъ-Хаукаль). Въ Царьградѣ, куда издревле привозили, для сбыта, невольниковъ съ береговъ Понта (Полибій), плѣнные продавались русскими купцами на базарѣ. Въ одномъ памятникѣ сказано: «и вземъ литру злата – 72 золотникъ—и доѣха до *торгу*, идѣ-же русьтіи купци приходяще, челядь продають». (Москвит. 1845 г., № 12). Этихъ-то русскихъ купцовъ и разумѣлъ дьякъ Игнатій, говоря, что по прибытіи его съ митрополитомъ Пименомъ въ Царьградъ (1389 г.), «пріидоша къ намъ русь, живущая тамо» [1]). По Страбону, торговцы, приходившіе чрезъ Босфоръ Киммерійскій, гдѣ центральными торговыми мѣстами были портовые города Фанагорія и Пантикапея, забирали плѣнныхъ, мѣха и др. товары, которые обмѣнивали на матеріи, вина и проч. Босфоряне плѣнныхъ возили на лодьяхъ и охотно предоставляли выкупать роднымъ. Греки обыкновенно уплачивали выкупную цѣну плѣнныхъ шелковыми или парчевыми матеріями и одеждами, за которыя, напримѣръ, въ 768 г., было выкуплено около 2500 плѣнныхъ христіанъ (Nicephi., Бон. изд., стр. 86). Славянскихъ плѣнниковъ греки покупали преимущественно на морской пристани *Кархъ*, куда привозились они «въ Румскую землю» мадьярами (Ибнъ-Даста, по Хвольсону, стр. 25—27). Вѣроятно, между этими плѣнными были и русскіе.

Правила Олегова договора о выкупѣ плѣнныхъ и о челядинной цѣнѣ не подверглись коренному измѣненію въ договорѣ Игоря, а только дополнены и пояснены: въ отношеніи плѣнныхъ, *приведенныхъ* для продажи въ дружественную *страну*, *гдѣ выкупъ производился*, выкупа взятыхъ греками на войнѣ русскихъ плѣнныхъ и оцѣнки купленнаго греками *русскаго* плѣнника, съ точнымъ притомъ опредѣленіемъ цѣны утраченнаго русскаго челядина. Нѣкоторые, заодно съ Владимірскимъ-Будановымъ, вопреки принятому Соловьевымъ правильному чтенію, ошибочно думаютъ, что по договору 945 г. цѣна *русскихъ* плѣнныхъ уменьшена вполовину противъ гре-

[1]) Изъ кабальной грамоты 1389 г. видно, что русскіе купцы, торговавшіе въ Кафѣ и «Грецкой землѣ», пользовались большимъ кредитомъ (А. Ист. I, № 252). Кромѣ купцовъ, въ Царьградѣ проживали русскіе списатели священныхъ книгъ, которыхъ встрѣтилъ Стефанъ новгородецъ, около полов. XIV в., въ Студійскомъ монастырѣ (Сахаровъ: Сказ. рус. нар., т. II). О торгов. снош. Руси съ Византіей см. W. Heyd: Gesch. d. Levantehandels, I. 65—77.

ческихъ плѣнныхъ. Въ статьѣ рѣчь идетъ не о русскихъ, но о *греческихъ* плѣнныхъ: «Елико *хрестьянъ* отъ власти нашея (государства нашего) пленена приведуть русь *тý* (т. е. приведутъ руссы *сюда*, въ Грецію, на продажу), аще будеть уноша[1]), или дѣвица добра (красивая)[2]), да вдадять златникъ 10 и поимуть и», и т. д. Затѣмъ трактуется о выкупѣ *русью* «по 10 золотниковъ» (aureos) плѣнныхъ своихъ соотечественниковъ, состоящихъ въ рабскомъ услуженіи («работающихъ») у грековъ[3]). Въ послѣднемъ постановленіи, какъ и въ договорѣ 912 г., различаются двѣ категоріи русскихъ плѣнныхъ: а) взятыхъ на войнѣ греками и б) купленныхъ греками. Это обнаруживается выраженіемъ «аще купилъ будеть гречинъ»; въ такомъ случаѣ ему предоставляется взять цѣну «елико же далъ будеть на немъ»[4]); значитъ, въ число работающихъ входятъ и не купленные, захваченные на войнѣ. Постановленіе договора 912 г. о *челядинной цѣнѣ*, изъемлющее платежъ за плѣнника изъ зависимости отъ покупной его стоимости, для лица отъ коего онъ выкупается, есть принятое договаривающимися державами отступленіе отъ основного правила о такой зависимости, связанное съ постановленіемъ объ утратѣ и платномъ возвращеніи *бѣжавшихъ челядиновъ*, распространявшимся, быть можетъ, и на тѣхъ преступно порабощенныхъ, которые подверглись принудительной продажѣ—«по нужи проданъ будеть»[5]). За послѣднихъ, согласно обычаю, одинаково могла пола-

---

[1]) «Аще кто унъ, сирѣчь 17 лѣтъ» (Павловъ: Кн. закон., стр. 60).

[2]) «Оскверняюще или растлѣвающе *благообразныхъ* женъ и *добрыхъ* дѣвицъ» (А. Ист. т. I, № 159).

[3]) Ольга значительную часть плѣнныхъ древлянъ «*работѣ* предасть мужемъ своимъ». Припомнимъ двукратно приведенный лѣтописью разсказъ о бѣдствіяхъ, какія терпѣли отъ кочевниковъ русскіе плѣнники: «... ови ведуться *полонени... куплени быхомъ... не пора ботахомъ*» и т. д. (подъ 1096 и 1185 г.); ср. въ догов. 945 г. «ли человѣка *поработитъ*».. Константинъ Порф., въ гл. 4-й De adm. imp., говоритъ, что печенѣги, при нападеніи на Русь, *порабощали* русскихъ женъ и дѣтей. То же самое говорилъ Владиміръ Мономахъ о половцахъ: «... на весну... пріѣхавъ половчинъ ударить смерда (пахаря) стрѣлою и *поиметь*.. и жену его и дѣти его» (Ипат. 191).

[4]) Подобное же постановленіе вошло, напр., въ договоръ 1568 г. между польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ и турецкимъ султаномъ: «... до сихъ часовъ которой полонъ былъ заведенъ до паньства нашого, тогды у кого тотъ полонъ найденъ будеть, не маеть за него больше и окупу дати, *только тое жъ за што онъ будеть купилъ*, и маеть за него справедливе присягънути—естъли онъ будеть за него только далъ» (Обол. и Данилов.: Кн. пос. в. кн. Лит., т. I).

[5]) Принудительную продажу челядиновъ надо соображать съ постановленіями Русской Правды о холопствѣ обельномъ: «Оже коупить *хотяй*» (ошибочно раздѣляютъ на «хотя и») до полугривне... а ногату дасть *передъ самъмъ холопомъ*» (Синод. сп.). Покупка холопа за низкую цѣну обращала его въ *полное* рабство только тогда, когда онъ *добро-*

гаться въ платежъ неподвижная выкупная цѣна, не исчисленная въ догов 912 г. и равнявшаяся двумъ паволокамъ (имперіаламъ) за бѣжавшаго и не отысканнаго челядина русскаго по договору 945 г., коимъ предусматривается сокрытіе отъ русскихъ гостей обреченнаго, очевидно, на продажу челядина, по прибытіи ихъ въ Грецію и поселеніи ихъ у св. Мамы: «*понеже* (послѣ того какъ) придуть въ страну царстія нашего» [1]). Упомянутая выкупная цѣна за подростковъ, старцевъ (5 золотниковъ) и не вполнѣ подходящихъ, по возрасту, къ отборному, наиболѣе дорогому разряду плѣнной челяди средовѣчей (8 золотниковъ), простиралась, несомнѣнно, также на русскихъ плѣнниковъ. Возвышеніе выкупной цѣны плѣнныхъ, попавшихъ въ Русь изъ *третьей* страны (20 золотыхъ по догов. 912 г.), являясь мѣрой, направленной къ облегченію участи перепродаваемыхъ въ отдаленныя страны или «въ поганыя» (см. посл. митр. Іоанна II въ Русск. Достоп., I) могло зависѣть и оттого, что покупщика такого плѣнника считалось несправедливымъ лишать, при обязательномъ выкупѣ, выгоды, на которую покупщикъ, естественно, не вправѣ уже былъ расчитывать, пріобрѣтая плѣнника, приведеннаго для продажи непосредственно изъ *дружественнаго* государства. Кто выкупается на свободу, да вдасть цѣну, ю же вдали на немь, потомъ же свободенъ» (Поуч. въ Изв. А. Н. X. 645). Притомъ, возвращеніе перепроданныхъ въ третью страну плѣнныхъ встрѣчало, какъ и впослѣдствіи, трудно преодолимыя препятствія, и содѣйствіе освобожденію ихъ вмѣнялось въ большую заслугу (Кормчая и Поученія). Въ 1255 г. чешскій король Премыславъ, озабочиваясь возвращеніемъ плѣнныхъ, взятыхъ при наѣздѣ угровъ, поляковъ и русскихъ на землю Опавскую и находившихся въ Польшѣ, вынужденъ былъ обратиться въ содѣйствію краковскаго епископа Прандоты съ цѣлью выкупа ихъ у угровъ, русиновъ и кумановъ—половцевъ (Niemcewich: Zbior pam. I, 309). Для правильнаго соображенія размѣра челядинной цѣны и условій выкупа въ догов. 912 и 945 г., укажу, во 1-хъ, на мирный договоръ конца V вѣка Атиллы съ императоромъ Феодосіемъ, по которому за каждаго плѣннаго, безъ выкупа бѣжавшаго римлянина полагалось 12 золотыхъ, при невозвращеніи плѣн-

---

вольно соглашался на его продажу и при немъ вручался за него покупщикомъ продавцу задатокъ не менѣе ногаты. Предлагаю сопоставить выраженіе 17 ст. Русск. Пр. Кар. сп.: «.. дати ему исправа желѣзо *изъ неволи, до полугривнѣ злата*».. «Изъ неволи» есть договорное «нехотяй». Ср. ст. 73 той же Правды о запрещеніи насильственной продажи закупа, введенія его «въ купу» (купчую) и т. д.

[1]) Въ догов. 912 г.: «*понеже* мы ся имали». Чтеніе: по нь же, въ 3-мъ изд. Лавр. лѣтоп., весьма неудачно. Ср.: «И *понеже* они *пріидоше* и близь Цара быше».. (Лавр. изд. I, прилож., стр. 245). Въ догов. 945 г.: .. «взимаютъ отъ насъ цѣну свою, яко же уставлено есть преже, двѣ паволоки за челядинъ».

ника его господиномъ (Прискъ), во 2-хъ, на очень важную статью Судебника людемъ царя Константина «О полону», повторяющуюся въ Кормчей. «Если кто отъ ратныхъ купитъ плѣнника по своей цѣнѣ, то плѣнникъ освобождается при отдачѣ *той же цѣны* за его выкупъ; плѣннику предоставляется наняться въ работу за условленную плату; когда онъ отработаетъ выкупную плату, то отпускается на свободу». Правило это проповѣдуется въ древнихъ поученіяхъ: «кто выкупается на свободу да вдасть цѣну, ю же вдали на немь, потомъ же свободенъ» (Изв. А. Н. X. 645). Развивая прежнія постановленія, по существеннымъ началамъ выкупа плѣнныхъ, договоръ 945 г. присоединяетъ къ постановленію о выкупѣ *греками* плѣнныхъ грековъ, взятыхъ русскими *на войнѣ* и находящихся въ Россіи, постановленіе о выкупѣ *русскими* такихъ же плѣнныхъ изъ русскихъ, захваченныхъ греками и находящихся въ Греціи, а также объ удостовѣреніи размѣра уплаченной *греками* цѣны за купленнаго имъ *въ Греціи* русскаго плѣнника *присягой*, которая допускалась и для удостовѣренія *русскими* цѣны, данной за плѣннаго грека (догов. 912 г.). Независимо отъ выкупа, плѣнные, по позднѣйшимъ договорамъ между русью и греками, или иными народами, какъ и по договорамъ грековъ съ болгарами и латинянами съ IX в., *безвозмездно возвращались* на извѣстныхъ условіяхъ, либо *обмѣнивались* по окончаніи войнъ русскихъ съ греками, нѣмцами, ляхами, уграми, шведами, литовцами и др. народами[1]). Послѣ неудачнаго похода

[1]) По заключеніи брака внуки Романа Лакапина съ Петромъ болгарскимъ было возвращено изъ болгарскаго плѣна множество грековъ (De adm. imp. гл. 13). Такъ и болгаре возвратили плѣнныхъ грековъ по договору при Мортагонѣ (Const. Porph: De vita Basilii и Кедринъ). Около 1043 г. Казиміръ польскій, вступая въ бракъ съ сестрою Ярослава Маріей, далъ за вѣно людей 800, еже бѣ *полониль* Болеславъ, побѣдивъ Ярослава. Владиміръ Мономахъ выпускалъ, примиряясь съ половцами, ихъ князей изъ оковъ (Поученіе). Въ 1250 г. Даніилъ Романовичъ, при заключеніи съ угорскимъ королемъ мира, обусловленнаго бракомъ сына Льва съ Кинькой, возвратилъ плѣненныхъ угорскихъ бояръ (Ипат.). Постановленія объ отпускѣ плѣнныхъ, безъ выкупа или съ выкупомъ, встрѣчаются въ русскихъ договорныхъ актахъ съ XIII в. Въ договорѣ Новгорода съ кн. тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1270 г. сказано: «А про *полонъ*, кто кдѣ заточенъ... то исправи» (Соб. Гос. Гр. и Дог. № 3.—См. также ссылки у Б. Чичерина: Несвободн. сост. въ др. Руси). Въ Никон. лѣтоп., подъ 1243 г., (какъ и въ Соф.) отмѣченъ слѣдующій фактъ: «Прислаша нѣмци съ поклономъ въ Новгородъ, глаголюще.... что есмя поимали въ полонъ людей вашихъ, а тѣми ся *розмѣнимъ*; мы вашихъ отпустимъ, а вы нашихъ отпустите, и псковскій полонъ пустимъ... и умирившася и полонъ весь отпустиша обоихъ» (т. X. 128, 129). Обычное выраженіе—«пустити на искупъ» (Лавр. 482), уладиться на искупъ» (Ипат. 452). Плѣнные называются челядью: «Володимеръ умирися (съ Конрад. Мазов.), и *челядь* ему вороти што была рать повоевала» (Ib. 581). Въ 1509 г. изъ Литвы приходили къ Вас. Ив. послы «о панехъ», которые на бою поиманы, чтобы ихъ отпу-

ла грековъ Владиміра Ярославича въ 1043 г., плѣненные греками 6000 русскихъ, съ воеводой Вышатой, были ими возвращены: «миру бывшю пущенъ бысть Вышата къ Ярославу *съ инъми* въ Русь [1]). Въ лѣтописи занесено, кромѣ приведеннаго мною, много случаевъ освобожденія плѣнныхъ, считавшагося, по Исаиному пророчеству, дѣломъ богоугоднымъ (Ипат. 577).

Въ договорныхъ постановленіяхъ о выдачѣ *преступниковъ* проводится принципъ *территоріальности*—jus territorii, о подвѣдомственности каждаго законамъ государства, гдѣ онъ пребываетъ, удержанный Карломъ Великимъ въ его капитуляріяхъ, напр., 797 г. (обѣщаніе саксонцамъ выдавать ихъ бѣглыхъ злодѣевъ). По этому коренному принципу, право преслѣдованія, суда и наказанія преступленій принадлежитъ государству, въ которомъ возникло преступленіе: гдѣ «тяжа родилась, тѹ ю кончати, притомъ, по своей Правдѣ, какъ постановлено, напримѣръ, въ договорахъ русскихъ съ нѣмцами XII, XIII в. и поляками (Договоры Новгорода и Пскова съ Казиміромъ), безъ пересуда дѣла въ чужомъ государствѣ. По древненѣмецкому праву, если тяжущійся происходилъ изъ *вендской* (славянской) страны, то жалобщикъ представлялъ доказательства на языкѣ той народности, къ которой принадлежалъ *отвѣтчикъ* (A. Daniels: Dat buk vichbelde recht) [2]) Изъятія допускались въ силу договоровъ и особыхъ льготъ, дарованныхъ нѣкоторымъ національностямъ, переселившимся изъ своего отечества и водворившимся въ другомъ государствѣ. Таковъ, приведенный мною законъ Ротара. Такъ, въ XI в. чехи, при князѣ Вратиславѣ, предоставили посе-

---

стилъ» (Воскр. т. VIII, 250). Въ силу Столбовскаго договора между царемъ Михаиломъ Ѳедор. и шведами 1617 г.—«полоняники съ обѣ стороны» подлежали освобожденію безъ окупа (Арх. гр. Делагарди) и т. д. Начиная свою поверхностную диссертацію о плѣнныхъ съ XIV в., А. Лохвицкій отмѣтилъ нѣкоторые случаи возвращенія плѣнныхъ безъ выкупа.

[1]) Изъ нихъ многіе были ослѣплены—«слѣпиша руси много». Въ 941 г., когда греческія войска разбили ополченіе Игоря, всѣ плѣнные русскіе были обезглавлены (Лиудпрандъ). По разсказу мусульманскихъ писателей, и русскіе, въ походѣ 943 г. на прикаспійскія страны, умерщвляли тѣхъ плѣнниковъ, за которыхъ не была дана выкупная сумма по 20 драхмъ, а по словамъ Льва Діакона, плѣнныхъ грековъ, мужчинъ и женщинъ Святославъ велѣлъ предать сожженію.

[2]) До IX в. выборъ закона для примѣненія въ дѣлахъ судебныхъ иногда обусловливался *происхожденіемъ* отвѣтчика, напр. по праву Рипуарскому, привлеченный къ суду отвѣтствовалъ по закону той страны «ubi natus fuit». (Дм. Никольскій: О выдачѣ преступниковъ). Саксонское Зерцало установило отвѣтственность каждаго по своему праву, за нѣкоторыми изъятіями (Art. 33, кн. III). По Русской Правдѣ, варяги судились русскимъ судомъ. Въ XVI в. территоріальная подсудность опредѣлялась, напр., такъ: «А жити бъ русскимъ людемъ въ Аглинской землѣ, агличаномъ на Руси—по земскому суду, какъ въ которой землѣ обычай ведетца» (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 136). Въ договорахъ

лившимся на ихъ землѣ тевтонцамъ судиться по нѣмецкому праву; даже пришлецъ изъ какой бы ни было земли, поселившійся съ тевтонцами въ Пражскомъ предградьѣ, «legem et constitutionem Theutonicorum habeat» (Jirecek: Cod. jur. Boh. 30). Выдача не столь важныхъ преступниковъ, по договорамъ русскихъ съ греками, не практиковалась, если не брать въ расчетъ условленную договорами 912 и 945 г. взаимную выдачу челядиновъ, *бѣжавшихъ* отъ русскихъ, или отъ грековъ, безъ сноса чужихъ вещей, подлежавшихъ возврату съ бѣглымъ челядиномъ. Договоръ 912 г. установилъ взаимную выдачу *злодѣевъ*, причинившихъ весьма значительный вредъ частнымъ лицамъ, или государству, своими «проказами», къ каковымъ, начиная съ декрета Хильдеберта 595 г. «de furibus et malefactoribus», не принадлежали заурядные, мелочные проступки. Злодѣй русскій, тать, разбойникъ, совершившій преступленіе въ Руси и скрывшійся на греческой территоріи для избѣжанія строгаго наказанія, («князь мечъ носитъ въ месть *злодѣямъ*», сказано въ лѣтоп. подъ 1212 г.), въ случаѣ не возвращенія добровольнаго, вслѣдъ за предъявленіемъ оффиціальнаго требованія задерживался и, посредствомъ принудительныхъ мѣръ, возвращался въ Русь греками, по жалобѣ русскихъ греческому правительству: «Аще злодѣй не възвратится въ Русь (въ нѣкоторыхъ спискахъ «не» пропущено) [1]), да жалуютъ русь хрестьянскому царству, и ятъ будетъ тако-

XIV—XV в. не мало наблюдается отступленій отъ основного правила подсудности. Напр., по догов. Полоцка съ нѣмецкимъ орденомъ 1405 г.: «А извинится нашъ полочанинъ у Ризе, ино его нѣмьцемь у Ризе не казнити, отпустити его у Верхъ; ино его тамъ свои полочане казнить». Точно также нѣмецъ, совершившій преступленіе въ Полоцкѣ, отпускался въ Ригу —«ино его свои тамъ судять по своему праву» (Наперскій: Русск.-Лив. акты). Въ догов. Полоцка съ Ригою 1407 г. постановлено: «Аще полочянинъ что преступитъ у Ризѣ, ино имъ того до Полоцка послать, ино его тамъ полочяне судятъ по своему праву; также нѣмецкій купецъ что проступитъ у Полоцку, ино его послать къ Ризѣ, ино его тамъ судитъ по ризьскому праву» (А. Арх. Эксп. I, № 16). Часто учреждались, по договорамъ, пограничные смѣшанные или обчіи суды изъ лицъ, назначенныхъ договаривающимися державами для рѣшенія дѣлъ между ихъ подданными, причемъ иногда, по договору, къ отвѣтчику примѣнялось право той національности, къ которой онъ принадлежалъ.

[1]) Въ Радзивил.: «возвратится изъ Руси». В. Сокольскій (О догов. русск. съ грек.) вмѣстѣ съ И. Бѣляевымъ читалъ: «Аще злодѣй възвратится»..., дѣлая произвольное переложеніе: — если преступникъ будетъ подлежать выдачѣ». Впрочемъ, слѣдуетъ отдать В. Сокольскому справедливость, что онъ слова: «Си же вся»... правильно отнесъ къ статьѣ о выдачѣ злодѣевъ, тогда какъ многіе, по недоразумѣнію, относятъ ихъ ко всему договору. Не вполнѣ ясное, но несомнѣнное разграниченіе выдачи «избѣговъ», по доброй ихъ волѣ и по принужденію, замѣчается мною, напр., въ договорн. грамотѣ литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казиміромъ и мазовецкими князьями, полов. XIV в: «А за избѣга— можемъ его добыти и выдати; аже его не можемъ добыти, можемъ его *искати* съ обою сторону»... (Я. Головацкій: Памятн.. яз. русск. XIV—XV в., № 1).

вый и възвращенъ будетъ нехотяй въ Русь. Си же вся (т. е. требованіе выдачи, задержаніе и возвращеніе, русскимъ правительствомъ, совершившихъ въ Греціи преступленіе и бѣжавшихъ въ Русь грековъ)—да створять русь грекомъ, идѣ же аще ключится таково». Выдача злодѣевъ представлялась и тогда такимъ же, какъ нынѣ, актомъ взаимной помощи одного государства другому (Мартенсъ: Современ. междунар. право, II, 419, 420). По договору 945 г., судьба подозрительнаго русскаго, пришедшаго въ Грецію безъ предупредительной *княжеской грамоты* и задержаннаго греческими властями, но бѣжавшаго въ Русь, поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія великаго князя и *бояръ*. Онъ предоставлялся въ ихъ произвольное распоряженіе; «яко имъ любо тако сътворять». Вѣсть о задержаніи его посылалась великому князю, хотя бы задержанный и оказалъ *преданность* греческой власти («предани будуть»), имѣвшей право, въ предѣлахъ Византіи, лишить жизни *сопротивляющагося* по непріязни. Постановленіе иначе нельзя объяснить, какъ тѣмъ, что русскій, прибывшій въ Грецію безъ предварительнаго оповѣщенія (княжеской грамоты), могъ быть признанъ нарушителемъ запрещенія русскимъ посѣщать Грецію помимо вѣдома великаго князя; но приходъ его могъ быть и оправданъ какими либо особо уважительными причинами.

Такова знаменитая Правда договоровъ русскихъ съ греками, которую, выражаясь языкомъ Смоленской Правды XIII в., въ примѣненіи къ подлежащимъ главамъ, долженъ былъ «взяти грекъ у Русской земли, а русинъ—у Греческой земли». Наука русскаго права, въ лицѣ своихъ представителей, легко собьется съ труднаго, но спасительнаго пути его *постепеннаго* развитія, если въ своемъ поступательномъ движеніи, пренебрегая началами Правды, которая, по сознанію самихъ грековъ, стяжала Россіи, въ X в., подъ сѣнью великокняжеской власти, славу *справедливаго* государства, будетъ отворачиваться отъ сохраненныхъ лѣтописью безсмертныхъ правовыхъ останковъ того отдаленнаго времени, какъ отъ разложившагося трупа. *Духъ* Правды договорной грекорусской живетъ донынѣ въ обычаяхъ русскаго народа и многихъ отрасляхъ нашего современнаго законодательства, а потому глубокое изученіе, обстоятельное и безпристрастное объясненіе ея, по сравнительному методу, въ связи съ важнѣйшими историческими фактами, можетъ быть смѣло положено въ фундаментъ отечественнаго правовѣдѣнія.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
4	(Лавр.) [2])	(Лавр.) [1])
—	князя искалъ	князя искали
8	Ягановича	Ягайловича
9	дѣлитъ русь	дѣлитъ Русь
—	налолокою	паволокою
10	нисходящіяся	нисходящія
25	по шести съ каждой стороны	по шести съ каждой стороны [1])
34	такъ позднѣе и	такъ и позднѣе
36	лѣтописнымь	лѣтописными
39	(см. гл. II.)	(см. гл. III)
45	норминнизмѣ	норманнизмѣ
51	Благочестиваго	Нѣмецкаго
64	Ліудпренду	Ліудпранду
66	[2]) Послаша по нь	[1]) Послаша по нь
67	Искрусеви	Искусеви
68	(лѣтоп. подъ 1074 г. [2])	(лѣтоп. подъ 1074 г.) [2])
83	iorameuto	ioramento
—	conuenimus	conuenimus
123	уступу	уставу
129	аубіють	оубіють
136	полупита	полупиша
149	наслѣдодатоль	наслѣдодатель